

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

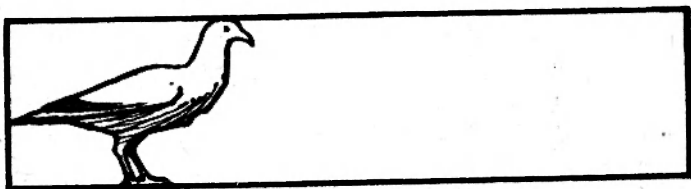

ГЕОРГИЙ КУБЛИЦКИЙ

**ВЕЧЕРА
СО СКАНДИНАВАМИ**

91 (H)

K 88

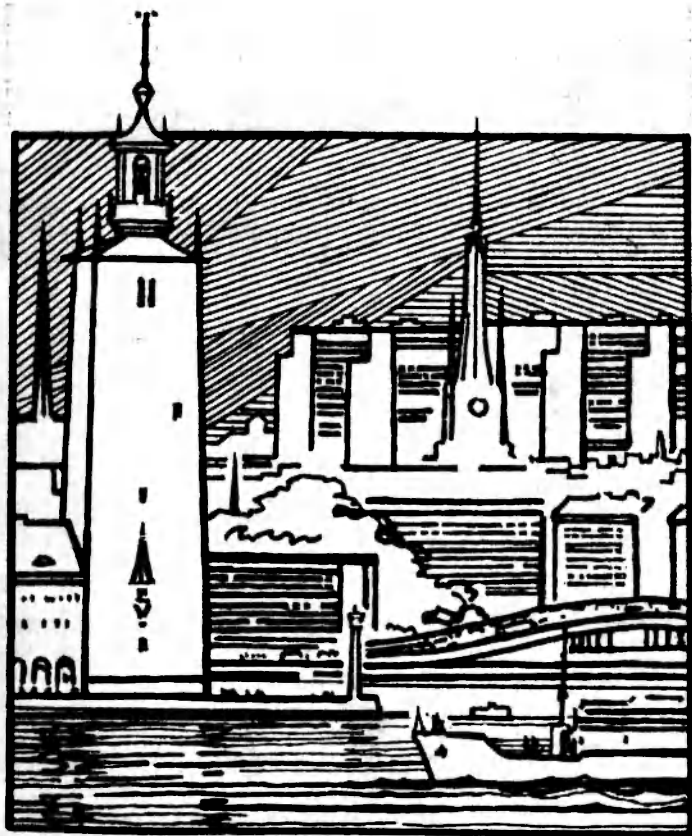
БОЛЬШОЙ СТОКГОЛЬМ

В ТОМ ЖЕ ДОМЕ

Дом узнаю сразу. Веранда предупредительно освещена, калитка не заперта на замок.

Впервые я открыл ее много лет назад, в редкий для поздней шведской осени мягкий вечер.

То была осень 1955 года. «Правда» напечатала заметку: «Как передает радио Стокгольма, вчера в Шве-

цию прибыла первая группа советских туристов, которые посетят ряд городов и осмотрят промышленную выставку».

С этой-то первой не только в Швеции, но и вообще в капиталистических странах туристской группой попал на скандинавскую землю и я. У меня до сих пор хранится ворох стокгольмских газет с описанием нашей поездки. Вокруг нее поднялась шумиха, которая кажется сегодня невероятной, неправдоподобной.

В столичном аэропорту Бромма нас встретили несколько десятков репортеров и кинохроникеров. Аршинные буквы на первой странице вечерней газеты сообщили: «Русские «обыкновенные» туристы прибыли». Обыкновенные — в кавычках, с многозначительным намеком...

Мы, косноязычно выталкивая старательно заученный скудный запас шведских слов, чувствовали замешательство от непривычных обращений: господин такой-то, госпожа такая-то. Нас смущали, а потом стали раздражать поминутные вспышки блицев, длинный хвост редакционных машин, тянувшийся за нашим автобусом, настырность журналистов, допытывающихся, кто дал нам валюту для поездки, где сшиты наши пиджаки и правда ли, что московских девушек, которые осмеливаются танцевать западные танцы, тотчас хватает полиция, чтобы немедленно выслать в Сибирь.

Портреты нашей руководительницы, двадцатичетырехлетней Ларисы Николаевой, мелькали в газетах вместе с хлесткими репортажами: «Очаровательная Лариса опекает взрослых, которые ведут себя, как дисциплинированные школьники на экскурсии»; «Советская Лариса отвергает куртизанство шведских мужчин»; «Лариса: «В шведских фильмах слишком много секса».

Первые советские туристы были сенсацией для шведов, и пресса усердно раздувала ее. Однако через несколько дней мы привыкли и к журналистам, начинавшим утро с интервью о вчерашнем вечере, и к коллекционерам, то предлагавшим меняться марками, то домогавшимся сувенирных «четвертинок» с настоящей русской водкой. В конце концов газеты сообщили читателям, что, как это ни странно, рус-

ские туристы действительно обыкновенные туристы и нет никаких доказательств того, что у них «промыты мозги».

Тогда-то нас и пригласил г-н Хуго Бергквист, директор и совладелец фабрики текстильных изделий. Поехали четверо, остальные были в кино.

Хозяин встретил нас у калитки этого вот двухэтажного особняка, расположенного довольно далеко от Стокгольма, в тихом поселке, где уютные виллы прятались в садах. Мы проговорили весь вечер. Говорили прямо и взаимно откровенно. Удивительно, как мало знали тогда о нашей стране, наших порядках, наших взглядах образованные шведы.

Позднее я получил от г-на Бергквиста лист картона, заключенный в прозрачный пластик, а также елочный калейдоскоп, оклеенный золотой бумагой. На листке была от руки написана сага, сочиненная г-ном Бергквистом и иллюстрированная его дочерью Черстин.

В ней рассказывалось о том, как после страшной военной грозы, пронесшейся над землей, сосед, взяв детишек, отправился навестить соседа. Но они были разобщены так долго, что теперь почти не понимали друг друга. Даже буквы были разными: когда Иван писал «в», сосед говорил, что это «бэ», когда Иван показывал «р», сосед уверял, что это «пэ». Лишь дети не чувствовали и тени неловкости: они играли, танцевали, им было весело, и они-то прекрасно понимали друг друга!

Помог соседям калейдоскоп. В него положили зернышко, не простое, а волшебное, помогающее сближению людей. И когда Иван, вырезав из газеты «Правда» буквы, высыпал их в калейдоскоп, вдруг оказалось, что теперь эти буквы понятны обоим. И гость вернулся в свою деревню, где, наверное, рассказал друзьям, как ему было приятно у соседа.

...Иду через сад, который сегодня блеском инея на оголенных ветвях соперничает с рождественскими витринами стокгольмских магазинов. Поднимаюсь на веранду. Минуту спустя мы с г-ном Хуго Бергквистом трясем друг другу руки.

Да, увы, оба постарели, погрузнели... Но Черстино, Черстин! Ведь тогда она была почти девочкой!

А это ее муж, инженер Клас Тоффт, знакомьтесь, пожалуйста! Внуки? Ну как же! Г-жа Бергквист стала бабушкой. У Черстин двое: Перу — пять, Елизабет — два годика. И двое у Фредерика — помните Фредерика, он тогда отвозил всех домой в гостиницу? Сын теперь уже инженер, работает на телевидении. Жаль, что сегодня он не смог приехать...

Портреты предков смотрят со стен, блики зажженных на столе свечей оживляют темные холсты. Хозяин поднимает рюмку:

— Сколы! — Универсальный скандинавский тост, нечто вроде нашего: «Ну, будем здоровы!»

Разговор не клеится. Мешают годы, прошедшие после первой встречи, и, наверное, шведская замкнутость или, может быть, чопорность. После нескольких неопределенных междометий хозяин начинает с расспросов: где, в каких странах побывал гость с тех пор, как повидал Швецию?

Гостю повезло, гость довольно много колесил по белу свету.

— А-а, и Египет тоже! — Г-н Бергквист встает из-за стола, тянет меня к лестнице на второй этаж, в кабинет.

Бюст Нефертити. Похож на тот, знаменитый, но несколько грубее.

— Я заплатил за него триста миллионов немецких марок. Друзья объявили меня сумасшедшим.

Триста миллионов марок?!

Да, так оно и было. В 1922 году г-н Бергквист приехал по делам в Берлин. Знаменитая статуя была выставлена там в музее. Ему сказали, что археолог, нашедший статую и тайком вывезший ее из Египта, умер и что в его коллекциях находится копия, которую можно приобрести. Хотя то было время жестокой инфляции, сумма, запрошенная за копию, казалась непомерной. Но г-н Бергквист заплатил.

В невоевавшей, но успешно торговавшей Швеции уже в те годы было накоплено изрядное богатство. Сюда стекалось немецкое и русское золото, золотой запас Швеции быстро утроился. И хотя Маяковский писал о чиновниках, которые, «не повернув головы кочан и чувств никаких не изведав, берут, не моргнув, паспорта датчан и разных прочих шведов», это было

уже некоторым анахронизмом, чиновничьей «тугой полицейской слоновостью».

Я не знал, что г-н Бергквист давно интересуется древностями Египта и Двуречья. А он, оказывается, в пятнадцать лет написал первые стихи о Гильгамеше. И сейчас на полках его библиотеки собраны все переводы этого древнего эпоса.

Спускаемся из кабинета вниз к столу, где нас нетерпеливо ждут.

Через полчаса — разговор о главном: что произошло после первой нашей встречи у нас и у них? Что изменилось? Чем люди живы?

Сначала о делах у нас в стране — и насколько же лучше знают теперь шведы своих соседей!

Потом о переменах в Швеции.

Прекрасная черта шведов — не спешить с ответом, сначала все хорошо обдумать и взвесить. Помня наш давний разговор, я был уверен, что и на этот раз не услышу от г-на Бергквиста пустых, обтекаемых фраз.

— Начнем с религии. — Хозяин серьезен, углублен в свои размышления. — Христианская вера? Рационалистическому уму шведа трудно примирить догматы предков с известиями из космоса.

— И кроме того, наше благосостояние лишает верующих важного стимула, — вставляет Клас, муж Черстин.

Я уже слышал это и от других: религиозность падает потому, что шведам уже вроде не о чем и просить бога...

— Да, высокое индустриальное развитие создало общество изобилия с перепроизводством товаров и многого другого. За исключением жилищ.

Хозяин снова уходит в кабинет и возвращается со стопкой томов в серых обложках.

— Шведская статистика одна из старейших в мире. Можно найти данные, относящиеся к XVI веку. В течение многих поколений мы, шведы, боялись зимы. Швед жил, имея три бочки зерна в год. Это две с половиной тысячи калорий в день. Теперь мы богаты. Мы не думаем о хлебе и каше. Прилавки магазинов завалены свежеморожеными и консервированными продуктами. Но почему мы недовольны?

— Люди в основном довольны! — быстро вставляет зять.

— Довольны? Точка! — Мне кажется, что г-н Бергквист чуть заметно усмехается. — Люди довольны. Они сытыми встают из-за стола. Но некоторые домашние хозяйки волнуются: продукты дороги и цены растут. Товаров много, соблазн велик, и кошелек опустошается так быстро.

Хозяин говорит о росте государственных расходов, о двух спиралях — поднимающихся вверх ценах и заработной плате, о спускающейся вниз покупательной способности шведской кроны.

Он считает, что в современной Швеции смешанное «капиталистическо-марксистское» общество и, по его мнению, социал-демократическая партия, стоящая у государственного руля, стремится к «социализации», мечтая национализировать как можно больше предприятий.

Тут я позволяю напомнить, что в «капиталистическо-марксистском» обществе, насколько можно судить по данным одной из старейших в мире статистик, лишь шесть процентов рабочих трудится на государственных и коммунальных предприятиях.

— Государственных предприятий мало, однако социализация может быть и скрытой, путем системы налогообложения, — не сдается г-н Бергквист. — И, кстати, государственные предприятия работают плохо.

— Но разве мы жалуемся? — замечает зять. — У нас перенасыщение товарами

— У нас все хотят иметь больше и больше. Люди не понимают, что не каждый солдат может стать генералом.

И, завершая разговор, хозяин произносит:

— Сколь!

Мне кажется, что в первую нашу встречу г-н Бергквист был настроен более оптимистически.

А как, кстати, дела на фабрике?

Г-н Бергквист просит дочь принести какой-то конверт. Там цветное фото. Маленький белый домик неподалеку от Малаги. Разве в Швеции бывает зимой такое ультрамариновое небо? Г-н Бергквист проводит в Испании четыре-пять месяцев в году: друзья, книги...

Он почти отошел от дел. Сначала фабрику расши-

рили, потом для шведской текстильной промышленности наступили мертвые времена. Гонконг, Португалия, отчасти Египет — вот откуда на мировой рынок хлынули дешевые ткани. Фабрику пришлось сдать в аренду фирме, производящей детали для электронно-вычислительных машин.

— Сколь! — хозяин поднимает рюмку.

...Свечи догорают, за окнами давно ночь. Мы прощаемся на дорожке сада. Муж Черстин успел прогреть мотор, машина рвет с места, и дом с освещенной верандой исчезает в темноте холодной ночи.

СТРАНА, О КОТОРОЙ СПОРЯТ

О Швеции сравнительно много говорят, пишут, спорят главным образом на Западе.

Некоторое время преобладали репортажи: да, жизненный уровень у шведов высок, но молодежь аморальна («шведский грех»); среди благополучных шведов необъяснимо много людей, в глазах которых пустота и скука; кривая самоубийств не желает снижаться; в окнах любой табачной лавочки можно видеть навалом лежащие вульгарнейшие порнографические журналы, открытки, книжонки.

Позднее разговор пошел другим, более глубоким фарватером. Все чаще говорят о мифическом характере «скандинавского социализма». Спорят о природе шведского общества, развенчивая его «исключительность». Дискутируют по поводу того, следует ли считать забастовки шведских высокооплачиваемых специалистов, вроде пилотов международных авиалиний, проявлением справедливой классовой борьбы. Оценивают некоторые явления экономической жизни Швеции как признак возможных потрясений.

Едва ли шведы за последние годы особенно избалованы доброжелательным отношением зарубежных авторов. Возьмите, например, статьи французского еженедельника «Нувель обсерватэр». «Потребляй свое и помалкивай» — так называется одна из них, и ее подзаголовки уточняют общую направленность: «Ад с кондиционированным воздухом», «Людское горючее», «Сито, в котором больше дыр, чем ячеек».

Правда, западногерманский «Штерн» почти одновременно призывал следовать примеру Швеции, поскольку там, мол, не делают религии из социализма и капитализма, берут понемножку от обоих и живут припеваючи.

Припеваючи? Но «Ви франсэз» говорит о шведах: «Они стараются забыться с помощью алкоголя или, если могут, ездят в солнечные страны». Сомнительный же шведский социализм, по мнению французского автора, символически сводится к тому, что за нарушение правил уличного движения мелкого служащего штрафуют в Швеции на 50 крон, а миллионера — на 1500. Летом 1969 года «Монд» отметила, что многочисленные перестройки и рационализации, осуществленные в Швеции за последнее время, увеличили безработицу. Они «внезапно нанесли удар тому, что огромное большинство шведов считало окончательно приобретенной привилегией: гарантии занятости... Шведы могут быть уволены в любом возрасте и по истечении многих месяцев оставаться без работы», правда, получая удовлетворительное пособие.

Да и всплывающие в потоке изящной словесности томики статистическо-экономического обзора «Свенска хандельсбанкен» отмечают неизменный рост квартплаты и цен продуктов питания, что тоже несколько снижает звучание штерновского «живут припеваючи».

Для характеристики пестроты и разноречивости мнений о нашем северном соседе сошлюсь на автора одной популярной книги, который считает, что весьма распространенные в Швеции слова «комитет» и «объединение» сразу напоминают о России, а шведские мечты о будущем ни более ни менее, как... советскую пропаганду! Этот автор уверяет, будто в шведском характере есть нечто славянское и что сани, бойко влекомые лошадками в Даларне, в самой шведской из шведских провинций, навевают мысли о гоголевской тройке!

Но если попытаться сгруппировать разноречивые мнения о достаточно интересной и сложной стране, то определяются как бы два полюса.

Один — «Дом для народа», «государство благосостояния» (терминология правящей социал-демократической партии).

Другой — «Акционерное общество Швеция» — достаточно типичная страна государственно-монополистического капитализма, известная исключительностью которой объясняется не социально-политической структурой, а полутора веками неучастия в войнах, нейтралитетом при весьма выгодной торговле с воевавшими странами.

Стоящая около четырех десятилетий у государственного руля Швеции одна из старейших в Европе социал-демократических партий утверждает, что «государство благосостояния» создано в результате ее политики. Шведские социал-демократы претендуют — и не совсем безуспешно — на признание за их опытом не только национального, но и некоторого международного значения.

Советский скандинавист В. Похлебкин говорит, что Скандинавия в глазах некоторых экономистов, политиков, социологов капиталистического мира стала как бы своеобразным социально-политическим полигоном, на котором испытывается новейшее вооружение, призванное служить капитализму не только в борьбе за право на существование, но даже за право называться... обществом будущего. Именно здесь — и прежде всего в Швеции — видят они некую модель «образцово-показательного» буржуазного общества, где ищут и будто бы находят рецепты для излечения социально-политических язв капитализма.

Как видим, даже беглый разговор в доме Хуго Бергквиста, мыслящего и образованного шведа, в чем-то отразил споры, ведущиеся вокруг «государства благосостояния».

Хозяин дома, вчерашний владелец фабрики, говорил о смешанном «капиталистическо-марксистском обществе».

Наивно? С нашей точки зрения, безусловно.

Но г-н Бергквист лишь по-своему интерпретировал некоторых буржуазных экономистов, уверяющих, будто Швеции посчастливилось найти некий средний путь, золотую середину между безудержным развитием частного капитализма и «доктринерским марксизмом»...

Бывший предприниматель, кажется, всерьез принял разговоры о «социализации», открытой и скрытой, выражая по этому поводу недовольство. Зато его

зять доволен всем. Во всяком случае, говорит, что доволен.

Ну, а что говорят другие шведы?

Разное говорят.

Я не специалист-экономист, не социолог. Шведская действительность интересовала меня как журналиста и писателя. Мне хотелось увидеть общее через частности, через человеческие судьбы. Я старался встречаться с людьми разных убеждений.

Расспрашивая своих старых и новых знакомых, пытаюсь узнать их мнение о пути, по которому шла и идет страна, услышал я и речи самодовольных, и реплики неудовлетворенных, и ответы размышляющих.

Вот некоторые из этих ответов; надеюсь, что последующие очерки помогут читателю определить их действительную ценность.

— Самое типичное — это развитие индивидуализма. Развитие нашего общества в индивидуалистическом направлении. Сосредоточие помыслов людей на покупке новых машин, новой мебели, на поездках за границу, — сказал видный ученый, государственный чиновник, давний член социал-демократической партии.

Скотник на ферме тоже был краток:

— Хорошее время! Теперь у меня свой дом. Купил «фольксваген». Молодые не идут в скотники, воротят нос от навоза. Правда, работать приходится крепко. Нас было пятеро, потом сменили доильные машины и одного уволили. Так что только поворачивайся!

— Перемены за последние десять лет? Фантастический рост общего благосостояния. Общего, заметьте! Все остальное, в том числе и негативное, — лишь следствие повышения жизненного уровня.

Это ответ хорошо оплачиваемого служащего крупного концерна, ведущего дела во многих странах. Мы встретились за кофе, вне конторы, фразы не предназначались одновременно для чуткого уха патрона. Повидимому, они отражали твердые убеждения собеседника, великодушно, но без достаточных оснований распространявшего свои служебные и материальные успехи на всех окружающих.

Господин, весьма дорогой галстук которого был повязан чрезвычайно небрежно, сказал мне с просто-душно-наивным выражением лица:

— Левые пошли немножко вправо, правые пошли немножко влево. Это ничего, бывает... Вы у себя убили капитализм. Наши социал-демократы умнее: они доят капиталистов.

Разговор был мимолетным, на приеме в посольстве. Позднее мне сказали, что мой собеседник занимается формированием увеселительных эстрадных программ для летних парков. Однако еще не столь давно он, кажется, был священнослужителем.

На встрече с членами общества «Швеция — СССР» я записал такой диалог:

— Главное за последние десять лет? Конечно, повышение жизненного уровня. Потом закон о пенсиях по труду. Это большое социальное завоевание. Дальше — ликвидация барьеров в образовании.

— Ну, последнее, пожалуй, спорно. В Стокгольме, возможно, да. Но по-прежнему среди студенчества слишком мало детей рабочих.

— Однако никто не будет отрицать важнейшее значение школьной реформы. Теперь многим будет легче продолжать образование.

— Безусловно, это так. А если перейти к внешне-политическим делам, то, с моей точки зрения, главное — улучшение отношений с вами, с Советским Союзом.

— Однако наш гость должен знать: пока еще не так уж много людей, готовых активно работать для такого улучшения... Все не так просто...

Я разговаривал и с молодыми. Студентка, по семейным обстоятельствам прерывавшая учебу и теперь наверстывающая потерянное время, в общем была довольна судьбой. Отец ее, мастер на мебельной фабрике, уже три года как ушел на пенсию, получал прилично и в свое время сумел сделать некоторые сбережения.

— Не в повышении цен дело, — сказала студентка. — В конце концов заработная плата тоже выросла. Девушка, окончившая школу, может получить место в конторе или в магазине. Она может одеваться так, как ее матери и не снилось. Дорогая косметика? Ничего, экономят на еде. Но вот что-то начинает беспокоить ее. Она замечает, что люди вокруг покупают машины, возвращаются на своих машинах с работы

домой и до одури сидят у своих телевизоров. Сегодня, завтра, год. Этим людям нет дела до чужих проблем. Но молодежь не хочет, чтобы Швеция была островком, где сытые просиживают кресла перед телевизором. Молодежь бунтует. Она хочет, чтобы люди не были глухи к тревогам большого мира. Она устраивает митинги протеста против янки во Вьетнаме.

В техническом управлении Стокгольма моим собеседником оказался архитектор:

— Видели вы в пятьдесят пятом столько кранов, сколько сегодня? Не кажется ли вам, что мы все же кое-что строим?

Я с готовностью подтвердил, что видел большие строительные работы всюду — и в самом Стокгольме, и на юге страны, и к северу от столицы — правда, там на этот раз я не был дальше Евле.

Но стоп! Если я приведу выдержки из записей еще десяти или двадцати бесед, тема все равно не будет исчерпана. Я не назвал имен своих собеседников, однако со многими из них читателю еще предстоит встречи и более близкое знакомство. С их бытом, с их бюджетом. С их проблемами и с их обычаями. С их надеждами и с их планами. С городами, районами, поселками, где они живут, со школами, где учатся их дети, с домами молодежи, где эти дети проводят вечера, став подростками. Со всем тем, что, по мнению автора, поможет составить более предметное представление о стране, возбуждающей споры, и о людях, у которых можно кое-чему поучиться, о которых стоит узнать, помимо прочего, и то, что может послужить предостережением...

«НЬЮ-ИОРК?»

В 1955 году Стокгольм сохранял черты добротной, уютной европейской провинции. Ничуть не казалось устаревшим утверждение Михаила Кольцова, писавшего в довоенные годы, что в этом городе удобства жизни, еда, сон больше чем культ.

Пульс города бился ровно, спокойно. Неизменная предупредительность встречала вас в магазинах, в кафе, на улицах. У перекрестков терпеливо дожидая-

лись зеленого света толпы велосипедистов. Водитель, заметив на «зебре» пешехода, останавливал машину и с улыбкой показывал вам рукой: прошу вас, проходите, пожалуйста, я подожду. Лишь мы, русские, позволяли себе, к крайнему удивлению дисциплинированных шведов, перебегать улицу там, где сие не позволено.

Сами шведы называли Стокгольм Большим маленьким городом. В начале века приезжие находили, что, пожалуй, он слишком важен и элегантен для скромной и не очень богатой страны. Однако все сходилось на том, что Стокгольм удобен и уютен, как старый, хорошо поставленный дом с традициями неназойливого гостеприимства.

Последние два — два с половиной десятилетия превратили шведскую столицу в Большой Стокгольм. Город резко раздвинулся, растянулся, поднялся вверх. К началу 1969 года он вообрал в свои границы уже шестую часть населения страны.

Став Большим городом, Стокгольм, на мой взгляд, многое нашел, но и потерял немало. Расшатались нервы, сердцу трудно в разросшемся, рыхловатом теле, все чаще тромбы в узких артериях старых кварталов...

Фотоальбом стокгольмского быта, который мне подарили в первый приезд, в 1955 году, украшал идиллический снимок: возчику понадобилось осмотреть подковы своей лошади на Васагатан, магистрали достаточно бойкой. Движение, конечно, приостановилось, но все принимали это совершенно спокойно, как должное.

Теперь Васагатан — в синем едком дыму мчащихся автомашин. Сегодняшний Стокгольм потерял былое спокойствие и размеренность. В напряженные утренние и вечерние часы «пик» частота его пульса нарастает, кажется, до ста двадцати ударов в минуту.

Не верю глазам: какие-то безумцы перебегают на красный свет Кунгсгатан, главную улицу. Может, иностранцы? Да нет, шведы. Солидные господа с зонтиками-тростями. И даже старушка в кокетливой шляпке с меховой оторочкой. А у перекрестка десятки машин, коротко рывкая, изливают негодование на неудачника, у которого заглох мотор: не загораживай дорогу, нам некогда, некогда, некогда!

И уже не удивляет книга в витрине, раскрытая на снимке забитой машинами Кунгсгатан, под которым предельно лаконичная подпись спрашивает: «Нью-Йорк?» Прожив три осени за океаном, могу засвидетельствовать: действительно, есть сходство. До Бродвея Кунгсгатан не дотягивает, но с Сорок второй улицей, пожалуй, поспорит.

Правда, и сегодня в Стокгольме еще можно изредка увидеть четверку битюгов, от которых испуганно шарахаются автомобили. Битюги влекут огромные деревянные дроги с уложенными и подвешенными на цепях бочонками пива. Его рекламы ради развозят кучера, картинно одетые в стиле «добрых старых времен».

А мимо дрог проносятся набитые развязными парнями большие потрепанные машины с рыжими лисьими хвостами на антеннах, что примерно означает: «Ищем подружек», или: «Девицы, давайте к нам».

«Добрые, старые времена»? Но витрины лавчонок неподалеку от церкви св. Клары полны такой бесстыдной, откровенной порнографии, смакующей всевозможные половые извращения, какую мне не приходилось видеть даже на печально-знаменитом в Европе гамбургском Репербане.

Конечно, это лишь накипь в котле Большого города. Она не определяет сегодняшнего облика шведской столицы, но все же бросается в глаза. Особенно тому, кто помнил Большой маленький город.

Если подняться на одну из высотных обзорных вышек, то сегодняшний Большой Стокгольм с птичьего полета являет зрелище поистине великолепное.

Предки шведов выбрали для будущей своей столицы удивительно удачное место среди вод, камня и лесов. Прожив семьсот с лишним лет, город сумел сберечь кое-где первобытность гранитных скал, а могучая зелень парков сойдет за сохраненные старые рощи. Здесь и по сей день без крайней надобности не пускают бульдозер с катком, не рвут скалу, если ее выступ можно оставить украшением улицы.

В силуэте Стокгольма стрельчатые башни древних соборов соседствуют со светлыми прямоугольниками современных небоскребов. Корабли идут под мостами, перекинутыми над проливом.

Нетронутый гранит, зелень парков, синева вод придают северному городу то очарование, которое утрачено многими европейскими столицами, где застройка слишком потеснила, приглушила, подавила природный ландшафт.

На маленьком островке сохранился «город между мостами», древнее ядро столицы. Там королевский дворец, церкви рыцарских времен, узкие улочки, чугунные дворянские гербы над дверями.

Даже сегодня почти в любом районе Стокгольма можно наткнуться на идиллические оазисы тишины и покоя.

Парк, зеленая лужайка с коротко подстриженной травой. На скамейке — мужчина в черном старомодном костюме, женщина, кутающаяся в меховую накидку. Тут же девять собачонок в попонках. Собачье семейство полно достоинства. Возможно, миниатюрные псы уже на возрасте? Или хорошо воспитаны? Чинно прогуливаются, не обращая внимания на воробьев, купающихся в лужице у колонки с фонтанчиком для питья.

Норр Меларстранд, набережная вдоль озера Меларен. Она начинается у стокгольмской ратуши, почти в центре столицы. Но посмотрите: к столбикам изгороди прибиты грубо отесанные доски со следами коры, как будто совершенно чужие облику города. Такие привычно видеть на старой ферме.

Однако как они уместны здесь, как резко отделяют забитую машинами проезжую часть набережной от пологого склона, где плакучие ивы склоняются к спокойному Меларену! Там, по склону, дорожки без асфальта, деревянные скамейки. Старики, щурясь от солнца, наблюдают, как на береговых валунах чайки ссорятся с дикими утками, которые здесь ничуть не пугливее домашних.

И столь же уместны скульптурные изображения зверей, сохраняемые над аптеками. Вот на углу — позолоченный олень в нише. В другом месте — лань над дверью. Скульптуры располагают к доверию: значит, аптека старая, с традициями, с опытным провизором.

На скалистом обрыве, высоко над водами — улочка. Булыжная мостовая, чугунные фонари, в которых когда-то горели керосиновые лампы. У обрыва — смот-

ровые телескопы. Здесь особенно хорошо вечером. Множество огней дробится в волнах, поднятых паромом. Труба телескопа притягивает улицы центра, заглядывает в далекие окна, где мелькают чужие тени... Но что-то щелкнуло, и видения исчезли: телескоп отработал монетку, сунутую в его щель, требует еще...

И мостовая и фонари сохраняются специально для колорита, для настроения.

Я был как-то в гостях у известного столичного шахматиста, недавно переехавшего в новый дом. Хозяин подвел меня к окну:

— Взгляните, там — заповедник. Город оставляет некоторые типичные старые дома. В этих живут художники.

Внутри квартала, поднявшего над улицами фасады многоэтажных зданий, стояли два деревянных дома. Листва могучих кленов прикрывала их. Вокруг была изгородь, возле которой скособочилась какая-то темная надворная постройка.

Я вспомнил, с каким трудом отыскивал не так давно приметы всего сорокалетней давности в фантастически разросшемся Новосибирске, где прошла моя юность. Вспомнил, как выглядел район возле станции метро «Аэропорт» в Москве, куда я десять лет назад переехал на новую квартиру. Тогда наш дом поднимался над массой стареньких деревянных особнячков, утопающих в зарослях сирени и акаций. Теперь последние из них ожидают сноса. Еще два-три года — и ничто не будет напоминать, что тут была московская окраина. А шведы всюду оставляют как бы маленькие бытовые музеи истории городов. И я позавидовал им.

Нет, все-таки сходство Стокгольма с Нью-Йорком исчерпывается видом Кунгсгатан в часы «пик»!

Наверное, предполагалось, что подпись под снимком, сравнивающая шведскую столицу с Нью-Йорком, польстит шведам. Во времена не столь отдаленные некоторые политические деятели заходили очень далеко и не прочь были намекнуть, что «американизация Швеции» звучит не так уж плохо. Но взрывы американских бомб во Вьетнаме всколыхнули шведское общество. Даже сторонники «американизации» многое пересмотрели, в том числе и образцы для подражания.

Обратимся, однако, к проблемам более узким. Кое в чем Стокгольму могут позавидовать и Нью-Йорк и весьма многие города мира. Возьмите планирование и регулирование градостроительства. Шведская столица избежала той степени анархии застройки, которая была свойственна Нью-Йорку. С предусмотрительностью, вызывающей уважение, власти Стокгольма еще лет шестьдесят назад начали скупать земли у частных владельцев. Скупали в центре, скупали далеко за городской чертой.

В 1928 году, когда, казалось, никому не мерещился Большой Стокгольм, муниципалитет уже владел значительной частью нынешней его территории. Позднее это помогло строить на окраинах и в городах-спутниках по тщательно разработанным проектам. По генеральному же плану с 1958 года реконструируется старая часть Стокгольма.

Здесь сохранили только здания, представляющие историческую ценность, и снесли кварталы так называемого «каменного города», застроенные в двадцатых годах скучными коробками. Чтобы архитекторы имели полный простор, шведский риксдаг (парламент) принял редкий для капиталистических стран закон о принудительном выкупе у частных владельцев тех земельных участков, которые еще оставались в районе перестройки. Проект реконструкции был составлен с учетом развития автомобилизма, подземного транспорта и роста Большого Стокгольма.

Теперь Хёторгс-сити, или просто Сити, новый торгово-административный центр столицы, почти готов. Это прежде всего пять высотных, но не небоскрежных зданий (восемнадцать этажей над землей, три — под землей), таких, о которых можно сказать словами Маяковского: совершенные и современные, как динамо. Они холодно посверкивают стеклом. Однако на плоских крышах невысоких зданий, на уровне второго этажа как бы соединяющих высотные блоки в единое целое, посажены сады. Зелень придает всему комплексу человеческую обжитость, роднит его с общим обликом Стокгольма.

Напротив высотных блоков — конторы крупнейших банков Швеции. За безупречно прозрачным зеркальным стеклом витрин медленно вращаются позолочен-

ные цилиндры. Их поверхность оклеена банкнотами. Тут доллары, фунты стерлингов, марки, франки, кроны, гульденy, лиры, иены. Над цилиндрами тщеславно парят золотые и серебряные монеты. Вкуса не бог весть сколько, но валюты много...

Крупнейший универмаг «Оленс», примыкающий к Сити с другой стороны, едва ли можно признать гармоничным дополнением нового центра: прямоугольник с пестрым фасадом, где и лепка и позолота.

Что же касается центрального комплекса Сити, то он, пожалуй, внешне несколько напоминает наш Новый Арбат.

Одна особенность нового центра шведской столицы кажется мне по-своему знаменательной: стремление — пусть хотя бы на какое-то время, пусть на ограниченном пространстве — отделить человека от машины.

Насыщая воздух едким газом, плотные стада автомобилей со всех сторон обтекают Сити. В одном месте они проносятся и сквозь него по широкой эстакаде над улицей. Но в Сити въезда для них нет. Эти улицы — для пешеходов, только для пешеходов. Пересекайте их где угодно, в любом месте, с гордо поднятой головой!

Прямо посередине Сергельгатан, главной магистрали Сити, поставлены скамейки. Вытянув ноги, разложив вокруг свертки и пакеты, покупатели отдыхают перед тем, как прямо с улицы спуститься в метро или в подземный гараж к своей машине.

Здесь же дают небольшой концертик доблестные воины и воительницы Армии спасения. Три перезревшие девицы и пять рослых мужчин, пышущих здоровьем, поют что-то довольно веселое, мало похожее на душеспасительные псалмы. На всех — темная форма с малиновыми кантами и серебряными эмблемами или знаками различия: ведь в армии, занятой спасением человеческих душ, есть свои майоры и даже генералы.

Но эти, как видно, в чинах небольших, и один толстяк легкомысленно подмигивает публике. Слушают их плохо — какое уж тут религиозное сосредоточение среди торговой толчеи! Верткий парень, выскочив из толпы, затряс кудрями и не без успеха отколол под псалмопение коленце модного танца...

Опять-таки прямо посреди улицы огромная, вели-

чиной с лошадь, уродливая гипсовая модель человеческой ступни с надписью: «Современная шведская скульптура». Детишки карабкаются на нее, какой-то карапуз оседлал оттопыренный большой палец. Трехколесные велосипедики малышей — единственный вид транспорта, дозволенный на Сергельгатан и в коротких боковых улицах Сити.

Бродя по Сити, я сравнивал его с пешеходным заповедником в новом центре Роттердама. Впрочем, не только у шведов и голландцев, не только в крупных городах материализуется подобным образом стремление защититься от самих себя, физически и психологически попавших почти что в рабство к собственной автомашине.

ОДНА МАШИНА НА... ШВЕДОВ

Не знаю новейшей цифры, которая могла бы достоверно заменить многоточие в заголовке.

Привести последнюю из опубликованных? Но она, несомненно, уже окажется несколько заниженной, а шведы весьма чувствительны на сей счет. Если не в первый, то уж, во всяком случае, на второй или третий день пребывания в стране вы либо из разговоров, либо из популярных брошюр узнаете, сколько именно и каких материальных благ приходится на гражданина «государства благосостояния». Это предмет гордости, если хотите — повод для самодовольства.

В 1955 году одна автомашина приходилась, как нам говорили, на одиннадцать шведов. В 1968 году — одна на четверых. Купив в Стокгольме изданную специально для туристов брошюру «Швеция сегодня», я узнал из нее, что каждая вторая шведская семья «имеет сегодня свой автомобиль и многие служащие пользуются услугами автомобилей, принадлежащих их фирмам».

Семья — понятие несколько расплывчатое, но вполне можно предположить, что к моменту, когда эта книга выйдет в свет, каждую учтенную статистикой автомашину будут делить между собой 3,27 или даже 2,81 статистического шведа.

Не нужно доказывать, что машина — несомнен-

ный признак растущего благосостояния. Много автомобилей — это хорошо. Однако к концу первого месяца жизни в Швеции мне частенько приходила в голову старая присказка: хорошо, да не дую же.

Нет, я не собираюсь доказывать, что в трамвае куда лучше, чем за баранкой своей машины. Просто хочу поделиться некоторыми наблюдениями на тему: машина, человек, улица в большом шведском городе.

В мировой печати все чаще появляются статьи с призывами остановить «автомобильное безумие». Доводов уйма: растущее число жертв при катастрофах, вредное для человека насыщение уличного воздуха выхлопными газами, расходы на содержание армии работников, обслуживающих и регулирующих автодвижение, еще более высокие расходы на реконструкцию городов, в которых автомобилю тесно, рост специфических «болезней автомобилиста» и т. д. и т. п.

Правда, исследователи уже давно пришли к выводу, что к проблемам автомобилизма нельзя подходить с упрощенными мерками полезности, рациональности, экономичности и т. д. Да, по некоторым данным, средняя реальная скорость автомобиля в центральных районах Парижа колеблется в пределах 7—15 километров в час. Другие подсчеты утверждают, что в крупнейших городах Запада только одна десятая часть машин движется по назначению, тогда как девять десятых ищут тем временем место стоянки. И все же производство и продажа автомобилей продолжают расти, потому что множество людей просто влюблены в машины, для них автомобиль, как выразился один автор, и «член семьи», и символ деловитости, и занятая механическая игрушка (а взрослые — всегда немного дети!), и партнер в спортивной игре, пусть довольно опасной, и даже некий нарядный «костюм»...

Стокгольм считают одним из немногих городов мира, где, по мнению специалистов, транспортные проблемы разрешены в общем довольно удачно. И все же...

Владельцы машин, работающие в Стокгольме, но убежавшие от тесноты или дороговизны жилья, от бьющего по нервам грохота и шума столицы в дальние пригороды, выезжают на работу почти тогда же, что и люди, пользующиеся общественным транспортом: примерно за час до начала трудового дня. На до-

рогах, ведущих в Стокгольм, одна и та же картина, заставляющая призадуматься: машина к машине, и обычно в каждой — один человек, впившийся в руль.

Один человек, повелитель и раб десятков лошадиных сил мотора, старающийся обогнать себе подобных, чтобы проскочить напряженные магистрали до заполнения их потоками медленно ползущих в синем облаке машин, а главное — найти для стоянки местечко поближе и получше.

Стоянка в Стокгольме, даже платная, — штука не простая. Однажды мы с другом минут двадцать описывали круги возле его дома, но всюду у колонок, поглощающих монеты, уже приткнулись машины. На ветровом стекле двух из них белели извещения о штрафах, прилепанные «лап-лизой» — девушкой с каменным сердцем, облаченной в темно-зеленую форму с металлической кокардой на пилотке. «Лап-лизы» — их в Стокгольме много — безжалостно штрафуют тех, кто не успел убрать машину или сунуть в щель колонки дополнительные монеты после того, как оплаченное время стоянки истекло.

Словно напуганные бедами больших городов, новые поселки под Стокгольмом ревниво сохраняют территории, куда чужим машинам вообще нет въезда. Сверх того и каждый дом там в активной обороне от машинного засилья: запретительные знаки охраняют все подступы к нему.

Архитектор Эрик Ларсон, показывая новый жилой район в Евле, значительном торговом и промышленном городе на берегу Ботнического залива, подчеркнул:

— Одна из идей застройки у нас такова: никакого проезда машин под окнами. Почему бы владельцу не прогуляться к месту парковки? Это сравнительно далеко, но надо же думать о людях!

В стокгольмском Сити свыше сотни крупных магазинов. Грузовики с товарами для них рычат на подземных служебных улицах, а часть потока, как я уже говорил, пущена по виадуку. Однако машины все же взяли реванш на прилегающей площади: там они бегут по поверхности, тогда как магазины упрятаны под землю. Подобное решение проблемы вызывает споры. Чего доброго, говорят его противники, так лет

через 20—30 солнечным светом будут наслаждаться автомобили, а люди перейдут на положение кротов!

И один шведский автор пишет о пешеходах, движущихся нервно и торопливо, словно им до смерти хочется поскорее залезть обратно в свои машины, из которых они ненадолго отлучились. Эти люди зависят от своих автомобилей: они живут вместе со своими машинами и ради них, а потому хотят и умирать вместе с ними, ибо в минуту смертельной опасности думают не о себе, а сознательно или бессознательно боятся только одного — потерять машину...

Дальновидно спланированная реконструкция центра Стокгольма стоит огромных денег. Но, вероятно, существует предел приспособляемости города к нуждам разросшегося и продолжающего расти автостада. Только четвертая часть стокгольмских автомобилистов может приезжать к Сити на своих машинах: лимитирует пропускная способность улиц и ближайших мест стоянки. Остальные господа автовладельцы да соглашались воспользоваться метро или автобусом!

Поскольку приобретать в Стокгольме машину мне почему-то не хотелось, я ограничился покупкой карты маршрутов общественного транспорта и в общем без большого труда добирался куда хотел.

Стоимость проезда, единая в пределах города для трамвая, метро и автобуса, высока (примерно равна стоимости полкилограмма сахара), но в течение часа после покупки билет действителен для одной пересадки с одного вида транспорта на другой. Бензин тоже достаточно дорог для того, чтобы экономические соображения определяли выбор между собственной машиной и общественным транспортом. Некоторые специалисты считают, что даже постоянное пользование такси обходится дешевле, чем содержание и амортизация собственной машины.

Но дело в том, что, вообще-то говоря, известное изречение Остапа Бендера касательно того, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения, изрядно обветшало.

— Машина? — Моя стокгольмская знакомая г-жа Марианн подыскивает выражение. — Визитная карточка, которую не надо доставать из кармана, — вот что такое машина. Она скажет о себе и о вас: «Смотрите,

я великолепная последняя модель осеннего автомобильного салона! И вот я уже собственность своего уважаемого владельца. Теперь-то вы убедились, что дела его идут отлично?» У нас умеют понимать этот язык. Но я смотрю на иного господина, захлопывающего дверцы своей дорогой машины, и хочу сказать — не ей, а ему: «Постой, это же еще не твоя машина! Ты сэкономил на всем, но пока не расплатился за нее. Тебе по средствам было бы выложить самое большее девять тысяч крон, а ты взял за пятнадцать. Теперь ты дрожишь над ней». Я как-то ждала перед светофором, задумалась, забыла поставить машину на тормоз. Она сдвинулась с места и слегка ударила стоящий впереди «мерседес». Оттуда выскочил господин. Он стал орать. Как он орал! Конечно, я сделала оплошность, я была виновата. Но швед, орущий на женщину, размахивающий кулаками из-за царапины на машине! Можно ли было это представить несколько лет назад?

Тут я позволяю себе прервать собеседницу:

— Но вот у вас же свой «оппель-кадет». И цвет щегольский — белый.

— Семь тысяч крон. Не хотела, но купила.

— Ага, все же визитная карточка!

Г-жа Марианн отрицательно качает головой. Она не делец, не актриса, она всего лишь переводчица, ей нет нужды заявлять всем и каждому о своем преуспевании. Да и «оппель-кадет», даже белый, не бог весть что. А купила вот почему. Семья живет за городом. Прежде поезда электрички ходили часто. Теперь — через тридцать минут. Иногда через час. Бывают полуторачасовые интервалы. А дела-то не ждут.

Шведы при всем своем богатстве очень даже умеют считать денежки (и напомним вам, что это умение — тоже богатство). Поскольку частная машина оттянула немалую долю пассажирского потока с общественного транспорта, произошло некоторое перераспределение дальнейших бюджетных вложений в пользу создания удобства для владельцев автомашин.

Недогруз общественного транспорта компенсируется не только повышением проездной платы, но и удлинением интервалов движения: с какой стати гонять полупустые автобусы или трамваи? Даже поезда некоторых маршрутов метро в утренние и дневные часы

появляются у перрона через 10, а вечером через 15 и даже 18 минут. Ну, а если в эти часы стокгольмцу после поездки на долгожданном в буквальном смысле поезде метро надо еще пересаживаться на автобус или трамвай?

И принципиальный противник «визитной карточки» увеличивает долю среднестатистического шведа в обладании личными машинами, диалог же о шведском благосостоянии чаще всего начинается с фразы: а вы знаете, на сколько человек приходится в среднем одна автомашина?

Кстати, об этом «в среднем». Каждый день я встречал на столичных улицах немало пешеходов, весь облик которых как-то не вязался с представлением о процветающих владельцах автомашин новейшей марки. В небольших поселках, особенно на севере, по-старому преобладали велосипеды с моторчиками и без моторчиков. Мне никак не удавалось найти в таких поселках зрительного подтверждения фразы о каждой второй семье, разъезжающей на собственной автомашине.

Понятно, что «среднестатистический швед» и «каждый швед» далеко не одно и то же. Несколько неопределенно сообщалось, что у десяти процентов шведов, составляющих верхушку общества, «более чем один автомобиль на семью». Далее следовала группа: «семьи с относительно высоким доходом». Здесь приходился один автомобиль на семью. По поводу же лиц с невысоким доходом, составляющих почти половину населения, было сказано, что, естественно, далеко не все они являются владельцами автомобилей.

Как-то разговор о машинах зашел в доме г-на Альмгрена, занимающего видный пост в управлении земельными участками. Я спросил, в какой мере справедливо утверждение, что средний стокгольмец больше всего заботится о приобретении достойной его положения машины?

Г-н Альмгрен живет в старом районе Стокгольма. Хозяин повел меня на кухню. Оттуда был виден маленький, три окошечка по фасаду, деревянный домик, словно перенесенный сюда с бедного хутора. Он доживал свой век в углу двора.

— Если вы заглянете за эту хибарку, то увидите

машину класса «люкс», — сказал г-н Альмгрен. — Она принадлежит обитателю домика.

Я спрашивал своих шведских знакомых: нельзя ли сделать так, чтобы часть огромных средств, прямо или косвенно затрачиваемых на «билизм» — появился такой емкий термин, — обратить на жилищное строительство? Допустим, путем введения высокого налога на дорогие марки иностранных машин и снижения ссудного процента для кооперативного строительства домов, весьма развитого в Швеции? Да и мало ли что можно придумать! Ведь существует же в стране, например, система регулирования цен на сельскохозяйственные товары с помощью пошлин.

Да, отвечали мне, сразу после войны можно было пойти на какие-то общественно-разумные решения. Машин тогда было мало. Предлагалось, например, в дальнейшем ограничить их количество в больших городах. Но кто посмеет воспротивиться против себя владельцев машин сегодня? Они, представьте, стали мощным политическим фактором, группой, численно превышающей сторонников любой из шведских партий, и затронуть ее интересы не рискнет ни один государственный деятель, заботящийся о прочности своего положения. И уже раздавались в адрес правительства обвинения, что оно использует эту группу для того, чтобы разделять и властвовать...

— В «билизме» особенно выпирает тщеславный и эгоистический индивидуализм собственника. Наш здравый практицизм не всегда действует в масштабе всего общества, — самокритично заметил владелец новехонького «вольво», который мы долго не могли поставить хотя бы за квартал от студии, где нас ожидали.

Но предоставим шведам самим решать свои психологические, моральные, транспортные проблемы, связанные с ростом числа автомобилей в их стране и в ее больших городах в особенности.

КЛЮЧ ОТ КВАРТИРЫ

Я живу в однокомнатной квартире нового дома на Кунгсхольмене, неподалеку от моста Вестербру.

Это не самый центр, но и не окраина Стокгольма.

За последние два десятилетия здесь построено много превосходных зданий. Возвращаясь домой по вечерам, я издали вижу светящийся небоскреб редакции «Дагенс нюхетер».

Неподалеку в большом доме — квартира занимавшего пост премьер-министра г-на Эрландера; г-жа Эрландер покупает снедь в том же небольшом торговом центре у трамвайной остановки, куда я бегаю за сосисками и хлебом. Мои стокгольмские знакомые считают этот район почти идеальным: не так шумно, как в центре, много зелени и потому вполне приличный воздух.

У американцев культ спальни. У шведов, как мне кажется, скорее культ кухни. Тут изобретательный ум шведа добился предельной рациональности. Нет ничего громоздкого, лишнего или практически бесполезного вроде каких-нибудь скоростных электрических щипцов для раскалывания орехов.

Одна стена кухни в моей квартире превращена в сплошной шкаф, где объединено все кухонное хозяйство. Здесь электрическая плита, холодильник, отдельный емкий морозильник для длительного хранения замороженных продуктов, посудомойка, полки для посуды, отделения для пылесоса и для других нужных вещей. Все это после готовки и уборки скрывается за дверцами, приятно поблескивающими белой эмалью. Поэтому вы не испытываете желания поскорее перейти из кухни в комнату и часто располагаетесь в кресле возле кухонного столика.

Шведская мебель, достоинства которой давно признаны всюду, подвержена, конечно, капризам моды. Однако никакая мода не заставит шведов делать неудобные вещи.

Если моден темно-синий мрачноватый цвет, то в магазинах появляются мохнатые темно-синие ковры, а также кресла, обитые темно-синей тканью. Но уж будьте уверены, что в этих креслах удивительно угаданы линии, создающие наибольшие удобства. Вы в них не тонете, спинка не откидывает вас слишком далеко назад. Если кресло рабочее, то оно откатывается на бесшумных колесиках, легко поворачивается вокруг оси, когда вам надо протянуть руку к боковой книжной полке или к телефону, имеет подвижные

спинку и подлокотники, закрепляемые в наиболее привычных для каждого положениях.

В доме, где я живу, в двенадцать часов запираются на замок ворота. Подъезд на замке с наступлением темноты. Разумеется, на замке и квартира. Но ключ у меня один. У других квартирантов — тоже. Часть бороздок — общих на всех ключах — открывает замок ворот. Часть — общих для ключей всех обитателей подъезда — входную дверь. Наконец, какие-то бороздки или выступы — разные для каждого ключа — только замок определенной квартиры. Мелочь, конечно. Но один плоский ключ носить в кармане сподручнее, чем звенящую громоздкую связку.

Вообще говоря, с квартирой мне повезло чрезвычайно. Ее владелец должен был приехать из-за рубежа, но задержался там еще месяца на два, и временным жильцом стал я. Не подвернись такой случай, пришлось бы жить в гостинице у черта на куличках: в Стокгольме, как и во многих столичных городах других стран, снять номер в центре за подходящую цену удается далеко не всегда.

Полностью я оценил свое везенье после того, как спросил, просто ли приезжему найти комнату вне гостиницы.

— О, легче легкого! — ответили мне. — Но при одном условии: если у вас на спине крылья ангела. Вы не должны иметь собак, кошек или канареек, не должны водить гостей, не должны пользоваться ванной, не должны варить кофе в комнате, не должны поздно приходить и еще очень многое не должны... Тогда, может, вам сдадут комнату, и вы будете платить триста-четыре крона в месяц.

Квартир в шведской столице не хватает. Не совсем правильно назвать это жилищным кризисом в нашем привычном понимании. Но сами шведы говорят и пишут именно о кризисе.

Г-н Ян Елин, председатель Союза писателей Швеции, обрисовал мне существо дела так:

— Есть много плохих жилищ. Они, вообще говоря, пригодны для жилья и раньше считались вполне сносными. Теперь такие жилища никого не удовлетворяют. Они не соответствуют общему стандарту жизни. Жилищный кризис беспокоит шведов. Но мы не полагаем-

ся на прямое вмешательство государства. Видимо, можно лишь стимулировать привлечение средств в жилищное строительство, облегчать условия вложения денег в жилищную кооперацию.

У г-на Елина быстрая, точная речь делового человека, привыкшего ценить время. Он не только возглавляет Союз писателей, но и работает в суде. Его специальность — гражданские дела, в частности, иски о возмещении ущерба жертвам автотранспорта, получившим увечья. Мы встретились днем в ресторане возле здания суда; после окончания перерыва в судебном заседании г-н Елин должен был снова занять кресло судьи.

Взгляд моего собеседника на пути преодоления жилищного кризиса разделяется, по-видимому, многими. Когда в 1965 году социал-демократическое правительство объявило десятилетнюю программу строительства домов, которая позволила бы «значительно уменьшить недостаток жилья», она была встречена без энтузиазма. Выражались сомнения как в готовности правительства действовать, так и в его реальных возможностях.

Швеция и до принятия программы строила больше, чем многие другие европейские страны. В 1966 году темпы строительства жилищ снизились, затем возросли снова. Но в Стокгольме и других больших городах, где особенно велик приток людей из деревни, новое строительство почти не укорачивает очереди нуждающихся в жилье. Картотеки жилищного управления столицы даже в конце 1969 года насчитывали еще свыше 60 тысяч заявлений с просьбой о предоставлении квартир.

В некоторых книгах, изданных вне Швеции, я читал, что в Стокгольме есть кварталы, схожие с трущобами Неаполя. Однако видеть самому трущобы в шведской столице мне не приходилось.

Худшую из всех виденных мною в Стокгольме квартир занимал пенсионер, бывший почтовый служащий, русский по происхождению, переселившийся в Швецию через год после революции. Дом стоял недалеко от центра, но это был очень старый дом в узком полутемном переулке. Когда-то тут были меблированные комнаты. Уже давно в них осели постоянные жильцы. По обе стороны коридора виднелись одинаковые двери.

Это не была коммунальная квартира: жильцы готовили на электрических плитках каждый в своей комнате. Но по тому, как мой знакомый говорил о несносных привычках своих соседей, чувствовалось, что дух «коммуналки» витает все же в этом старом доме.

Среди моих стокгольмских знакомых были вполне обеспеченные люди. Они не принадлежали ни к банкирам, ни к владельцам универмагов: литераторы, переводчики, крупный чиновник, недавно ушедший на пенсию преподаватель университета. И должен сказать, что далеко не все они, располагая достаточными деньгами, смогли быстро получить ключ от новой квартиры.

Г-н Харальд Бергер — хорошо зарабатывающий литератор. Семья не так велика, квартира — пять комнат. Можно ли желать лучшего?

— Мы хотели трехкомнатную.

Бергеры «встали на картотеку» в 1954 году. Им сказали, что ждать придется долго, возможно три-четыре года. В действительности они ждали девять лет. После девяти лет у них был выбор: либо ждать еще, либо въехать в дорогую пятикомнатную квартиру. Они въехали.

По соглашению между муниципалитетом и союзом квартиросъемщиков первые три года плата за квартиру устанавливалась со скидкой: к новому дому не было хороших подъездов, территорию вокруг только начали благоустраивать. Затем плата повысилась на 102 кроны в месяц, но не потому, что закончилось благоустройство, а потому, что увеличили процент на банковские ссуды.

Бергеры стали платить 700 крон в месяц. Это много. Скажем, стоимость двух костюмов. Или выше трех четвертей тех денег, которые остаются на жизнь у среднестатистической шведской семьи после вычета налогов. Или, наконец, 120 рублей по курсу. В общем, как ни считай, это большие деньги. Одну комнату в своей квартире Бергеры временно сдавали девушке из провинции, приехавшей в Стокгольм учиться.

Из моих стокгольмских знакомых полностью, во всех отношениях, был удовлетворен своим жильем бывший преподаватель университета. Одинокий, привыкший к холостяцкой жизни, он говорил, что ни за

какие деньги не расстанется со своей однокомнатной старой квартиркой, до потолка забитой книгами. Единственное, чего он желает, так это чтобы мотоциклистам запретили носиться по набережной хотя бы в ночные часы. Пусть даже не все ночные часы: достаточно, чтобы эти дьяволы не будили людей между двумя и пятью полночи...

ВЕЧЕРНИЙ ДОЛГИЙ РАЗГОВОР

К Свену Стольбергу надо ехать через весь Стокгольм: сначала метро, потом пригородный автобус.

Стокгольмское метро почти ровесник московскому. Станции часты, их свыше шестидесяти. Старые довольно унылы, перроны грязноваты: здесь, в метро, курят и вообще не слишком заботятся о чистоте.

Одноцветная или мозаичная отделка кафельной плиткой делает более привлекательными станции, построенные позднее. Открытая же недавно «Площадь Эстермалм» просторна, празднична, залита светом. Кроме кафеля, она украшена символическими композициями художницы Сири Деркерк, призывающими к миру и прославляющими мир. Видимо, шведы в конце концов решили, что одной функциональной целесообразности для подземной дороги все же маловато.

Почти на всех станциях — щиты рекламы, автоматы для продажи конфет и шоколада, витрины с модными товарами. А посередине станции «Уденплан» на возвышении — сохранившийся вагончик старой стокгольмской конки, покрытый черным растрескавшимся лаком и разрисованный завитушками. Зачем он тут? Чтобы привлечь внимание к музею городского транспорта, размещенному под перроном этой станции.

В стокгольмском метро нет длинных переходов. Одна пересадочная станция построена в два этажа, и пассажиры по короткому эскалатору попадают прямо от поезда к поезду. Другая сдвоена параллельно. Чтобы сменить маршрут, достаточно пройти по переходному мостику метров тридцать-сорок. На некоторых станциях еще проще: вышел из одного поезда и жди следующего. Скажем, от «Уденплан» в южном

направлении ходят поезда под пятью разными номерами. Через несколько станций густо населенного центрального района города они идут под землей общим маршрутом, затем разветвляются по трем разным линиям, выныривают на поверхность и превращаются в электричку.

О высокой стоимости проезда я уже упоминал, равно как и о слишком больших интервалах движения, особенно чувствительных, когда вам приходится поджидать на той же станции «Уденплан» не любой поезд, а, скажем, только № 18, идущий по ветке в Фаршту.

Проехав несколько станций под землей, я пересел на пригородный автобус. Маршрут пролегал по стандартной шведской дороге: под колесами — безупречный асфальт, за окнами — сосны, скалы и свободно расположенные прямоугольники зданий.

Свен поджидал меня на остановке вместе с послушной таксой, жавшейся к его ноге. Украдкой взглянув на часы и убедившись, что гость не опоздал, он пошел вперед по узкой тропке, показывая дорогу к полускрытому соснами дому.

Со Свеном Стольбергом мы познакомились в Москве. Он хорошо говорит по-русски, следит за новинками советской литературы. По делам ему не раз приходилось бывать в нашей стране.

Не дожидаясь вопросов, Свен рассказывал, пока мы следом за натягивающей поводок таксой шагали по тропинке.

Он живет вот в этом большом доме. Дом кооперативный, сорок однотипных квартир. Его квартира почти ничем не отличается от остальных. Мне предстоит сейчас знакомство с интересными людьми. Нас ждут художник с женой, тоже художницей, затем социальный работник, который занимается трудовым устройством алкоголиков и психически неполноценных людей. Его жена — чешка, немного знает русский. У каждого из гостей свой взгляд на многие вещи.

В большой гостиной, которую застекленная дверь отделяла от маленькой кухни, нас встретила жена хозяина, похожая на известную шведскую киноактрису. Она тотчас показала мне всю квартиру — узкий кабинетик и три спальни, — заметив с улыбкой, что если этого не сделать сразу, то любознательный гость будет

считать себя недостаточно посвященным в дела хозяина.

— Но не думайте, пожалуйста, что это шведский обычай, — добавила она, и я понял, что Свен рассказал ей о моем желании ближе узнать современный шведский быт.

Поскольку численный перевес в нашем маленьком обществе оказался на стороне художников, то и разговор начался с живописи. Мой новый знакомый был членом правления Союза художников Швеции. Он казался совсем молодым, и, лишь приглядевшись, можно было заметить седину в волосах. Жена его последнее время увлеклась прикладным искусством. Хозяйка показала великолепный абажур ее работы. Естественные осенние листья, желтые и красные, создавали на прозрачном фоне пергамента цветовую симфонию листопада.

На столе появились легкое французское вино и большое блюдо с закусками. Шведы обычно едят энергично, но без торопливости, с явным удовольствием, однако не смакуя по-гурмански каждый лакомый кусочек.

За столом не принято задерживаться особенно долго. Пока хозяйка на отдельном низеньком столике расставляла чашечки для кофе, хозяин надел мужской клеенчатый передник, верхняя часть которого была разрисована под ярко-красный жилет. Для художника нашелся передник попроще. Оба, ловко собрав тарелки, отправились на кухню, тогда как женщины не сделали даже вида, что хотели бы им помочь. Посуда была мигом перемыта, как видно, опытными, привычными руками. Всегда ли так?

— Если работают муж и жена, то и на кухне должны быть двое, — убежденно сказала хозяйка.

Теперь, когда появился кофе, начался настоящий разговор. Мужчины положили в чашечки сахар, женщины, весьма тщательно следящие за своим весом, растворили таблетки сахарина.

Да, если работают муж и жена, то почему, собственно, все заботы по дому должны обременять только жену? Пусть гость не обижается: хозяину, которому приходится часто бывать в Советском Союзе, кажется, что русские женщины добились очень многого, если

брать сферу общественной жизни, правовое положение, политику. Но в домашнем быту...

— Боюсь, что тут сравнение в пользу Швеции. Ваши мужчины немножко консервативны.

— А наши? — возразила художница. — Молодые — да, они познакомились с кухней в школе, на уроках домоводства. Но возьмите пожилых. У них застарелые дурные привычки. Грязная посуда? Боже сохрани!

— Между тем теперь получается так, что должны работать именно оба, муж и жена, — сказал хозяин. — Шведское благосостояние во многом основано именно на парной работе. Одному нелегко содержать семью.

— Но разве это новость для шведов? Скажи, разве твоя мать не работала? — обратилась хозяйка к художнице.

— Конечно, работала, как и твоя. До старости, — подтвердила та. — И одна из моих бабушек работала тоже.

Но почему в богатой стране, имеющей такие давние традиции работы женщины по найму, сделано, в сущности, не так уж много для того, чтобы молодая мать могла спокойно трудиться? Например, я слышал, что остро недостает мест в яслях и детских садах.

Взял слово социальный работник. Правда, он не имеет прямого касательства к детским садам, но должен сказать, что шведская система социального обеспечения является одной из лучших в Европе. Это не только его мнение, так говорят многие иностранцы...

— Два года назад мы записали нашего ребенка на очередь, — перебила художница. — Сегодня он восемьдесят восьмой в списке кандидатов. Боюсь, что ему так и не придется перешагнуть порога детского сада. Пойдет прямо в школу.

— Поэтому не только естественна, но и обязательна помощь мужчины по дому, — подхватила хозяйка. — И на кухне. И в воспитании детей. Роль полов изменилась, это же очевидно.

Изменение роли мужчины и женщины в современном обществе — предмет широких дискуссий. За столом в доме Свена начало разговора на эту волнующую многих тему было приблизительно таково. Женщина должна добиться полного равноправия. Это безобразие, что до сих пор во многих отраслях хозяйства

Швеции женщина не получает равной с мужчиной оплаты за равный труд. Значительная часть работающих женщин принадлежит к низкооплачиваемым категориям трудящихся.

— Но это объясняется их более низкой квалификацией, — вставил кто-то из мужчин.

Тут поднялась буря. Да, у многих женщин профессиональная подготовка ниже, чем у мужчин. Но почему? Потому что женщина часто не может получить настоящей подготовки, чтобы успешно конкурировать с мужчиной на рынке труда. Она стремится быть конкурентоспособной, она тянется к знаниям, к совершенствованию в выбранном деле, а ее хватают за руки, тянут назад домашние заботы. Где же тут равенство?

— Женщина-мать, женщина-мать, — произнесла художница с оттенком раздражения. — Но подумайтесь, правильно ли сегодня поднимать на пьедестал только материнство. А роль отца? Настоящего отца, разумеется. Не пришло ли время пересмотреть роли в воспитании детей? Не только в смысле обязанностей, но и в смысле привилегий? Воспитание не может быть привилегией одной матери!

— Кстати, в шведских крестьянских семьях отец всегда был полноценным воспитателем, — добавил социальный работник.

Когда разговор незаметно перешел к общим проблемам воспитания, вернулась из кино дочь Свена, показавшаяся мне грациозным худеньким подростком-старшеклассницей. Я удивился, как непринужденно и естественно она включилась в общую беседу.

Художница высказалась в том смысле, что для современной шведской молодежи характерен разрыв между духовной и физической зрелостью, с одной стороны, и реальной ролью в обществе — с другой. Раньше пятнадцатилетние уже начинали трудовую жизнь. Теперь многие двадцатилетние спокойно продолжают учебу, не зная, что такое работа ради хлеба насущного. И эти «интеллектуалы» свысока поглядывают на своих «серых» родителей.

— Вы имеете в виду студентов? — спросила жена социального работника, до этого почти не участвовавшая в разговоре. — Но, по-моему, теперь, когда среднее образование стало обязательным, даже старшекласс-

ники чувствуют себя более образованными, чем их родители. Отсюда — раннее ослабление родительского авторитета. Религиозные же устои расшатаны. А влияние этих ужасных журналов и фильмов! Секс и насилие! И в грубой, откровенной форме.

Однако никто не поддержал эти несколько сбивчиво высказанные мысли. Интерес к сексу? Это не от распущенности. Когда то, о чем все равно шепчутся по углам, становится явным, открытым, то это более морально, чем когда оно покрыто притягательным покровом тайны и запрета.

Стали говорить о границах между половым просвещением и коммерческой порнографией. Разве морально выпускать иллюстрированные журнальчики, смакующие самые уродливые половые извращения?

— Никто из моих знакомых не выписывает подобные издания, — с достоинством сказал хозяин.

— Или, во всяком случае, не рассказывает, что выписывает их, — добавил художник.

Все рассмеялись. Дочь хозяина произнесла с вызовом:

— Мораль? Если девушка забеременела в семнадцать лет и сделала аборт, то в некоторых кругах ее похвалят: «Смотрите, какая умненькая девочка». Если же она родит ребенка, то вокруг заговорят о морали. Иногда ожидание ребенка побуждает будущих молодых родителей поскорее соединиться в браке. Но всегда ли это морально? Это может быть аморальным, если мужчина идет на брак только из опасения скандала. Аморально по отношению к ребенку, уже заранее нелюбимому, по крайней мере одним из родителей. Мораль всегда условна. Но если брать более или менее общепринятые нормы, то шведы в моральном отношении мало отличаются от своих европейских соседей. Разговоры о «шведском грехе», о шведской распущенности — ерунда. Я, впрочем, не исключаю, что легенда о «шведском грехе» пущена в ход самими шведами: своеобразная реклама...

— Сколько лет вашей дочери? — по-русски спросил я хозяина.

— Двадцать два. Вижу: вы были уверены, что ей меньше.

Достаточно откровенная атмосфера вечернего дол-

того разговора показалась мне подходящей для того, чтобы попросить моих новых друзей определить наиболее характерные черты современного шведского общества. Что, по их мнению, типично для сегодняшнего Свена Свенссона — этим именем, которое звучит в Швеции так же, как у нас «Иван Иванович», принято обозначать некоего среднего, типичного шведа?

Ответы последовали не сразу. Лишь одна черта была названа без колебаний и раздумий: трудолюбие. Потом я записал:

— Шведы хорошие организаторы.

— Они несколько скучнее других европейцев.

— И замкнутее...

— Швед иногда сдержит смех из опасения, что его неправильно поймут.

— Мы осторожны. Свенссон обычно неохотно высказывает свое мнение.

— Шведы столь же сентиментальны, как русские, но мы более практичны.

— Нельзя сказать, чтобы у среднего шведа было особенно ярко выражено чувство юмора.

Мне назвали еще несколько мелких черточек, но одни нашли их действительно типичными, а другие — нет. Особенные разногласия вызвал вопрос об отношении Свенссона к политике.

Как это ни покажется парадоксальным с первого взгляда, но в Швеции издавна считалось, что учащиеся гимназий и особенно студенты занимают более или менее правые, консервативные позиции в политическом смысле. Причина — относительно небольшая рабочая прослойка среди студенчества, которое в прошлом состояло преимущественно из представителей обеспеченных кругов.

Теперь же молодежь вообще гораздо больше интересуется политикой, и можно говорить о ее общем сдвиге влево. Но вот вопрос: вызвано ли это изменением состава студенчества, его демократизацией? Или, может, тут решает рост симпатий к борющемуся Вьетнаму? Или, наконец, корни — в неудовлетворенности современным шведским обществом, в непривлекательности его идеалов?

— Раньше все было просто, — услышал я в заключение. — Швед начинал интересоваться политикой пос-

ле того, как получал первое, слишком маленькое, по его мнению, жалование и убеждался, что с него удержали слишком большие, по его мнению, налоги. Теперь все обстоит сложнее. Вы услышите разные ответы на многие вопросы, и едва ли кто сможет сколько-нибудь полно и точно обрисовать вам сегодняшнего Свена Свенссона, особенно если вас интересует не Свенсон-пенсионер, а Свенссон, который только вступает в жизнь.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Лет двенадцать-тринадцать назад подростки и юноши устроили в Стокгольме «новогодний бунт». Они разбивали стекла витрин, переворачивали автомобили, ломали памятники на могилах в ограде церквей, швыряли самодельные бомбы.

В городе Карлскуге произошло настоящее побоище, в котором участвовало, с одной стороны, около трех тысяч съехавшихся со всей Швеции парней, а с другой — местная полиция, усиленная подкреплениями из соседних городов. Парни со своими подружками прикатили в этот город на мотоциклах, на старых, битком набитых машинах, либо разрисованных устрашающими эмблемами вроде черепа и перекрещенных костей, либо просто нелепо размалеванных.

Стычки молодежи с полицией — дело не новое. Мир удивила бессмысленность бунта шведских «раггаре», или «раггаров», — так их окрестили. Они ничего не требовали, ничего не добивались — во всяком случае, от них слышали лишь жалобы на скуку и серость жизни.

Многим казалось странным, что раггары бесчинствовали именно в чрезвычайно чинной, процветающей стране, где с точки зрения филистеров вообще не было причин для бунтарства.

Журналисты, писатели, социологи, психологи, криминалисты взялись за перо, чтобы объяснить новое явление. Одни, впрочем, просто раздували дело, стараясь придать ему сенсационный характер — и отчасти добились своего: туристы, приезжавшие в Швецию, требовали, чтобы им непременно показали настоящих

живых раггаров. Более серьезные пытались «исследовать причины» и «вскрывать корни».

Наиболее ходкой стала такая примерно схема. Раггары — это побочный продукт процветания, издержки «общества благоденствия». Это «потерянная» (или «потерявшая себя») молодежь, сбившаяся с правильной дороги в жизни. Она не хочет соблюдать принятые в современном обществе нормы. Ее поступки и выходки пугают и отталкивают, но вместе с тем заставляют задуматься о вине «отцов» и их ответственности перед «детьми», которым не были внушены, привиты идеалы, способные воодушевить молодое поколение.

Швеция не была бы Швецией, если бы для изучения проблемы не образовался комитет или даже несколько комитетов. Эксперты попытались создать как бы коллективный портрет выявленных ими в Стокгольме двух тысяч раггаров.

Итак, возраст парней 18—20 лет, девушек — 16—18 лет. Достижение восемнадцатилетнего возраста дает раггарам в руки шоферские права. Однако, по мнению экспертов, стремление получить эти права подогревалось вовсе не любовью к технике, а возможностью приобрести старые большие машины и, перемещаясь в компании себе подобных, устраивать налеты на отдаленные местности, создавать себе иллюзию вольной, независимой жизни, свободной от условностей и стеснительной морали.

Комитет установил, что многие раггары систематически употребляют спиртные напитки. Оказалось, наконец, что представление о раггарах как о богатых бездельниках, пресыщенных жизнью, — миф. Большинство парней и девушек имело постоянную работу; впрочем, среди подружек раггаров были и школьницы старших классов.

Позаимствую некоторые данные из выпущенной Шведским институтом брошюры «Шведская молодежь». Этот институт создан специально для информации зарубежных стран о шведских делах и получает субсидию от государства.

Брошюра отмечает, что главные симптомы болезней шведской молодежи — хулиганство, алкоголизм, дисциплинарные проступки в школе. Растет число молодых преступников, обвиняемых в воровстве и угоне

автомашин. Раггары, по мнению авторов,—это группы молодежи, довольно постоянные по составу, поведение которых определяется «бравадой, алкоголизмом и сексуальными наклонностями».

Раггары привлекали к себе внимание не столь уж долго. Я, правда, видел их в Швеции еще в 1966 и в 1967 году. Но к этому времени они казались уже «старомодными». Общественный интерес понемногу сосредоточился вокруг «сюнар» и «модс», более близких к известным «хиппи», и представляющих иные возрастные и социальные группы.

Но как бы не именовались молодые шведы, в поведении которых усматривали элементы бунтарства, отрицания, вызова, несомненным оставалось одно: «детей» не удовлетворяет мир, созданный «отцами».

«Отцы» высокого ранга и общественного положения не спешили с признанием этого. Бывший премьер-министр Таге Эрландер писал о необходимости «дать молодым людям возможность осознать идеалы полезной и счастливой жизни». Однако молодежь, по-видимому, не вполне осознает эти прекрасные идеалы, поскольку г-н Эрландер отметил далее, что свобода выбора означает выбор и «в плохую сторону». Следует поэтому говорить об общей ответственности за образование молодежи, за образование в широком смысле, включающее, в частности, «все ценности, на которых основано демократическое общество».

Но ведь именно отрицание по крайней мере многих из ценностей буржуазного общества стало типичным для молодежи Швеции и других стран.

Подобно тому как «модс» избрали местом сборищ ступени Стокгольмского концертного зала, голландские «прово» собираются в Амстердаме у подножья белого Национального монумента. Внешний облик тех и других схож. Возможно, впрочем, что я не уловил каких-то тонких различий в одежде и длине волос. Но главное — в общности духа.

Позволю себе сослаться на мнение такого авторитета, как министр Йозеф Лунс, которого называют одним из влиятельных политических деятелей Голландии. Он считает, что голландские «прово» относятся к тем же «мятежным движениям», которые известны в Швеции. Причины разочарования и даже бунта доб-

рый католик г-н Лунс видит, в частности, в религиозных сомнениях, в воздействии некоторых художественных и литературных течений, в условной сексуальной морали. Не очень убедительно? Но было бы поистине странно, если бы г-н Лунс заговорил вдруг о несправедливом устройстве общества, к столпам которого он сам принадлежит...

Итак, с середины шестидесятых годов полинявших раггаров, которые порядком приелись, начали вытеснять сюнар и модс. Они отличались от раггаров не только внешним видом и манерой одеваться. Сюнар и модс значительно моложе. Среди них немало школьников старших классов.

Не начать ли и мне со школы, тем более что, помимо прочего, сама шведская система образования и воспитания дает немало поводов для сопоставлений и раздумья?

ШКОЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ, МОДС И СЮНАР

С кем и поговорить о настроениях подростков, как не со школьным психологом!

Эта должность для шведских школ сравнительно нова. Такие специалисты есть далеко не во всех школах. Может быть, в трети столичных школ, может, в четверти.

Мой собеседник, психолог базовой школы при Стокгольмском педагогическом училище, обладает мягкими, вкрадчивыми жестами и голосом, какой, по моим представлениям, должен быть у священника в исповедальне. Его зовут Лейонхиельм Кристер. Тут же его помощница, г-жа Гуннила Андерссон. Она практикантка и еще только готовится к карьере психолога.

— Итак? — психолог проницательно смотрит на меня сквозь очки.

Прошу г-на Кристера рассказать о его работе возможно подробнее, поскольку для меня это дело новое.

Психолог, говорит г-н Кристер, еще на пороге школы должен установить, насколько семилетние Гуннар или Грета созрели для школьной науки. Может быть, кто-то сразу нуждается в дополнительных занятиях. Попутно совсем нелишне выяснить, что за субъекты

идут в первый класс — например, стеснительны они или агрессивны. За детьми, которых называют трудными, сразу же устанавливается особое наблюдение.

Примерно с 7-го класса психолог внимательно наблюдает за развитием у детей склонностей, за их способностями, чтобы посоветовать, кому в будущем стоит углубляться в область теории, а кому — избрать практическую деятельность. Ученик 8-го класса имеет право в течение трех недель ходить на завод, в банк, в торговую контору или на предприятие для более близкого знакомства с тем делом, которое, как он думает, может стать делом его жизни. Чтобы ученик не пропускал при этом много обычных уроков, три недели, помогающие выбору профессии, даются не сразу, не подряд, а распределяются по полугодиям.

Все очень хорошо, замечая я, однако не создается ли у восьмиклассника, выбравшего практическую деятельность, чувства некоторой неполноценности по сравнению с «интеллектуалами»? Или, может, в Швеции вообще нет такой проблемы?

— Есть, и довольно острая, — отвечает психолог. — Распространено мнение как среди родителей, так и среди учащихся, что продолжение теоретического образования — это «комильфо», это высший класс, тогда как тяга к практической деятельности менее почетна и перспективна. Дело тут не только в характере труда, но и в его оплате. Если бы практическая деятельность оплачивалась так же, как оплачивается научная работа, никакой проблемы, возможно, не было бы.

По мнению психолога, способности детей начинают определяться в двенадцать лет, но потом многое может измениться. Отсев наиболее способных к теоретическим дисциплинам происходит уже при поступлении в гимназию, поскольку мест в шведских гимназиях меньше, чем желающих туда попасть. Это дает некоторым повод для недовольства и разочарования.

— А когда и где формируются модс и сюнар? В школе? Что это за процесс?

Ответ неопределенен и стандартен: молодежная проблема не специфически шведская, это проблема всех индустриально развитых стран.

У меня ощущение, что психологу не хотелось бы развивать эту тему. Он осторожничает:

— В Швеции наблюдается, конечно, оппозиция молодежи старшему поколению. Молодые люди с высоким интеллектуальным уровнем не замечают такого же уровня у отца или матери. Есть и нигилизм, но нельзя сказать, что в Швеции он делает погоду.

Нас прерывает телефонный звонок. Мать ученика спрашивает, должен ли тот сегодня приходить в школу. Она слышала, что все бастуют. Да, подтверждает г-н Кристер, это так, но базовая школа еще не присоединилась к забастовке. Пусть ученик приходит.

Пересказываю моему собеседнику некоторые статьи в «Комсомольской правде», посвященные нашим молодежным проблемам, хотя проблемы эти качественно иные, нежели шведские.

— В Швеции тоже есть явления, неприятные для общества, — решается психолог. — Некоторые молодые люди злоупотребляют крепкими напитками и даже наркотиками.

— Но где все начинается?

— Это может начинаться и в школе. Обычно это бывает при переходе на высшую ступень, в четырнадцать лет. У нас есть три ученика старших классов, о которых звонят из полиции. Их не раз видели пьяными. Не всегда удается воздействовать на таких молодых людей, и были случаи, когда они становились на путь преступлений. Обычно это нервные молодые люди с неблагополучной наследственностью.

Говорю, что мне до сих пор не удается до конца понять разницу между группировками шведской молодежи.

Г-н психолог обращается за помощью к практикантке. Г-жа Гуннила долго объясняет ему что-то по-шведски. Г-н психолог возражает. Наконец оба приходят к соглашению, и мне объявляется результат маленькой дискуссии.

Раггары — это самые старшие, им нужны права на вождение машин. Длинноволосые модс моложе, но трудно определить нюансы в их психологии. Одни за Вьетнам, другие... Другие против всего. Сюнар носят короткие волосы на косой пробор. Это в большинстве подростки из неблагополучных семей.

Но какие у модс внутренние проблемы? Чего они хотят? Чего добиваются?

Ответа нет.

Беспокоят ли длинноволосые школу? Нет, не очень, пусть волосы будут длинными, только обязательно чистыми.

Мне рассказывают: полтора года назад ректор одной школы силой отправил длинноволосого в парикмахерскую. Был ужасный шум в печати, посыпались обвинения в нарушении свободы личности, требования отставки ректора. Ректору пришлось извиниться, однако в отставку он не подал.

— Но что же такое в конце концов модс?

— Даже мы, шведы, не можем объяснить это... Были попытки исследований, пытались искать различия в социальных группах, породивших группировки среди молодежи. Похоже, что большинство модс — из интеллигентных семей, тогда как сюнар чаще всего — из рабочих районов.

В общем после беседы со школьным психологом вопрос показался мне еще более запутанным. Не думаю, чтобы у г-на Кристера было желание что-то скрыть от меня. Боюсь, что у психолога не оказалось ключа к сердцам тех, чью психологию он должен постигнуть.

ПРОБЛЕМЫ БОЛЬШИХ И МАЛЕНЬКИХ

По должности г-жу Хйордис Васс можно считать медицинской сестрой при школе. Маленькая, подвижная, с пучком седых волос и добрыми, внимательными глазами, она царила в комнате, где странно совмещались кухня, аптека, амбулатория. Впрочем, главная кухня была рядом, там пекли и жарили для трех школ сразу.

Г-жа Васс вручает родителям первые анкеты с вопросами об их чадах. Анкеты большие, но заполнение их не требует долгих часов: достаточно поставить крестики против многочисленных вопросов. Г-жа Васс первой знакомится с родителями. Она же делает все анализы для школьного врача, который появляется раз в неделю, и помогает ему во время приема. В общем дел у нее много. Работать приходится и по субботам, правда, кроме суббот в апреле и сентябре.

— Вы, вероятно, слышали, что у нас большинство

родителей против того, чтобы школьники были свободны по субботам, как взрослые. Но весной, когда дети уже сильно утомлены долгими занятиями, а также ранней осенью, когда им еще трудно привыкнуть к строгому школьному режиму после веселых летних месяцев, делаются исключения. По апрельским и сентябрьским субботам дети вместе с родителями отправляются за город.

Тут я позавидовал шведским папам и мамам, а еще больше — шведским школьникам. Ей-богу, хорошо придумано! Не знаю только, кого за это надо благодарить — школьных ли психологов или мам.

А вообще свободная суббота внесла кое-какие изменения в школьный быт. Ну вот, например, на родительских собраниях стали появляться отцы. Впрочем, тут не только суббота, но и то, что многие матери теперь работают.

— А как отразилась на ребятах занятость матерей?

— По-разному. В «маленькой школе» — так у нас называют начальную — ребята, даже заболев, тянутся в класс, к сверстникам, чувствуя себя дома заброшенными, одинокими. Старшие, оставаясь долго без родителей, быстрее созревают, становятся самостоятельными, привыкают многое делать по дому и уж, во всяком случае, не растут белоручками. Но бывает и иначе. За пределами дома, за порогом школы — огромный город со своими удовольствиями и пороками. У ребят, предоставленных себе, больше соблазнов. В жизнь подростка входят алкоголь, наркотики... А некоторые, чувствуя одиночество, примыкают к уличным бандам. Это не очень большой процент, большинство шведских школьников развивается гармонично, однако мы не страусы, чтобы прятать голову в песок.

— Вы говорите: банды, алкоголь, наркотики? А причины?

— Их несколько. Слабая, либо вовсе утраченная близость с родителями. Там, где в семье ложь, фальшь, раздоры, там неблагополучно с детьми. Но не только это. Очень часто благополучные родители, дружно живущие друг с другом, полны воспоминаниями о том, в какой строгости воспитывали их самих. Эти родители остались во вчерашнем дне, тогда как у детей —

новые требования. И когда начинается воспитание по рецептам бабушек и дедушек...

— А не считаете ли вы, что принятое у вас свободное воспитание...

— Знаю, что вы хотите сказать. Дело, однако, не в самой идее воспитания. Она, кстати, далеко не нова. Беда в том, что некоторые понимают ее как свободу от всякого воспитания. А ведь важно постепенно, последовательно приучать детей к свободе на разумном и тщательно учтенном уровне. У нас иногда эта свобода и чрезмерна и преждевременна. Ребята не знают, что им делать с такой свободой. Она ложится бременем на их психику.

Излишняя же строгость — линия наименьшего сопротивления. Ну, а терпеливое создание авторитета собственным примером... Это идеал, вероятно. Однако он требует от родителей иногда чрезвычайных затрат времени и сил. А где их взять? Все забирает напряжение дневной работы.

Тут в дверь постучались, и вошел белоголовый паренек лет восьми. Г-жа Васс, извинившись, внимательно выслушала его. Мама, представьте, хотела купить ему после школы новые башмаки, потому что старые совсем развалились. В школу он пошел в башмаках старшего брата. И вот что получилось...

Получился изрядный волдырь на пятке. Г-жа Васс смазала его йодом и залепила пластырем, сказала, что нужно делать дома, чтобы нога быстро зажила.

— Вот так и идут со своими проблемами. У маленьких — заноза. У выпускниц — беременность. Очень важно, как принять малыша, обеспокоенного царапиной. Если он почувствует доверие, то придет к тебе позднее, придет и с большой, настоящей бедой.

Когда в 9-м классе проходят подробный курс биологии, г-жа Васс десять учебных часов знакомит школьников с уходом за грудными детьми, с гигиеной ребенка, старается, чтобы слушательницы получили хотя бы элементарные практические навыки, которые пригодятся молодой матери.

Пересказываю свой разговор со школьным психологом о сюнар и модс. А что думает г-жа Васс?

— Это трудный вопрос, — искренно и серьезно говорит моя собеседница. — Очень трудный. Много спо-

ров, много мнений. У меня сложилось свое мнение, возможно, ошибочное.

Молодежи свойственно стремление к новому. Она стремится к новому, как бабочки к огню. Новое может быть обжигающим. Молодые души восприимчивы и к хорошему и к дурному. Похоже, что Швеция растеряла свои лучшие идеалы. Моды и «поп-искусство» вытеснили народные традиции. В произведениях классиков молодые уже не видят притягательных образцов для подражания. Начинают сами искать, что-то изобретать, выдумывать. Им хочется быть какими-то другими, не похожими на старших, в которых они, увы, не видят особенных достоинств.

— Утверждают, что во многом повинен высокий уровень жизни...

— Как вам сказать... Правильнее, наверное, говорить о влиянии того, что принято называть высоким уровнем. Да, доступность развлечений. Да, телевизор, кино, возможность подработать денег. Все это верно. Масса впечатлений, которые психика не в состоянии переварить. Масса идей, модные новинки, разносимые радио и телевидением с невероятной быстротой. А отцы, матери? Помогают ли они детям выбрать действительно ценное из потока новых идей и вещей? Ох, далеко не всегда! Ну, во-первых, работа выматывает их, им самим хочется отдыхать и развлекаться, а не забивать голову какими-то там проблемами. Во-вторых, мешает консерватизм. Разве мы, взрослые, не отталкиваем иногда новое только потому, что оно нам непривычно? Зачем разбираться? Проще: «Вздор, чепуха! Вот в наши годы...» А молодежь ссыла на «наши годы» ничуть не убеждает. Ведь они начинают жить в «свои» годы...

Г-жа Васс развивает мысль. Не странно ли порицать парня, отрастившего длинные волосы, лишь потому, что отец в его годы предпочитал, видите ли, короткую стрижку «под бокс»? Если мать зажимает уши и кричит, чтобы ее перестали терзать «этой ужасной какофонией», то дочь, возможно, остановит магнитофон с записью «поп-музыки». Но про себя решит, что ее родительница потрясающе отсталый человек. Нарушаются столь нужные контакты. Чтобы сохранить их, необходимо бесконечное терпение, такт, умение убе-

ждать — и, главное, время, время, время.... А времени нет, все спешат, все торопятся, всех подгоняет жизнь...

Нет, г-жа Васс не считает, что модс и сюнар — испорченные, дурные ребята. Есть, конечно, среди них и совершенно дрянные, аморальные типы — может быть, два-три на сотню. Пусть даже пять на сотню. Но у многих — ищущие, мятущиеся души. Она лично недостаточно разбирается в политике для того, чтобы безоговорочно сказать, кто прав во Вьетнаме. Однако ее сердце — на стороне страдающих женщин и детей. И она рада видеть, когда модс и сюнар тоже протестуют против зверств во Вьетнаме. А они протестуют!

* * *

Да, и они протестуют.

Была поздняя осень. В Сити уже чувствовалось приближение рождественской и новогодней горячки. Слепая флейтистка в черном пальто наигрывала трогательную мелодию. В магазинах толкалось гораздо больше покупателей, чем обычно. Смесь дождя и снега, падающая с неба, гнала людей под крыши. На Сергельгатан, главной улице Сити, туристские бюро рекламировали поездки на зимние курорты Испании и Северной Африки: ослепительно синее небо, золотые пляжи под пальмами. В витринах модных магазинов красовались очередные сверхдорогие новинки — дамские сапоги со шпорами, мохнатые меховые шапки, пальто, сработанные под бекешу.

Но что это? В конце улицы ветер парусом выгибает большое красное полотнище. Его растянули между самодельными древками двое длинноволосых парней, какие обычно бесцельно сидят на ступеньках соседнего Концертного зала. «Одну крону для Вьетнама!» — призывают крупные буквы. Тут же раздают листовки с карикатурой: американский солдат, на спине у него злобный карлик, южновьетнамский премьер, а вокруг — плакаты: «Янки, убирайтесь домой!»

Возле полотнища — толпа. Девушки собирают деньги вьетнамским детям, пострадавшим при бомбежках. Звякают, падая в жестяные кружки, кроны. Не то, чтобы они лились дождем, но все же...

Я почти не знаю шведского языка (в Швеции не пропадешь с английским), и текст листовки мне пока непонятен. Непонятны и выкрики какого-то немолодого поджарого господина, который, разволновавшись, энергично потрясает зонтом-тростью перед красным полотнищем.

Позднее мне перевели листовку. В ней говорилось, что мир во Вьетнаме может быть достигнут только в том случае, если американские войска будут выведены из страны и вьетнамский народ сможет самостоятельно решать свои внутренние дела. Листовка призывала всех, кто хочет показать свою солидарность с вьетнамским народом, принять участие в уличной демонстрации и посетить митинг в Мебёряхюсет, Доме гражданина.

Реакция на грязную войну в далеком Вьетнаме, разумеется, не однородна. Я видел в Стокгольме надписи мелом на стенах: «Да здравствуют США!» Некоторые шведы, выражая в общем неодобрение американской политике, не пошли дальше пацифистского неприятия насилия. Другие подняли голос протеста лишь против бомбежек мирного населения. Третьи же не только открыто осудили американскую агрессию, но и постарались пробудить в шведском обществе широкий и действенный интерес к «чужим», внешведским проблемам современности.

Замечу, кстати, что для Швеции это не впервой. Такое уже случалось на крутых перевалах истории. В 1937 году шведский риксдаг принял закон против участия шведов в войне на стороне испанских республиканцев, а в 1938 году вопреки политике правительства в стране действовало четыре сотни комитетов солидарности с республиканской Испанией, и по масштабам невоенной помощи тем, кто боролся против фашизма, Швеция шла сразу за Советским Союзом...

Некоторые исследователи считают, что бурные молодежные выступления, волна которых прокатилась за последние годы по многим странам, начались с уже упоминавшегося выше «новогоднего бунта» в Стокгольме.

С тех пор менялись формы и масштабы, менялись вожаки и направления, но все яснее вырисовывалась суть нарастающих событий: нежелание молодежи ми-

риться с несправедливостью и несовершенством мира, с лицемерием буржуазного общества, с его обветшавшими моральными и культурными устоями, с фетишем материальных ценностей, с системой господства и подчинения.

Массовые выступления молодежи в Соединенных Штатах Америки, во Франции и в других странах во много раз превосходили по размаху и значению то, что происходило и происходит в Швеции. Но по-своему интересна и эволюция форм протеста шведской молодежи, начавшегося с битвы стекол и сокрушения кладбищенских надгробий.

Было бы неверным причислить всех модс и сюнар к тем, кто свое недовольство и неудовлетворенность окружающим превращает в социально-осмысленное действие. Среди шведских «бунтарей» найдется немало дешевых «гитаристов-анархистов», если хотите — даже своеобразных карьеристов, приспособляющихся к моде.

Но я сам не раз видел «длинноволосых» на демонстрациях и на митингах солидарности с борющимся народом Вьетнама. Мне говорили, правда, что часть модс примыкает также и к тем молодым людям, которые ходят по улицам с плакатами «Валленберги — бумажные тигры» (Валленберги — одно из пяти семейств шведских мультимиллионеров, захвативших ключевые позиции в экономике страны).

Однако не доказывает ли это, что за души, за сердца молодых стоит бороться? Бороться за то, чтобы молодые не попадали во власть буржуазных и мелкобуржуазных иллюзий. Добиваться того, чтобы молодые знали и использовали огромный опыт, накопленный подлинными революционерами, владеющими оружием марксизма. Вооружить молодежь этим опытом и стараются коммунисты.

СЕМЬЯ СВЕНССОН ПЛАТИТ НАЛОГИ

Шведские социологи, шведская статистика рисуют нам обобщенный портрет Свена Свенссона. Зарубежные публицисты — тоже. Портреты далеко не идентичны.

Свен Свенссон, по мнению одних, живет в кооперативном доме или в арендованной квартире, покупает продукты в одном и том же магазине, состоит членом профсоюза и нескольких ассоциаций, которые пекутся о нем так, что, в сущности, вся его жизнь, кроме сна, направляется организациями и ассоциациями.

Другие полагают, что если бы однажды записать в большом доме, населенном Свенссонами, все вечерние разговоры, то это была бы синтетическая звуковая картина непрерывного недовольства людей, обремененных средним комфортом, средним беспокойством, средними надеждами и общей хронической болезнью — налогобоязнью. Правда, в этой звуковой картине не было бы «форте», потому что Свенссон даже на диспутах не кричит, а бормочет...

Субъективность таких портретов очевидна. Не предпочтительнее ли обратиться к публикации солидного Шведского института? Например, к работе «Экономика шведской семьи»?

Вводная часть рассказывает, что из 7,9 миллиона шведов три четверти живут в городах. Однако городом шведская статистика считает любое поселение, в котором свыше 200 жителей. В Швеции 2,6 миллиона семей, причем у миллиона семей — дети. Около трети замужних женщин работают по найму.

Годовой доход Свенссона — промышленного рабочего колеблется в пределах 18—20 тысяч крон. Если Свенссон принадлежит к «белым воротничкам», он может получать до 45—50 тысяч в год.

Шведский институт берет две, по его мнению, типичных семьи. У Свена Свенссона жена, двое детей и годовой доход 20 тысяч крон. У его соседа — назовем его Пером Свенссоном — жена, двое детей и годовой доход 50 тысяч крон. Не исключено, что институт, как и налоговый инспектор, при этом приплюсовывает к заработной плате мужа приработки жены.

Две семьи садятся за составление бюджета. Обоим Свенссонам чертовски повезло: плата за жилье отнимает у них всего 12—14 процентов заработка. Все мои знакомые платят за квартиру значительно дороже. Остается предположить, что статистические Свенссоны много лет живут в старых домах, где по закону квартирную плату не повышают до смены жильцов.

Расходы по содержанию дома, включая еду, составляют у наших Свенссонов соответственно 30 и 24 процента, на покупку одежды у них уходит 10 и 9 процентов.

А затем налоги.

О, это поистине неистощимая тема для разговоров, причина жалобных стенаний, вечный сюжет для карикатуристов! Вот рисунок в газете «Дагенс нюхетер»: плотный мужчина заполняет у стола налоговую декларацию; под ним на стуле распласталась несчастная Совесьть...

У нас спросят: «Сколько вы зарабатываете?» Шведы спрашивают: «Сколько вы декларируете?»

Иногда несколько крон, заработанных сверх определенной суммы и записанных в налоговую декларацию, влекут за собой увеличение налогов на многие десятки крон. Шведский налог с доходов исчисляется по резко возрастающей прогрессивной шкале. При этом, если в семье работает жена, то облагается не отдельно каждый из супругов, а сумма общего их заработка. Доходит до того, что из боязни попасть под пресс налогового обложения швед к концу года открешивается от самой выгодной дополнительной работы: его страшат графы налоговой декларации.

Заполнять декларацию надо умеючи. Этот опасный лист на четырех страницах с поразительной дошностью исследует содержимое кошелька каждого Свенссона, обшаривает даже отделение для мелочи: не завалилась ли там неучтенная монетка?

Свенссон, вообще говоря, человек честный, да, кроме того, за утайку доходов можно попасть в судебную камеру. Однако существуют же для чего-то «декларационные бюро», где поднаторевшие в этом деле стряпчие за скромную мзду заполняют декларацию так, что по форме все правильно, а по существу кое-какие доходы превращаются почти что в расходы...

Миллионеры, например, часть своего состояния записывают на имя детей. При этом капитал не лежит под спудом. Однажды выяснилось, что главный подрядчик по перестройке центра города Вестероса г-н Петер Альквист... учится в 5-м классе. Самостоятельно он едва ли в состоянии вычислить проценты

на ту часть семейного капитала, которую перевел на его имя заботливый папаша. Разумеется, Альквист-старший сам справляется с обязанностью подрядчика, действуя от имени сына-школьника. Но налоговые декларации на отца и сына заполняются отдельно. А поскольку налог прогрессивный... В общем семейству удается вполне легально надувать государство.

Совершенно ясно, что статистические Свенссоны — честнейшие люди, они не прибегают ни к каким махинациям и показывают свой доход с точностью до последней монетки.

И вот их декларации пошли в «скребущий дом», в налоговое управление. И платит Свен Свенссон 3885 крон национальных и местных налогов, да 600 крон в пенсионный фонд, чтобы получать пенсию после 67 лет, да 415 крон в фонд социального страхования. Общая сумма 4900 крон. Все? Нет, приплюсуйте еще 3050 крон косвенных налогов. Итого 7950 крон. Сорок процентов заработка!

У Пера Свенссона прямые налоги и взносы — 18 940 крон, косвенные — 6275, а всего 21 215 крон — более половины заработка.

По уровню налогов Швеция — мировой рекордсмен. Тут она обогнала США. По данным экономистов, прямые налоги составляют 53 процента от всех видов обложений. Доля косвенных налогов — 37 процентов.

Пожалуй, многовато для высокоразвитой индустриальной страны, не воевавшей свыше полутора веков, страны, где со времен Наполеона снарядом не разрушено ни одного дома, врагом не вытоптано ни одного поля, страны, богатевшей на выгодных поставках воюющим державам в лихие годы, сотрясавшие Европу.

Многовато для страны, где в правительстве сидят социал-демократы. Они, казалось бы, могли изменить налоговую политику так, чтобы обложение более чувствительно затронуло доходы, скажем, тех 850 миллионеров, которые значатся в списке налогоплательщиков шведской столицы.

Казалось бы, могли...

Но не изменяют.

При социал-демократическом правительстве число

процветающих миллионеров и прибыли шведских монополий растут год от года. Изменения же в налоговой политике таковы, что они не вызывают никакого энтузиазма у рабочих и служащих. По мнению коммунистического еженедельника «Ню даг», так называемый налог на приращенную стоимость, который социал-демократическое правительство собралось вводить, — давнишняя мечта буржуазии. Удорожание продуктов питания, одежды, рост квартирной платы, поднятой по решению правительства, особенно чувствительны для тех, кто тратит на это почти весь свой доход.

И все же швед, жалуясь на «скребущий дом», проклиная налоговых инспекторов, нередко добавит:

— Но зато, вы знаете, у нас высок и уровень жизни.

Да, уровень жизни в Швеции высок.

В стране действительно производится на душу населения больше продукции, чем в большинстве стран Европы. Но при этом доля частного потребления в послевоенные годы не росла, а сокращалась. И разве безразлично, путем какого напряжения — увеличением работающих семейных пар, совместительства, сверхурочных, случайных приработков не по специальности — удается Свенссонам оплачивать пухлые пачки счетов?

— Шведы добились фантастически высокого жизненного уровня, но все время напрягают свои ресурсы до последнего. Двадцатого числа каждого месяца у многих не бывает денег. Примерно подобное положение переживает и государство, имеющее очень большие честолюбивые планы. Теперь мы должны экономить повсюду, где мы в состоянии это сделать.

Так сказал Таге Эрландер, много лет возглавлявший правительство «государства благосостояния».

Свен Свенссон недавно делил одну автомашину меньше чем с четырьмя своими соотечественниками. На три семейства среднестатистических Свенссонов приходилось два холодильника. Трое из четырех Свенссонов проводили вечера у собственных телевизоров. Каждый Свенссон был обладателем 0,46 собственного телефонного аппарата.

Но самые подробные статистические таблицы не

могут подсказать нам, удовлетворен ли Свен Свенссон своим местом на земле, своим делом, обществом, в котором он живет. Эти таблицы не дают возможности подсчитать, сколько на каждого шведа приходится душевного спокойствия, уверенности в будущем.

Они лишь свидетельствуют, что Швеция занимает одно из первых мест в Европе по числу самоубийств, однако не могут объяснить нам, почему Свенссон принимает смертельную дозу снотворного или приставляет пистолет к виску.

Недавно у нас переведен со шведского роман Рунеборга «Ослепленные». Его герои — наши шведские современники. Это Свен Свенссон шестидесятих годов, раскрытый в многообразии человеческих характеров, показанный через судьбы юноши Армаса, приехавшего из провинции в Стокгольм, молодого врача Рольфа Сульберга, вчерашней школьницы Сесси, ее отца, капитана Эрика Эка, ее матери Марианны.

Не хочу, понятно, сказать, что вот, мол, в романе читатель находит ответы на вопросы, риторически заданные таблицам статистических сборников и оставленные оными без ответа. Но когда в подвале дома кончает жизнь самоубийством не отвлеченный Свен Свенссон, а Эрик Эк, один из героев «Ослепленных», причем с точки зрения обывателя человек в общем-то преуспевающий, то автор заставляет нас снова и снова задуматься над некоторыми достаточно типичными чертами современного шведского общества.

Никто не оплакивает самоубийцы. Другой герой романа говорит об Эрике Эке: «Для смерти его подберут какое-нибудь «гигиеническое» объяснение и навесят соответствующий ярлычок. Совершенно нелепое чувство протеста, возможно и толкнувшее его на последний жест, будет запротоколировано, сформулировано и проштамповано». Так происходит потому, читаем мы дальше, что в Швеции, в сущности, никому ни до кого нет дела. В этой стране затыкают уши от противного пустого звука, если кому-либо взбредет в голову постучать по красивой оболочке.

В центре романа, как я уже говорил, — люди молодого поколения. Они «пришли на готовое»: ведь страна уже процветает, если понимать под процветанием превращение общества двуногих в общество четырехко-

лесных, если сводить процветание к обилию нужных и не нужных товаров, к насыщенности быта пылесосами и магнитофонами. Но этих молодых шведов «почему-то» не устраивает подобное процветание! Они не испытывают сыновней благодарности к создавшему его старшему поколению. Они не хотят благодарить за среднекомфортабельный, эгоистичный, равнодушный мир, калечащий души.

И Сесси, дочь расчетливо-деловитой даже в любви Марианны Эк, приходит к мысли, что люди могут жить рядом, лишь «касаясь» друг друга, и не более того. Она мечется, она несчастна, ее поступки лишены холодной логики Марианны, враждебны этой логике. Армас, полюбивший Сесси, сильнее, цельнее и чище ее; может быть, ему удастся устоять в столкновении с действительностью, разрушающей иллюзии молодых, честных, прямодушных?..

Автор романа — экономист по профессии. Некоторые увидели в «Ослепленных» больше социологии, чем психологии. Бьёрн Рунеборг с документальной точностью, порой с натуралистическими деталями, дал мозаику современного шведского общества с его слепотой в области человеческих отношений.

Статистический Свен Свенссон самодовольно поглядывает на мир из таблиц, подробно перечисляющих, что именно приходится на его долю во всемирном универмаге.

Живые Свены Свенссоны знают, как мало всего этого для простого человеческого счастья.

БАСТУЮТ «АКАДЕМИКИ»

Рассказывая о встрече со школьным психологом, я упомянул о телефонном звонке, прервавшем беседу: мать ученика интересовалась, бастует ли школа.

Это было на второй день большой забастовки учителей, взволновавшей страну. Забастовка вызвала много споров.

В Швеции около четырех тысяч миллионеров, и управление экономикой страны сосредоточено в руках «пятнадцати семейств» финансовой олигархии. Это не мешает пропагандистам «государства благосостояния»

говорить о классовом мире и классовой гармонии, царящих в стране.

В большом ходу притча об одной лодке. Все, мол, шведы — и рабочие и работодатели — сидят в одной лодке. У них общие интересы, и было бы просто глупо раскачивать лодку: если она перевернется, все потонут. Не разумнее ли вместе дружно грести навстречу общему процветанию и благоденствию?

Та же пропаганда утверждает, что классовая борьба — устаревшее понятие. Ведь, господа, кто такой шведский рабочий? Это как бы маленький буржуа, зарабатывающий на жизнь своим трудом. Подумайте сами: о какой классовой борьбе может идти речь, если у власти уже четвертый десяток лет находится социал-демократическая партия, за которую голосуют многие рабочие?

Дело предпринимателей — управлять предприятиями. Дело профсоюзов — следить, чтобы рабочие получали приличную заработную плату. Отработав свое, рабочий пользуется всеми благами жизни, как и предприниматель. Им нечего ссориться друг с другом. Если же возникает какое-нибудь несогласие, размолвка, то лучше договориться полюбовно...

Центральное объединение шведских профсоюзов было основано в 1898 году. Четыре года спустя шведские капиталисты создали Союз предпринимателей для защиты своих прибылей. В 1938 году лидеры реформистских профсоюзов и представители фабрикантов, собравшись в курортном городке Сальтшёбадене, заключили соглашение, чтобы предотвращать «раскачивание лодки». Они разработали сложную и длительную процедуру разрешений трудовых конфликтов, дающую много времени для примирительных переговоров. Оговаривались случаи, когда профсоюз вообще не должен объявлять или поддерживать забастовки.

В послевоенные годы профсоюзам Швеции удалось добиться от предпринимателей важных уступок, улучшающих положение трудящихся. Этому благоприятствовала высокая экономическая конъюнктура. Легенда о классовом мире в «государстве благосостояния» упрочилась. Некоторые профсоюзные лидеры стали поговаривать, что вообще забастовки — старое, заржа-

вевшее оружие, прибегать к которому в наш век в Швеции совершенно излишне.

Подобное примирительное благодушие дало повод для несколько иронического отношения к шведским профсоюзам. Корреспондент французского еженедельника «Нувель обсерватэр», побывав на автомобильном заводе «Вольво» вблизи Гётеборга, нашел, что профсоюз проник там во все цехи, что он богат, силен и гордится своей силой. Но...

— Когда я спросил, — делится своими впечатлениями корреспондент, — какие требования выдвигает профсоюз и каковы его последние достижения, мне рассказали о раздевалке, о том, что прежде в шкафчиках не было замков, а теперь они есть. Профсоюзный комитет на предприятии? Считается, что дирекция должна информировать его обо всем, даже о капиталовложениях. Но не для того, чтобы профсоюз мог оспаривать решения дирекции, а для того, чтобы он заранее предупредил рабочих: тогда эти решения будут выполняться без лишних беспорядков и недоразумений.

А вот высказывание секретаря Центрального объединения профсоюзов Швеции:

— Вы не можете требовать от предпринимателей, чтобы они принимали решения, консультируясь с исполнителями. Это было бы неразумно. Самое хорошее и правильное решение такое, когда, выполняя его, все рабочие и служащие чувствуют себя ответственными за хорошую работу предприятия; все они — зубчатые колеса одной машины и должны вертеться так, чтобы предприятие процветало.

Другой видный профсоюзный руководитель, упомянув, что рабочие являются «частями, зубчатыми колесиками и горячим шведской экономической машины», сделал вывод:

— Любая забастовка ведет лишь к обнищанию нации, так как во время забастовки все члены общества напрасно теряют время и деньги.

Возможно, что французский журналист недостаточно глубок и объективен. Однако и в шведских изданиях легко можно было найти, например, упоминания о том, что профсоюзы действуют в таком духе, что-

бы на рынке труда «враждебные действия» стали анахронизмом.

Но вот весной 1966 года на вполне законные требования профсоюзов о повышении заработной платы в связи с ростом цен Союз предпринимателей ответил: «нет!» Это вызвало возмущение трудящихся, потребовавших от своих профсоюзных лидеров решительных мер. Центральное объединение шведских профсоюзов пригрозило объявить забастовку.

Тогда Союз предпринимателей принял решение о локауте, в результате которого около 700 тысяч рабочих могли оказаться на улице.

«Капитал сбросил маску... Предупреждение о локауте — вызов всему рабочему движению», — писала коммунистическая печать.

Однако правительственному посредническому совету удалось и на этот раз убедить стороны в необходимости взаимных уступок. До всеобщей забастовки и локаута дело не дошло, но разговоры о «заржавевшем оружии» прекратились. Позднее съезд профсоюзов решил резко увеличить забастовочный фонд.

Я не был в Швеции во время весенних событий. Забастовка же учителей, свидетелем которой мне пришлось быть, оказалась первым их массовым выступлением за несколько десятилетий.

...Когда наша беседа со школьным психологом о молодежных проблемах увяла окончательно, я спросил:

— Ваша школа, как видно, не участвует в забастовке?

— И да и нет, — ответил тот. — Забастовка коснулась лишь преподавателей старших классов.

— Очевидно, педагоги младших классов всем довольны?

— Я бы не сказал этого. Но забастовку объявили академики.

— Академики?!

Оказывается, слово «академик» следовало мысленно заключить в кавычки. Так называют специалистов, имеющих высшее образование. Большинство профсоюзов в Швеции — отраслевые. «Академики» же основали свой профсоюз, не входящий в Центральное объединение. Этот профсоюз — его сокращенно назы-

вают САКО — и объявил забастовку, которую, строго говоря, нельзя назвать забастовкой учителей: педагоги, не имеющие высшего образования, в ней не участвуют, зато она касается преподавателей высших учебных заведений. Одним словом, бастуют только «академики», но опять-таки не все, а лишь занятые на педагогической работе.

Наш разговор происходил на второй день забастовки, а на третий газеты вышли с огромными заголовками: «Война объявлена», «Предупреждение о локауте»; «Министерство по гражданским делам намеревается объявить локаут в ночь на 21 октября, если стороны не придут к соглашению», «Массовое увольнение может коснуться 20 тысяч учителей», «Полмиллиона школьников и студентов — без преподавателей?»

После этого наступило короткое затишье: созданная правительством посредническая комиссия пыталась примирить стороны. Это ей не удалось.

На десятый день забастовки было объявлено об увольнении 20 800 учителей.

На четырнадцатый день забастовали все «академики». Они объявили трехдневную забастовку протеста против локаута.

Мы привыкли представлять себе: раз забастовка, то ворота на замке, опустевшие цехи, пикеты бастующих, наряды полиции. В Стокгольме не было заметно ничего подобного. «Академики» составляли наиболее плотное ядро только в высших учебных заведениях, и там занятия прекратились почти полностью. В школах получилась середка наполовинку: младшие учащиеся, часть старших — тоже; на одних уроках преподаватели есть, на других — «самостоятельная работа», а проще говоря — веселое безделье, танцы под принесенный кем-то из дому магнитофон, картежные игры, потасовки.

Я отправился в Королевскую библиотеку. Двери были открыты, однако часть сотрудников отсутствовала. Бастовал, в частности, мой знакомый библиограф.

Молчали многие учрежденческие телефоны. Меня предупредили, что обусловленная заранее встреча в муниципалитете переносится на неопределенное время.

Позвонил по поводу другой встречи: нет, тут все в порядке, значит, я буду иметь дело не с «академиком».

Говорили, что в министерствах земледелия и юстиции на местах только гардеробщики, секретарши и мелкие клерки. Среди бастовавших оказалась учительница Айна Эрландер, жена премьера, дважды выступавшего по телевидению с призывом о разумном решении спора и прекращении забастовки. Наверное, бастовал и Ян Елин, если не в качестве председателя Союза писателей, то уж, наверное, в качестве судьи: суды отложили слушание дел, поскольку бастовало не только большинство судей, но и прокуроры. В государственных учреждениях недосчитывалось в эти дни трети служащих.

Тем временем Союз предпринимателей разослал письмо, предлагая своим членам не принимать на работу ни одного «академика», уволенного во время локаута. Предприниматели вспомнили, как действовали их деды и прадеды пятьдесят и сто лет назад: пусть-ка смутьяны побегают без работы, живо одумаются!

А ведь на этот раз смутьянами, раскачивающими лодку, оказались в общем-то отнюдь не обездоленные бедняки. «Академики» — привилегированная группа населения. Их заработок вдвое, втрое и даже вчетверо превышает заработок квалифицированных рабочих.

САКО — богатый и влиятельный профсоюз. Многие его члены занимают высокие посты в различных министерствах и в правительственной канцелярии. Возможно, отчасти поэтому правительство заявило, что на этот раз оно не будет вмешиваться в забастовку. И вероятно, особое, привилегированное положение бастующих определило и отношение к забастовке в разных слоях общества.

Я бы покривил душой, если бы сказал, что «академики» вызывали всеобщее сочувствие, что им оказывали всемерную поддержку, что их забастовка всюду подняла волну солидарности.

В той же базовой школе мне приходилось бывать на уроках в младших классах. Я спросил учительницу, как она относится к забастовке.

— Они, наверное, добьются своего, — ответила та. — Я почти уверена в этом. Ну, а мы...

По ее мнению, было бы лучше и справедливее, если бы забастовку объявили все учителя. Может быть, даже все работники школ, включая низкооплачиваемый технический персонал. Эти люди куда больше нуждаются в прибавке, чем «академики». Но у «академиков» свой профсоюз, у остальных — свои, причем не самостоятельные, а входящие в Центральное объединение.

В эти же дни я разговорился с журналистом, работающим в левой печати. Боюсь утверждать точно, но, по-моему, он родом из северного горняцкого городка и в прошлом работал на руднике.

— Вы читали сегодня газеты? — спросил он. — Там есть заметка: резко вздорожало мясо. Почему? Ветеринарные инспектора в большинстве — «академики», они бастуют, без них нельзя забивать скот. Конечно, рабочие должны быть солидарны с бастующими. Они считают, что забастовка — это хорошо. Но некоторые рабочие говорят: «Ого, эти господа захотели двадцати процентов прибавки к своим трем тысячам крон в месяц. А когда весной наш брат потребовал десяти процентов, нам пригрозили локаутom, пообещали выбросить на улицу семьсот тысяч человек, и все кончилось двумя процентами надбавки в этом году да четырьмя в следующие два года». Другие рассуждают так: «академики» — на государственной службе, значит, свою прибавку они получают не от капиталистов, а из кармана налогоплательщиков, в том числе и из рабочего кармана. Видите, все не просто. И еще: полмиллиона школьников болтается без дела, родителям лишняя забота, да ведь и ребятам все равно придется наверстывать потерянное. Вчера были первые демонстрации, школьники несли плакаты: «Учителя, возвращайтесь в школы!»

Забастовка кончилась на 27-й день.

Правительство почти полностью удовлетворило требования бастовавших государственных служащих. Они не только сохранили, но и упрочили свое привилегированное положение.

А рабочие?

Недавно известная шведская писательница Сара Лидман выпустила книгу «Рудник». В нее вошли сорок записанных магнитофоном бесед с горняками го-

сударственного предприятия «Луоссаваара-Кируна ваара АБ». Это одно из немногих национализированных шведских акционерных обществ.

Вот отрывки из рассказов горняков:

— Мы не получаем доступа в жизнь, полную смысла, в которой труд стал бы самой ценной частью всего.

— Профсоюз? Им мало кто интересуется... Да еще и неизвестно, действительно ли профсоюз защищает интересы рабочих... В дни моей юности люди были сплоченнее. Теперь они разобщены.

— Мы, все рабочие Швеции, находимся вне общества. Мы не свободны. Мы невежественны. Мы бессильны. Согласно договору мы «не должны заниматься на рабочем месте никакой агитацией». Что такое агитация? Это решает начальство.

— Рабочих все время прижимают. И под землей на руднике, тоже. Если сломалась машина, водителю говорят: «Ты виноват! Твоя халатность!» На рабочем легко свалить всю вину. Он ведь никакой ценности не представляет.

— Государственное предприятие? А что толку? Мы никогда не чувствуем, что оно наше. Комитет предприятия ничего не может сделать... Конечно, демократия — великое дело! Нельзя отрицать этого. Но ступала ли на территорию наших рудников нога тех, кто говорит, что в Швеции мы уже живем в условиях демократии?

— Грустно говорить, но рабочее движение утратило всякие перспективы. Ведутся лишь бесконечные переговоры о прибавке в десятки доли мелкой монетки, и рабочие должны быть благодарны за это. Благодарны, как свиньи в загоне...

— Мы, рабочие, зажаты в тиски. Мы создаем богатства, но не для себя. Мы загнаны до того, что чувствуем это даже во сне. Я могу встать среди ночи, пойти на остановку автобуса, стоять там и ждать. По привычке взглянешь на часы и видишь, что всего лишь три часа... Таково напряжение. Нужно ли это?

Читая полные горечи рассказы шахтеров, ценой тяжелой нервно-психической нагрузки покупающих сытость и относительное материальное благополучие, невольно думаешь: вот кто должен бы в первую очередь поднимать знамя забастовочной борьбы, добиваться

улучшения условий своего существования, а вовсе не «академики»!

Рабочие то тут, то там пытаются поднимать это знамя, но иногда их не поддерживают даже соседи. Реформистские лидеры начинают уговоры: зачем прибегать к крайности, не следует требовать слишком многого, лучше договориться с предпринимателями на разумной основе, ведь все мы сидим в одной лодке!

И тысячу раз прав старый горняк, заключивший свой рассказ писательнице словами:

— Великое товарищество — вот чего не хватает сегодня рабочим Швеции!

А некоторое время спустя именно горняки предприятия, описанного в «Руднике», показали пример сплоченности.

В конце 1969 и начале 1970 года по Швеции прокатилась волна забастовок. Бастовали работники аэропортов, докеры, автомобилестроители. Наиболее крупную и успешную забастовку провели горняки «Луоссаваара-Кирунаваара АБ», стойко державшиеся 56 дней.

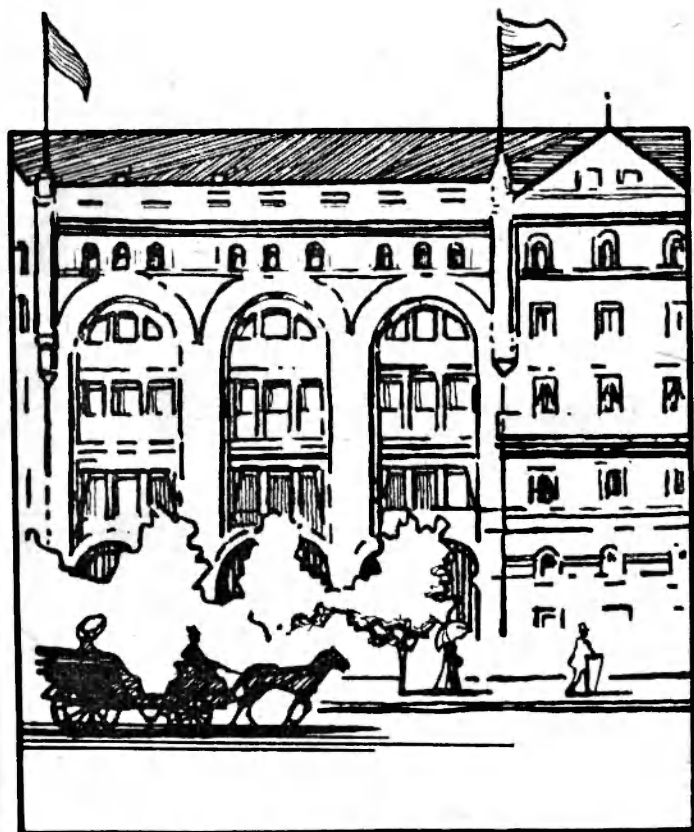
Так было еще раз доказано, что сила рабочего класса — в единстве и солидарности и что «социальная гармония» в Швеции — миф.

МАРШРУТОМ «КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ»

Осуществляется давнее мое желание: еду в Стокгольм поездом. Вместо привычного двухчасового полета — долгое путешествие едва не через половину Европы.

Поезд пересечет часть Германской Демократической Республики. Затем состав на морском пароме пе-

реправят через пролив на шведский берег. От Треллеборга электровоз поведет его по старому железнодорожному пути к Стокгольму.

На значительном протяжении этот маршрут почти в точности совпадает с тем, по которому в апреле 1917 года возвращались в Россию русские политические эмигранты во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Со мной старый, педантично описывающий каждую достопримечательность томик Бедекера (известно, что Ленин запрашивал подобные издания в Берне), давние альбомы с видами шведских городов, напечатанная в 1918 году и, следовательно, написанная годом раньше стокгольмская «Справочная книга для русских импортеров и экспортеров».

Все это, вероятно, поможет найти, выделить из последующих полувековых напластований какие-то сохранившиеся приметы Швеции 1917 года.

Воспоминания очевидцев и исследования историков восстановили некоторые события тех далеких дней. Мы знаем: в Заснице, немецком курортном городке, паровоз осторожно вкатил вагоны в трюм парома «Королева Виктория». На мачтах судна были подняты необычно большие голубые с желтым крестом шведские флаги: германские подводные лодки потопили уже в проливе один шведский корабль, якобы не распознав его принадлежности нейтральной стране.

Медленно сомкнулись створки ворот на корме. «Королева Виктория» тронулась к выходу из гавани.

Было 12 апреля 1917 года.

За кормой уходила в море Германия — нежная весенняя зелень, черепичные крыши. Засница, остроконечная кирка на взгорье, то пепельные, то палевые обрывы глубоко изрезанного бухтами острова Рюгена.

Несколько часов в море — и эмигранты высадутся в нейтральной Швеции. А там — Россия!

Правда, беспокойство вызвали неожиданно розданные анкеты; потом с мостика спустился капитан и спросил, есть ли среди пассажиров господин Ульянов. Это могло означать что угодно, например намерение интернировать большевиков по требованию Временного правительства.

Но когда Ленин назвал себя, выяснилось, что не-

кий господин Ганецкий запрашивает из шведского порта Треллеборга, находится ли на борту парома господин Ульянов и сколько с ним мужчин, женщин, детей.

Тотчас была послана ответная радиограмма. Запрашивал свой человек: их ждут! Эмигранты собрались на носу парома. Возбужденные, радостные, пели сначала «Дубинушку», потом «Варшавянку» и, наконец, «Интернационал».

А впереди в вечернем сумраке уже очерчивались берега Швеции...

Сегодня Швеция возникает из моря перед пассажирами скоростного дизель-электрического парома слабо всхолмленной равниной с купами деревьев возле хуторов и помещичьих усадеб. Маячок, торчащий на прибрежном мелководье, показывает вход в углубленный землечерпалками канал. Белые и красные вежи качаются на волнах, предостерегая капитана. Скользящие каменные глыбы мола защищают гавань Треллеборга.

Наш паром идет к тому же старому причалу, возле которого останавливалась и «Королева Виктория». Вокзал и таможня в Треллеборге тоже прежние. Плющ по фасаду, башенки и лепной герб с короной под черепичной крышей делают здание похожим на дом помещного дворянина, по недоразумению перенесенный с пригорка среди полей на современную электрифицированную магистраль.

Тут-то, наверное, и нервничал в ожидании «Королевы Виктории» Яков Stanisлавович Ганецкий вместе с молодым Отто Гримлундом, которому поручили встретить и приветствовать Ленина от шведских левых социал-демократов. Встреча, не по-шведски сдержанная, а по-русски бурная, шумная, с объятиями, суматохой и радостными возгласами, произошла как раз где-то здесь...

Поезда на Стокгольм и сегодня идут не прямо из Треллеборга, а формируются в соседнем большом городе Мальме. Это близко, километров тридцать.

Билеты на ночной скорый поезд Мальмё — Стокгольм для эмигрантов были заказаны заранее. Мы знаем, что Гримлунд ехал в одном купе с Лениным. Занимаясь журналистикой, он надеялся в дороге

узнать подробности необычного переезда русских революционеров через Германию и осведомиться об их дальнейших намерениях.

Ночь была тихой, светлой и холодной — обычная весенняя ночь для тех мест, через которые мчался скорый поезд.

В последний раз Ленин видел Швецию.

Сначала за окном проносилась распаханная равнина с помещичьими усадьбами и темными мельницами по холмам. Потом пошли леса, появилось сходство с пейзажем северных российских губерний: густые ельники, белые свечи весенних березок, бурая, настоящая на прошлогодней осенней листве вода в озерах и канавах. И наверное, за Норчёпингом врывался в вагон ночной соленый ветер с морского залива...

В последний раз видел Ленин страну, куда судьба профессионального революционера приводила его уже не однажды.

НАДО ИСКАТЫ

Годы 1905, 1906, 1907, 1910 и, наконец, 1917-й... В хронике пяти ленинских лет — Швеция, Стокгольм.

Через Стокгольм возвращение из первой эмиграции. Через Стокгольм — уход во вторую. Через Стокгольм — возвращение из последней. Здесь дни IV съезда РСДРП. Здесь же, в Стокгольме, последнее свидание с матерью.

Может быть, не только географическая близость, но и особенности политического климата Швеции начала века — обострение классовой борьбы, развитие социалистической мысли, растущее влияние левых социал-демократов — способствовали тому, что русская политическая эмиграция останавливалась здесь на перепутье, а кое-кто оседал надолго. Революция 1905 года всколыхнула пролетариат Скандинавии, этого европейского захолустья, и впоследствии историки писали о волнах, которые, докатываясь из России к шведским берегам, вливали новые силы в рабочее движение.

До последнего приезда в Стокгольм, до весны 1917 года, Ленин был известен в Швеции сравнительно узкому кругу политических деятелей. Мы знаем да-

леко не все обстоятельства его первых приездов в шведскую столицу.

Среди наиболее известных ленинских мест Стокгольма — как и всюду, куда судьба профессионального революционера бросала Владимира Ильича, — библиотека.

Ее окружает зелень парка. Вдоль дорожек — березы. Тогда они были совсем тоненькими, молодыми... Студенты — их особенно много среди читателей — спешат мимо бронзового Карла Линнея, короля ботаников, в спокойном раздумье созерцающего цветок в руке. То и дело хлопают обитые листовой медью двери, над которыми по фронтому — гербы с тремя золотыми коронами.

Высокие окна пропускают много света в читальный зал, где тонкие колонны поддерживают потолок, с которого свисают матовые шары ламп. Все, как прежде, вот разве только появилась временная пристройка: в здании тесновато, и пока ремонтируется какой-нибудь зал, читатели перебираются во времянку.

Ленин работал в большом читальном зале за столом № 8. Стол стоял подле входа. Библиотекарь, взглянувший в регистрационную книгу, мог бы узнать, что человек, поглощавший уйму книг за столом № 8, записан как г-н Джон Фрей.

Стол из читального зала тех лет есть теперь и у нас, в Библиотеке имени Ленина, получившей его в дар.

Впервые привел Ленина в Королевскую библиотеку студент Хуго Линдберг. Они засиделись в читальном зале допоздна. Потом пошли на улицу Ванадисвеген, где жили их общие знакомые.

На Ванадисвеген много домов, сохранившихся с начала века. Ничего им не сделалось, простоят еще долго, если не окажутся в районе сноса. Над окнами полуподвала с трудом можно различить стершиеся буквы: «Механическая стирка и глажение».

У дома, в который, по воспоминаниям Линдберга, пришел в тот вечер Владимир Ильич, сохранился портал из серого камня и лепная голова сатира над парадной, непомерно огромной дверью.

Ленин и Линдберг поднялись на верхний этаж. У хозяина квартиры был хороший голос. В тот вечер он исполнял для русского песни Карла Бельмана, чу-

десного поэта, распевавшего когда-то свои стихи под аккомпанемент цитры. Хозяин пел о бабочке, крылья которой мелькают над зелеными лугами Хага, а за окном была лунная ночь, и наискосок от дома, совсем близко, на скалистом холме, к которому выходила улица, дремали пышные ели парка.

Линдберг вспоминал, что Ленин был очарован песней и просил перевести слова поэта со шведского на немецкий...

По странной случайности я услышал эту песню на другой день после того, как ходил к дому на Ванадисвеген и поднимался на лесистый холм напротив. Исполняли ее ученики 6-го класса «С» образцовой стокгольмской школы. Льноволосые девчушки аккомпанировали на деревянных дудочках своим сверстникам, певшим старательно и серьезно.

— Эту песню знает каждый швед, — заметила учительница.

И дом на Ванадисвеген, и старый каменный дом на тесно застроенной Каптенсгатан, и другие дома, где в разные годы жил или бывал Ленин, — это все старый Стокгольм, небогатые районы с гостиницами для провинциалов и квартирками людей, кое-как сводивших концы с концами.

Не удивительно, что до сих пор нам известно далеко не все, что связано с приездами Ленина в Стокгольм. Трудно, очень трудно по прошествии десятилетий искать следы человека, который вел тревожную жизнь политического эмигранта, был опытным, изобретательным конспиратором.

Поиски, естественно, продолжаются. Этим заняты и специалисты-исследователи и люди, которые, попробовав силы, увлеклись и недостаток опыта восполняют настойчивостью и энтузиазмом.

...Когда мы познакомились, Юрий Дашков был уже стокгольмским старожилом: шестой год представлял в Скандинавии газету «Сельская жизнь», одновременно сотрудничая в журнале «За рубежом».

Пресс-атташе посольства сказал о нем:

— Если он не дома и не в командировке, ищите его в архивах.

Дашков показал мне малоизвестные ленинские места Стокгольма. Меня удивила его память, прочно

удерживающая даже второстепенные даты, даже мельчайшие факты. Оказалось, что он уже давно ищет во всех скандинавских странах все имеющее отношение к пребыванию там Ленина, к связям большевиков со шведским, норвежским, датским рабочим движением.

Приехав в Стокгольм, Дашков вовсе не думал, что со временем эти поиски так захватят его. Ему казалось: все давным-давно найдено и исследовано.

Но однажды Королевская библиотека устроила выставку. В вестибюле стоял стол, за которым работал Ленин. Тут же лежали две книги регистрации посетителей за 1907 и за 1910 годы.

— Дамы и господа, — сказал, открывая выставку, директор библиотеки Уно Вилерс, — мы давно знали, что господин Владимир Ленин работал в наших читальных залах в девятьсот седьмом году. Я рад сообщить вам о своем маленьком открытии. Просматривая книгу посетителей за девятьсот десятый год, я обнаружил запись. Вот она: «Ульянов, Каптенсгатан, 17».

Одна строка... Но в ней — доказательство работы Владимира Ильича в библиотеке и во время своего предпоследнего посещения Стокгольма, куда он приезжал, чтобы повидать мать и сестру, приглашенных им в Швецию.

— Я подумал: а почему Уно Вилерс? — рассказывал Дашков. — Ведь наши товарищи не раз бывали в библиотеке. Книги посетителей там не за семью печатями...

Значит, есть что искать, и надо искать!

Для начала Дашков сел за мемуары Цета Хёглунда, Фредрика Стрёма, Карла Чильбума и других деятелей шведского рабочего движения. За короткое время он нашел упоминания имени Ленина более чем в сорока книгах на шведском языке; а ведь часть их могла ускользнуть от внимания наших исследователей!

Потом Дашков, урывая время при разъездах, связанных с текущей корреспондентской работой, проехал по ленинским местам Финляндии, Дании, Швеции. В некоторых городах и местечках побывал снова, уточняя и проверяя. Зачастил в архивы рабочего движения Скандинавии. Зная шведский, понимая датский и норвежский языки, смог изучать подлинники. Большую часть отпуска провел в Москве, в Институте

марксизма-ленинизма, где получил советы и поддержку.

В год нашего знакомства у Дашкова накопилось почти пятьсот страниц заметок, записей, бесед с очевидцами, выписок, переводов малоизвестных или вовсе до той поры неизвестных документов. Вместе мы листали копии секретных донесений, связанных с IV съездом РСДРП, рапорты шведских детективов, переписку с послом в Петербурге...

— Начал в свое время с писем, — рассказывал Дашков. — Обратился в архивы полиции, комиссии по делам иностранцев, министерства иностранных дел. В первых двух — ничего. А из министерства звонят: «Не смогли бы вы зайти лично?» Прихожу, получаю папку. Дела русских и финских эмигрантов за девятьсот шестой год, представляете?! Спрашиваю: а как с девятьсот седьмым? «Пожалуйста, приходите в апреле шестьдесят седьмого». Содержание некоторых документов шведские архивы вправе открывать только через шестьдесят лет. Ладно, думаю, придется потерпеть. А вот, кстати...

Письма на шведском языке, адресованные г-ну Дашкову. К некоторым приложены фотографии. Это люди, в разные годы встречавшиеся с Лениным.

— Немного их осталось... Но Отто Гримлунд жив. И Хуго Силен. И адвокат Линдберг.

Воспоминания этих людей, знавших Ленина, частично публиковались у нас. У Дашкова оказались свои записи, более подробные. Он с настойчивостью, иногда раздражающей собеседника, подчас по нескольку раз расспрашивал одного и того же человека в надежде, что, может, во время второй или третьей беседы тот припомнит еще что-либо. Некоторые из этих бесед теперь уже никому не удастся повторить: идут годы, и уходят люди... Юный студент, вместе с Лениным слушавший песни Бельмана, позднее — известный стокгольмский адвокат Линдберг, умер совсем недавно. Осенью 1969 года умер и Гримлунд...

Год спустя после знакомства с Дашковым мы снова встретились в Стокгольме, а потом и в Москве. Я еще вернусь к некоторым результатам его поисков. Пока же о том, как я впервые побывал в архиве шведского рабочего движения. Мы не собирались туда,

просто оказались поблизости, и Дашков предложил заглянуть на минутку.

Он был там, что называется, своим человеком. Поздоровался с одним, перебросился двумя словами с другим. Представил меня г-ну Перу Линду, архивариусу. Тот вопросительно посмотрел на моего спутника и что-то вполголоса спросил по-шведски. Дашков кивнул с видом заговорщика.

Г-н Линд удалился.

— Что он сказал?

— Сейчас увидите, — с тем же выражением произнес Дашков.

Архивариус вернулся с небольшой картонной папкой и довольно объемистым чемоданом. Чемодан был старый. Ободранные наклейки гостиниц и пометки таможен виднелись на его потертых боках.

В обыкновенной картонной папке — три письма. Подлинность их не вызывала сомнений: знакомый каждому ленинский почерк. Они хорошо сохранились, даже бумага не пожелтела, чернила не выцвели.

— Их фотокопии посланы в Москву, текст напечатан в Полном собрании, — сказал Дашков. — По-видимому, были адресованы Яльмару Брантингу и Хинке Бергегрену. По поводу одного письма мне удалось кое-что выяснить. Но взгляните сюда.

В чемодане лежали фотографии. Множество фотографий, сделанных в Петрограде и Москве вскоре после революции. Часть снимали шведы: ведь руководители шведских левых социал-демократов в конце 1917 года были приглашены в Петроград, где выступали на митингах перед рабочими и солдатами, слушали речи на заседании ВЦИК и Совнаркома, видели конец Учредительного собрания.

На фотографиях запечатлены бурлящие улицы. Сняты грузовики с красногвардейцами, где на знаменах — революционные лозунги с буквой «ять», с твердым знаком в конце слов. Снимки демонстраций на Красной площади. Снимки торопливо воздвигнутых памятников, не сохранившихся до наших дней. Первые советские фотоальбомы.

В читальный зал, где мы расположились, постепенно собираются люди. Мой шепот мешает им, я ловлю удивленные, неодобрительные взгляды.

Вот и более ранние, сильно увеличенные и достаточно известные фотографии: Ленин и другие эмигранты идут вместе со встречавшими их шведами.

Снимки эти были сделаны возле Центрального вокзала Стокгольма утром 13 апреля 1917 года.

ДЕНЬ В СТОЛИЦЕ

В апреле 1917 года скорый из Мальме приходил на Центральный вокзал в 10 утра.

Ленин почти не спал ночь. Сначала в его купе начали было вспоминать о трудностях переезда через Германию. Но вскоре Владимир Ильич, который уже много лет следил за рабочим движением в Швеции, забросал Отто Гримлунда вопросами о том, насколько велико теперь влияние Брантинга, вождя правых, о положении и численности социал-демократической партии, о профсоюзах... Гримлунд едва успевал отвечать, но потом вынул блокнот и попытался взять реванш.

После того как интервью было закончено, Ленин долго говорил с Ганецким. Стокгольм уже несколько лет был тем местом, через которое специальная группа ЦК осуществляла связи с Россией. Теперь Ленин жадно слушал новости из революционного Петрограда.

Лишь перед рассветом вагон затих, но ненадолго: ворвались журналисты, встретившие поезд на маленькой станции. Они-то знали, кто возвращается в Россию! Уже несколькими днями ранее газета «Политикен» напечатала статью с фотографией Владимира Ильича. «Человек, портрет которого помещен здесь, — писала газета, — один из наиболее известных руководителей русской социал-демократии... В скором времени Ленин возвратится в Россию, где его товарищи с нетерпением ждут приезда дорогого вождя».

Поезд пересек окраины Стокгольма, пробежал над узким проливом, где зеленоватая вода плещется у старых деревянных свай. Потом нырнул под мост, по которому гроыхали трамваи, и остановился у перрона Центрального вокзала. Карл Линдхаген и Фредрик Стрём, представители левых социал-демократов, направились к вагону.

Едва ли не первыми словами Ленина, который вышел из вагона бодрым и оживленным, был вопрос к Фредрику Стрёму:

— Как дела с Хёглундом? Я получил от него привет из тюрьмы Ленгхольмен. Мы должны навестить его.

Цет Хёглунд, деятель левого крыла шведской социал-демократии, с которым Владимир Ильич встречался в Копенгагене и в Циммервальде, отбывал заключение за антивоенную пропаганду.

Однако встреча с ним в Стокгольме не состоялась. Ленин и Хёглунд встретились несколькими месяцами позднее, уже в Смольном.

На вокзале корреспондент «Политикен» успел задать Владимиру Ильичу на ходу два-три вопроса. Ленин сказал, что для него и для тех, кто с ним, самое важное — как можно скорее прибыть в Россию.

Прямо с вокзала все оживленной толпой пошли за три квартала в гостиницу «Регина». Ее снесли не так давно, во время реконструкции центра Стокгольма, но некоторые привокзальные улочки еще и сегодня сохраняют прежний колорит. В плотной тесноте, камень к камню, здесь небольшие гостиницы, лавочки, парикмахерские, а над всем этим — остроконечный шпиль церкви св. Клары.

Именно по дороге в гостиницу и были сделаны два снимка, на которых запечатлен Ленин, энергично шагающий с зонтиком-тростью в руке среди спутников и встретивших его шведов.

В «Регине» Владимир Ильич впервые смог прочесть свежие русские газеты. Стрём, зашедший к нему в комнату, увидел, что Ленин изучает по карте дорогу до Петрограда через север Швеции и Финляндию.

— Мы едем сегодня же вечером, — сказал Владимир Ильич в ответ на просьбу выступить днем позже перед шведскими социал-демократами. — Дорог каждый час.

Но Владимир Ильич долго и подробно говорил наедине со Стрёмом о планах создания новой партии, которая объединила бы наиболее революционно настроенных шведов. Потом руководители левых совещались в гостинице с русскими эмигрантами.

Представитель газеты Брантинга «Социал-демо-

кратен» захотел присутствовать на этом совещании. Ленин сказал Стрёму: «Мы совершенно не доверяем господину Брантингу. Если *вы* ему доверяете, то вы можете пригласить его представителя».

Корреспондент допущен не был.

После ухода руководителей шведских левых социал-демократов в «Регине» состоялось совещание с большевиками, остающимися в Стокгольме. Было создано Заграничное бюро ЦК РСДРП.

Потом, когда были уже улажены формальности с паспортами и до прощального ужина оставалось еще время, кто-то из шведов уговорил Ленина завернуть в магазин. Ленин стал покупать книги, но друзья, улучив момент, повели его в универсальный магазин. (По воспоминаниям очевидцев, у русских эмигрантов был потрепанный вид, а Владимир Ильич выглядел, «как рабочий, вышедший на воскресную прогулку в неустойчивую погоду», или, по мнению других, «как школьный учитель».) В магазине «Поль У. Бергстрём», или просто «ПУБ», который, кстати, существует и поныне, Ленина чуть не насильно заставили приобрести недорогой темно-коричневый костюм.

Сразу после ужина заторопились на вокзал. Там собралось человек сто.

«Дрожащими от волнения голосами все запели «Интернационал», — писал об этих минутах репортер «Политикен». — Отъезжающие сгрудились у окон, размахивали красными флажками. Гул голосов и песня казались эхом великого грохота революции на востоке».

В 18 часов 37 минут поезд отошел от перрона.

Три дня спустя, 16 апреля 1917 года, состав, в котором возвращался Владимир Ильич, с опозданием подходил к Петрограду.

Вспоминают, что Владимир Ильич опасался, найдет ли он ночью извозчика, чтобы добраться до Широкой улицы, где жили его сестры.

Ночного извозчика не было. Была ставшая тесной привокзальная площадь, где собрались питерские рабочие, солдаты, матросы с Балтики. Были красные знамена в лучах прожекторов, площадка броневика. И была ленинская речь к бурлящей России:

— Да здравствует социалистическая революция!

Неполный день, который Владимир Ильич провел в Стокгольме, был насыщен до предела.

Конечно, мы не все знаем об этом дне. Можно полагать, например, что в архиве Фредрика Стрёма есть упоминания о важных, интересных деталях. Но Стрём завещал: бумаги, оставшиеся после его смерти, должны пролежать неприкосновенными полвека. Он умер в 1948 году. Значит, мы узнаем их содержание только в конце столетия.

Барон Эрик Пальмшерна, один из наиболее реакционных лидеров правых социал-демократов, а впоследствии министр иностранных дел и шведский посланник в Лондоне, не сделал подобного завещания. Его дневники опубликованы.

Из них теперь известно: панически боясь распространения русской революции, Пальмшерна по телефону уговаривал Брантинга телеграфировать Керенскому: Ленин прибывает следующим поездом и должен быть убит на границе или посажен в тюрьму.

Пальмшерна, как свидетельствует шведский историк К. Бёкстрём, был огорчен тем, что ему не удалось добиться поддержки Брантинга. Последний реагировал на предложение несколько неожиданно: громко расхохотался, назвал Пальмшерну глупцом и добавил, что «так не делают». Рассерженный Пальмшерна крикнул в трубку, что Брантинг — устаревший либерал восьмидесятых годов, тогда как теперь нужны люди действия. Брантинг, продолжая хохотать, положил трубку.

В дневнике Пальмшерны рассказывается, что позднее содержание телефонного разговора стало с его слов известно Гулькевичу, русскому послу в Стокгольме. Тот со слезами на глазах воскликнул: «Мой дорогой барон, судьба России была в ваших руках!» «Подумать только, если бы Брантинг послушался моего совета!» — заключает Пальмшерна свой рассказ о чудовищном замысле.

Но если основные факты, относящиеся к возвращению Владимира Ильича из последней эмиграции, давно известны, а часть стала известной за последние годы благодаря работам советских и шведских исто-

риков, то некоторые детали все еще требуют проверки и уточнения.

И тут немало потрудились наши журналисты — И. Синицын, Ю. Голошубов, И. Мокрецов, Г. Дейниченко, А. Думов, Ю. Яхонтов и особенно тот же Ю. Дашков.

Родом Дашков из Хохломы. Отец его в молодости сплавливал лес по Керженцу, где с давних лет селились раскольники. В 1918 году отец вступил в партию. Сын с четырнадцати лет в комсомоле, школу кончил на второй год войны, в партию вступил в армии. После демобилизации вернулся домой в Горьковскую область. Его избрали секретарем райкома комсомола, через два года направили учиться в областную партийную школу. Дашков одновременно сумел сдать экстерном экзамен за полный курс педагогического института. Как это ему удалось? «Спал мало». С дипломом историка вернулся в район. А там — назначение в областную молодежную газету, потом редактирование газеты в районе, где первый секретарь райкома партии «всерьез натаскивал по сельскому хозяйству». И снова учеба, на этот раз — в международной журналистской группе Высшей партийной школы при ЦК КПСС, практика в «Правде». Вот с такой подготовкой и попал Юрий Дашков в Стокгольм. Когда сдавал кандидатские экзамены, овладел немецким, в Швеции пришлось браться за скандинавские. И опять «спал мало»...

Отличное все же качество журналиста — дотошность! Ведь сколько людей, и в том числе спутники Владимира Ильича, упоминали о переправе через пролив на пароходе. Потом появилось уточнение — на пароме «Королева Виктория». Однако подразумевалось, что от старого парома давно и следов нет. Дашков решил проверить, так ли это. И нашел «Королеву Викторию»: при шведской бережливости паром оказался целехоньким, его лишь поставили на прикол.

Капитан «Королевы Виктории» оставался во всех воспоминаниях анонимным. Роясь в подшивках трелеборгских газет, выходивших в 1917 году, Дашков обнаружил его фамилию. Теперь известно, что обмену радиogramмами между Лениным и Ганецким содействовал капитан С. Эрикссон.

Дашков нашел расписание парома, а также поезда, с которым Ленин отправился в Стокгольм. Он разыскал внука фотографа Мальстрёма, сделавшего известный снимок Ленина в Стокгольме, и попросил его еще раз тщательно пересмотреть негативы деда. Ничего нового обнаружить среди них, к сожалению, не удалось. Но зато, перелистывая все шведские журналы за 1917 год, Дашков увидел вдруг не известный у нас снимок Владимира Ильича, которым была иллюстрирована статья Отто Гримлунда о проезде Ленина через Швецию.

Отто Гримлунд, как мы помним, интервьюировал Владимира Ильича в вагоне поезда, мчавшегося в Стокгольм. Но какова судьба этого интервью? Естественно, что редкий советский журналист, оказавшись в Стокгольме, не искал встречи с Гримлундом, чтобы подробнее расспросить его.

Гримлунд охотно рассказывал о знаменательной поездке. Когда же речь заходила об интервью...

Но лучше процитирую самого Гримлунда. Вот что он писал в «Известиях»:

«Интервью это не было опубликовано. До сих пор оно лежит в одном из ящиков моего письменного стола».

Понятно, что многим, в том числе и Дашкову, и мне очень хотелось бы заглянуть именно в этот ящик. Однако Гримлунд предлагал потерпеть: вот скоро он закончит подготовку к опубликованию своих подробных мемуаров...

Гримлунд не говорил о причинах, по которым интервью не было опубликовано сразу же, по горячим следам событий. Не сказал он об этом и Дашкову, ограничившись лишь коротким пересказом содержания: вопросы о Временном правительстве, о программе действий большевиков.

Как-то Дашков, просматривая «Стурмклокан» («Набат»), газету левых социал-демократов, наткнулся в одном из номеров, выпущенных весной 1917 года, на заголовок: «Точка зрения ленинской группы. Ленин уточняет позицию большевиков. Интервью для «Стурмклокан».

Дашков помчался к Гримлунду: «Ваше?» — «Представьте, совершенно не помню...»

В январе 1969 года «Литературная газета» опубликовала отрывки из книги, над которой работает Юрий Дашков. Впервые в советской печати был приведен текст этого обширного интервью. В нем, как предполагает автор, использована не только беседа с Владимиром Ильичем, но и более ранние печатные работы Ленина, в частности автореферат сделанного им в Цюрихе доклада «О задачах РСДРП в русской революции». Однако ценность этой публикации несомненна: интервью было напечатано в Швеции спустя всего девять дней после проезда Ленина.

Надеюсь, у читателя не создается впечатления, будто я хочу представить Юрия Дашкова таким сверхудачливым исследователем: другим, мол, не удалось, а он сумел. Просто человек перерыл за семь лет тонны архивных бумаг, терпеливо разбирая незнакомые почерки людей, писавших не на родном для него языке. Он трудился как вол, поскольку ведь при всех своих розысках ему ни на минуту нельзя было забыть об обязанностях корреспондента ежедневной газеты. о том, что каждую минуту может раздаться звонок: «Господин Дашков? Москва, пожалуйста».

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ...

Интервью Ленина, обнаруженное в «Стурмклокан», касалось преимущественно положения дел в России и позиции большевиков. Беседа же с Фредриком Стрёмом, состоявшаяся в гостинице «Регина», затронула также шведские дела.

О том, есть ли в архиве Стрёма полная запись беседы с Лениным, заметки об ее обстоятельствах, размышления Стрёма по поводу услышанного, мы, вероятно, не узнаем ранее 1998 года. Но основное содержание беседы известно из книги Стрёма «В бурное время», вышедшей в 1942 году.

Стрём пишет, что Ленин говорил о необходимости учиться на уроках французской революции и Парижской коммуны. Правые социал-демократы не понимают этого. Они будто с завязанными глазами идут через историю и время.

Когда Стрём, желая, видимо, сказать об отсутствии

з Швеции революционной перспективы, подчеркнул, что шведы любят мир, любят демократию и что они — большие индивидуалисты, Ленин заметил:

— Шведы очень организованный и культурный народ, но вы — пацифисты. Даже вы, левые, — пацифисты. Ваши крупные буржуа видят это яснее, чем вы.

Ленин, по воспоминаниям Стрёма, говорил далее о том, что буржуазная демократия гнила и формальна. Как обстоят дела с пролетариатом в Швеции, где наиболее развитая буржуазная демократия в мире? Имеет он право голоса, социальную безопасность, гарантии от эксплуатации?

Владимир Ильич одобрил разрыв левых с Брантингом, становившимся тогда одним из главных лидеров международной правой социал-демократии. Ленин сказал:

— Брантинг умнее вас, но его политика ошибочна. Он мелкий буржуа, меньшевик, верит в Антанту вместо того, чтобы верить в пролетариат, но он умнее, чем многие из вас.

Ленин и Стрём беседовали наедине. Разговор велся по-немецки. Возможно, Стрём передал не все его детали и оттенки. Но, надо полагать, основные ленинские характеристики приведены Стрёмом достаточно точно.

Откровенным до резкости ленинским оценкам ныне свыше полувека. Дальнейшие политические судьбы лидеров шведских левых социал-демократов и некоторые особенности полувекового этапа в истории всей шведской социал-демократии еще и еще раз убеждают в поразительной прозорливости Ленина.

13 апреля 1917 года лидер левого крыла шведской социал-демократии Цет Хёглунд, как мы помним, находился в тюрьме. Он был одним из наиболее ярких шведских интернационалистов, отлично владел искусством полемики, но не обладал глубоким знанием марксизма. Когда образовалась Коммунистическая партия Швеции, Хёглунд стал одним из ее руководителей. Он побывал у Ленина в Смольном.

А в 1924 году Хёглунд был исключен из компартии за оппортунизм. Немного спустя он вернулся в социал-демократическую партию и постепенно скатывался все правее и правее... Правда, выступая с воспоминания-

ми и докладами после второй мировой войны (он дожил до 72 лет), Хёглунд говорил о непроходящей своей влюбленности в большевиков, которая сохранилась в нем с первых лет революции, признавал, что перелом в Швеции в пользу демократии был следствием Октября. Но от прежней революционности интернационалиста Цета Хёглунда в почтенном ветеране шведского рабочего движения осталось немного...

Среди деятелей шведских левых социал-демократов, собравшихся 13 апреля 1917 года под крышей гостиницы «Регина», видное положение занимали Карл Линдхаген и Фредрик Стрём. Каковы вехи их политической судьбы?

Когда во время прощального ужина произносились тосты, Линдхаген неожиданно сказал:

— Я выступаю как за Ленина, так и за Керенского. Ленин рассмеялся.

В странном тосте Линдхагена прозвучало предопределение его будущей судьбы.

Карл Линдхаген, популярный деятель, которому шведы когда-то собрали в мешки десять тысяч грошовых монет для демонстративной уплаты штрафа за публичное оскорбление монархии, Карл Линдхаген, социал-демократический бургомистр Стокгольма, один из организаторов компартии, был позднее исключен из ее рядов и, подобно Хёглунду, вернулся в лоно социал-демократий.

Политическая траектория Фредрика Стрёма примерно сходна с теми, которые проделали Хёглунд и Линдхаген: Коммунистическая партия Швеции, пост ее секретаря, в 1924 году выход из компартии, в 1926 году возвращение в социал-демократическую партию.

Круг замкнулся...

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАМЯТНИКА БРАНТИНГУ

На этой тихой площади, которую обступают старые солидные дома, собирались некогда первые маевки. Отсюда же, с Норра Банторьет, уходили колонны знаменитого рабочего похода, когда пятьдесят тысяч стокгольмцев потребовали от правительства миролюбия во внешней политике, борьбы с нуждой и дорого-

визной внутри страны. Это было в 1914 году. Позднее здесь же рабочий Стокгольм, возбужденный известиями из революционной России и хорошей новостью о бегстве кайзера Вильгельма, демонстрировал, добиваясь всеобщего избирательного права и провозглашения королевской Швеции демократической республикой.

Площадь Норра Банторьет нашли самым подходящим местом для памятника Карлу Яльмару Брантингу.

На барельефе пожилой человек с несколько обвисшими толстыми усами произносит речь. Его внимательно слушают люди в рабочих блузах. Надписи поясняют, что памятник установлен в 1952 году социал-демократической партией в честь своего вождя, который отдал жизнь рабочим Швеции, пробудил силы народа, руководил его борьбой за свободу и справедливость, а в своих произведениях указывал путь в будущее.

Брантинг был лидером шведских социал-демократов почти четыре десятилетия. Он умер в 1925 году, но в известном смысле и по сей день идейно лидирует в партии.

В молодости Брантинг увлекался отчасти астрономией, но главным образом марксизмом. Потом оставил былые увлечения и ревизовал даже собственные ранние речи, отрекаясь от своих «марксистских заблуждений». С годами у него сложилась реформистская теория о том, что капиталистическая Швеция помаленьку, полегоньку, без революции, без острой классовой борьбы вырастет в социализм. Для этого нужны лишь профсоюзы и кооперативы, взаимные уступки и полезные реформы.

Брантинг был первым шведским социал-демократом, избранным в парламент, первым социал-демократическим премьер-министром, многолетним председателем партии, редактором ее газеты и теоретического журнала. К нему сходились все нити. Он знал неудачи и взлеты. Бывало, что его имя вычеркивалось из трети избирательных бюллетеней. Но были и времена, когда Брантинг ходил в «великих старцах» даже у шведских левых лидеров и Цет Хёглунд посвящал ему стихи, а Фредрик Стрём сравнивал его с Густавом Васой, героем шведской истории.

Человек с сильным характером, опытный политик, а временами — гибкий, ловкий политикан, Брантинг умел быстро менять решения. Так, он до последней минуты был противником рабочего похода с той площади, где теперь его увековечили в бронзе. Но в эту последнюю решающую минуту, почувствовав, что может потерять многое, он внезапно встал во главе демонстрантов.

Перед началом забастовки 1909 года, которую Ленин называл одной из величайших стачек своего времени, Брантинг уехал в Германию, выжидая, какой оборот примет события.

Когда Николай II приезжал в Швецию, лидер социал-демократов встретил его гневной речью. Но позднее, как это установлено недавно обнаруженными архивными документами, Брантинг поддерживал связь с русским посланником в Стокгольме Неклюдовым, выполнял политические поручения Антанты.

Став в годы империалистической войны социал-шовинистом, он яростно выступал против интернационалистов. Между Февральской революцией и Октябрем Брантинг ездил к Керенскому. Именно его личные связи с Керенским и натолкнули Пальмшерну на мысль — попытаться использовать Брантинга для заговора против Ленина.

После Октября Брантинг пугал шведских рабочих большевизмом. И он же, верно учтя настроения масс, позднее осудил антисоветскую политику Антанты. Во время голода в Поволжье руководимое им правительство высказалось за помощь голодающим и предпринимало попытки улучшить шведско-советские отношения. В общем лидеру правых социал-демократов нельзя было отказать в политической эластичности.

Как не вспомнить в связи с этим, что даже Пальмшерна, последовательный, яростный противник большевизма, во время событий 1936 года в Испании однажды на заседании международного комитета по невмешательству сочувственно пожал руку советскому представителю Майскому — правда, не открыто, а тихохонько, под столом, так, чтобы никто этого не заметил...

Для нас полностью сохраняют силу ленинские оценки Брантинга и его идейного наследства. Шведские пра-

вые социал-демократы, естественно, придерживаются иных оценок. Они, как это ясно уже из надписи на памятнике, считают Брантинга выдающейся личностью в истории шведского рабочего движения. От своего покойного лидера правые социал-демократы унаследовали реформизм, а также антикоммунизм, который временами ослабевает, временами усиливается, но никогда не исчезает полностью.

С площади, где стоит памятник Брантингу, виден Народный дом. Это превосходное современное здание. Оно построено на месте старого, с затейливыми башенками Народного дома, который шведские социал-демократы в мае 1906 года предоставляли для заседаний IV съезда РСДРП. Большевики яростно спорили тогда с меньшевиками под низкими, освещенными двумя люстрами сводами зала «В», и скрип расшатанных стульев мешал ораторам.

В новом здании — ковры, мягкие кресла с приставками-пюпитрами, чтобы удобнее было записывать, с устройствами, позволяющими слушать речь оратора в синхронном переводе на четыре языка. Не так давно шведские социал-демократы предоставляли Народный дом для заседаний конгресса Социалистического Интернационала.

Шведская социал-демократическая рабочая партия — самая старая и самая большая политическая организация Швеции. Она существует с 1881 года и объединяет около 900 тысяч человек.

Шведские социал-демократы стали правящей партией, имея программу, где все же отразилось усилившееся после Октября стремление рабочих масс к социализму.

Новая программа, принятая в 1944 году, ставила целью партии социалистическое преобразование экономической организации общества и исходила из признания классовой борьбы.

В послевоенной Европе шведские социал-демократы получили возможность в масштабе индустриально-развитой страны, полтора века остававшейся островом мира посреди океана военных бурь, страны с организованным рабочим классом, без спешки, на практике доказывать свою правоту в давних, десятилетиями исчисляемых спорах с критиками справа и слева.

Надо сказать, что новая послевоенная программа Шведской социал-демократической партии не обеспокоила наиболее проникательных деятелей буржуазии ни внутри королевства Швеции, ни за его пределами. Реформистский характер политики социал-демократов определился достаточно давно. Торжественно провозглашаемые программные цели поразительно мельчали в конкретных делах. Было ясно, что социал-демократы могут добиваться некоторых полезных для трудящихся реформ, но не способны расшатать основы капиталистического общества, что они будут управлять при крупном капитале, а не против него.

Обтекаемая «Программа нашего времени», принятая ими в 1960 году, уже не содержала признания принципов классовой борьбы и не покушалась на ликвидацию частной собственности на средства производства. Формула «общество благосостояния» потихоньку вытеснила другие. Удобная такая формула, в которой вроде есть кое-что и от социалистической терминологии, но в которой и капитализму уютненько...

Иллюзия «демократического социализма» в королевстве Швеции возникла, вероятно, под гипнотизирующим влиянием очевидного богатства страны, внешней сглаженности социальных контрастов, высокого уровня жизни.

Но ведь на душу населения некоторых товаров в США приходится больше, чем в Швеции. Однако кому придет в голову говорить об американском «демократическом социализме»?

«Социализированный», то есть национализированный, сектор в Швеции меньше, чем в ФРГ, но кто станет утверждать, что в ФРГ — германский «демократический социализм»?

У Пера Валё, писателя острого и даровитого, в переведенной у нас со шведского книге «Гибель 31-го отдела» один из героев говорит о некоей стране:

«Здесь всех настолько ослепило сознание собственного превосходства, все головы были настолько забиты верой в успех так называемой практической политики (грубо говоря, у нас считали, что нам посчастливилось примирить и чуть ли не соединить марксизм с плутократией), что наши социалисты сами признали социализм излишним... Шаг за шагом партия

отказывалась от всех основных положений своей программы... замалчивала трудности, замалчивала противоречия. Каждую проблему опутывали ложью. Через нее перескакивали путем неуклонного повышения материального уровня, ее обволакивали бездушной болтовней газеты, радио, телевидение».

Не угадывается ли в этой не названной стране кое-какие черты сегодняшней Швеции, не содержится ли в нарисованной автором картине попытки прогноза политической погоды ее завтрашнего дня?

МЕЖДУ ВЫБОРАМИ

Осенью 1966 года на выборах местных органов шведские социал-демократы получили наименьшее почти за четверть века число голосов.

Их политические противники с ликованием называли это катастрофой. Наиболее экспансивные социал-демократы — поражением. Бывалая верхушка партийного руководства — серьезной неудачей.

Что произошло? Почему пошатнулось положение правящей партии, которая как раз незадолго до выборов провела через риксдаг закон о повышении народной пенсии, закон об оплате первых дней болезни — до этого они не оплачивались — и другие реформы, которые, казалось, должны были привлечь сердца и голоса избирателей?

Наверное, нам трудно понять до конца психологию Свена Свенссона. Но одно несомненно: рост цен, квартирной платы и сокращение жилищного строительства при очень расплывчатой программе на будущее, не сулящей значительных перемен, вряд ли могли способствовать популярности кандидатов, выдвинутых социал-демократами. Это ловко использовали три главные буржуазные партии Швеции, которые, объединившись в предвыборной борьбе, увидели реальную возможность наконец-то оттеснить своего политического конкурента.

Их вдохновлял опыт соседей. Началось с Норвегии. Там после парламентских выборов социал-демократы расстались с министерскими портфелями и пересели на скамьи оппозиции. Затем сходная участь постигла

их датских коллег. Катастрофа, поражение, серьезная неудача осени 1966 года — называйте это как хотите, — не сулила ничего хорошего социал-демократам и на решающих парламентских выборах 1968 года.

Однако опытные социал-демократические политики протрубили сбор всех частей. Началась заблаговременная, тщательная и умелая подготовка. Более чем за год до выборов был созван чрезвычайный съезд (впервые за шесть десятилетий!), и тогдашний председатель партии Таге Эрландер заключил его словами:

— Мы полны боевого духа, мы выиграем выборы.

Г-н Эрландер обрисовал предвыборную программу. Нейтралитет, опирающийся на сильную оборону (затраты Швеции на военные нужды к тому времени превысили пять миллиардов крон в год). Политика, обеспечивающая полную занятость (безработных насчитывалось уже несколько десятков тысяч человек). Расширение системы образования для молодежи (высшее образование все еще было мало доступно детям рабочих и мелких фермеров). Отклонение политики концентрации частной власти в экономике (концентрация капитала увеличивалась в стране год от года). Наконец, более широкое жилищное строительство.

Эта программа учитывала, таким образом, некоторые горькие уроки поражения. Более того, ее дополняли обещания усилить влияние государства в экономической жизни страны. Вероятно, мой старый знакомый г-н Хуго Бергквист увидел в этом подтверждение своих худших опасений о «социализации». Но, надо полагать, что в глазах представителей рабочей Швеции такое обещание было все же много привлекательнее, чем выдвигаемая буржуазными партиями программа неограниченного свободного предпринимательства.

Незадолго до выборов г-н Эрландер дал интервью корреспонденту буржуазно-либеральной газеты «Дагенс нюхетер». Оно явно служило целям предвыборной борьбы. В вопросах сквозило желание подковырнуть лидера социал-демократов. Однако речь в интервью шла о действительно больших проблемах «государства благосостояния» — и в этом его интерес. Вот оно почти полностью.

Вопрос: Следует ли ожидать налоговой реформы?

Ответ: Вопрос еще не решен, будет ли проведена

частичная реформа или же полный комплекс ее, поскольку подготовительная работа еще не завершена.

Вопрос: Мы держим мировой рекорд по жилищному строительству. Когда же будет покончено с нехваткой жилищ?

Ответ: Если повышение стоимости жилых домов будет продолжаться в таком же темпе, что и сейчас, и если распределение квартир будет происходить столь же безудержно, как теперь, устранить нехватку жилья будет трудно.

Вопрос: Когда будет установлена сносная квартирная плата в новых домах?

Ответ: В настоящее время она снижается. Впервые за последнее время мы добились снижения расходов в жилищном строительстве. Я думаю, они снизились за 1967 год на 2—3 процента. Судя по имеющимся данным, снижение будет продолжаться.

Вопрос: Как случилось, что социал-демократы затаили дело с введением обязательного страхового пособия по безработице?

Ответ: Нет, это дело мы не затягивали... Когда буржуазные партии капитулировали и присоединились к точке зрения социал-демократов, дело пошло быстрее.

Вопрос: Концентрация власти в экономике, хотя это вы критикуете, возросла за время нахождения социал-демократов в правительстве. Как же так?

Ответ: У нас никогда не было желания идти против естественной концентрации производства, если даже мы знали, что этот процесс сопровождается определенным усилением экономической власти. Но гораздо важнее то, что мы имеем в своих руках такие инструменты, которые позволяют нашему обществу в большей мере, чем предпринимателям, оказывать свое воздействие.

Вопрос: Лицо, владеющее одним миллионом крон, облагается гораздо большим налогом, чем лица, доходы которых составляют двадцать-тридцать миллионов крон, поскольку правительство разрешило им создавать фонды, освобожденные от обложения налогом, и тем самым сохранять контроль над своими предприятиями.

Ответ: Да, это верно. Подобные фонды, освобож-

даемые от налогов, — это проблема. Ею необходимо будет заняться.

Вопрос: Не ведете ли вы, подобно некоторым социал-демократическим деятелям в Дании, своего рода дневник, где делаете для себя нужные записи и пометки?

Ответ: Нет, нет, я мог бы потерять его, и тогда он принес бы большую пользу политикам из оппозиции.

Позднее были еще интервью. В одном из них премьер-министр назвал главной проблемой борьбу с безработицей, но не обещал быстро с ней справиться. Он заверил, что в экономической политике социал-демократы будут продолжать сотрудничество с частными предприятиями, однако, по его словам, государство будет в этом сотрудничестве «более сильной стороной».

Накануне выборов 1968 года многие считали, что программа социал-демократов все же едва ли завоеует симпатии большинства избирателей.

Когда подсчитали голоса, оказалось, что социал-демократы одержали внушительную победу. Выборы обеспечили им большинство в обеих палатах риксдага. По-видимому, была права «Дагенс нюхетер», писавшая, что по традиции за кандидатов социал-демократической партии голосуют двое из каждых трех промышленных рабочих и каждый второй мелкий государственный служащий.

У этих людей был выбор: либо социал-демократы, либо блок буржуазных партий. И большинство предпочло, по выражению одной итальянской журналистки, «администраторов на службе у буржуазного государства» откровенному, без посредников, управлению самой буржуазии.

Мне кажется, что на этот раз успех социал-демократам принесла не столько программа их внутренней политики, сколько некоторые изменения внешнеполитического курса.

Когда Улоф Пальме, тогдашний министр просвещения, восходящая звезда среди молодого поколения социал-демократов, выступил на массовом митинге протеста против американской политики на вьетнамской земле, это вызвало большой шум за океаном и горячее сочувствие у многих шведов.

Пальме произнес речь, Пальме шел в рядах протестующей молодежи... Америка решила демонстративно отозвать из Стокгольма своего посла, видимо, рассчитывая, что шведское правительство «одумается». Но Эрландер заявил, что Пальме выразил точку зрения правительства на войну во Вьетнаме.

Американские газеты писали о захлестывающей Швецию волне неистовой и жгучей ненависти к Америке. Посольство Соединенных Штатов иногда оказывалось в настоящей осаде: в окна летели кирпичи и бутылки, дипломаты скрывались в дверях от града тухлых яиц. Пытаясь разобраться в том, почему это происходит в тихой, благополучной Швеции, один обозреватель пришел к выводу: «Жизнь в этой просвещенной стране скучная. Внутренняя политика с ее нудными дебатами о недостатках жилищного строительства, социальных реформах и налогах вряд ли может увлечь молодежь. А Вьетнам — драматическая и ясная проблема».

Можно, конечно, посмеяться над упрощенностью такого объяснения. Но, по-видимому, верно то, что Вьетнам стал делом совести, гражданственности для думающих, жаждущих действий молодых шведов, тогда как рутинное пережевывание «социальных проблем», после которого многое все равно остается неизменным, не затрагивает их души и сердца.

Когда социал-демократы пообещали передать государству частные аптеки, это взволновало лишь владельцев аптек и дало повод представителям буржуазных партий демагогически и шумно вопить о «социализации» — и только.

Но в год выборов социал-демократическое правительство, учитывая настроение народа, дало политическое убежище американским солдатам, не желающим участвовать в преступной войне. Его лидеры выразили сочувствие гражданам Швеции, демонстрирующим против американской политики во Вьетнаме. Правительство придерживалось политики, которая позднее, уже в 1969 году, привела к дипломатическому признанию Швецией Демократической Республики Вьетнам.

Право же, все это имело не малое значение в тот день, когда шведы шли к избирательным урнам!

Однажды осенью 1966 года я договорился о встрече в Рабочей коммуне Стокгольма — так несколько претенциозно называется правление столичной организации социал-демократов.

Мы с переводчиком толкались в вестибюле великолепного Народного дома, но никто здесь не мог указать нам г-на Рольфа Теорина. Опаздывая и нервничая, мы склонялись к тому, что на этот раз хваленая шведская организованность дала осечку. Но тут переводчик еще раз взглянул на бумажку с адресом: нам же надо не сюда, а в соседнее здание!

Там какой-то знающий старик показал подъезд во дворе жилого дома. Табличка на третьем этаже подтверждала, что Рабочая коммуна Стокгольма находится именно здесь.

Две минуты спустя мы сидели в маленькой комнате с телевизором в углу, и Рольф Теорин, один из секретарей правления, пододвигая гостям кофейник и корзинку с печеньем, рассказывал, что обычно здесь работники коммуны смотрят актуальные телепередачи.

Договариваясь о встрече, я предупредил, что готов оставить в стороне общие политические проблемы: о них достаточно подробно пишут газеты, нет недостатка и в заявлениях руководящих деятелей социал-демократической партии. Мне просто хотелось познакомиться с кем-либо из работников правления, а также с рядовыми активистами партии.

Я просил помочь мне составить хотя бы самое поверхностное представление об организации, где сосредоточен наиболее многочисленный актив правящей партии, организации, политическим шефом которой считают видного социал-демократа, министра иностранных дел Торстена Нильссона. Ну вот, для начала: сколько секретарей работают здесь?

Секретарей шестеро. Первый секретарь и пять просто секретарей, каждый из которых имеет свои обязанности. Самому старшему из них, ветерану рабочего движения, 60 лет, самому молодому — 32 года. А первому секретарю 38 лет. Кроме секретарей, в пятнадцати комнатах Рабочей коммуны Стокгольма есть еще около двух десятков сотрудников.

По шведскому обычаю обращаюсь к собеседнику в третьем лице: «Не мог бы мне сказать господин секретарь рабочей коммуны?» Но как сами члены социал-демократической партии обращаются друг к другу? Товарищ такой-то?

Нет, слово «товарищ» не принято. Все члены партии говорят друг другу «ты». Это, впрочем, вообще очень распространенная форма. В шведском обиходе либо «ты», либо формальное обращение к третьему лицу с упоминанием должности и фамилии. Иногда члены партии называют друг друга просто по имени. На торжественном собрании к премьер-министру и лидеру партии обращаются: «Ты, Таге, насколько я понял, хотел сказать...» То обстоятельство, что Таге Эрландеру за шестьдесят, а оратору — тридцать, не должно играть роли.

Прошу Рольфа Теорина рассказать немного о себе. Он удивленно поднимает брови. Впрочем, если это кому-либо интересно, пожалуйста.

Ему 36 лет. После окончания школы работал на железнодорожной станции, потом стал контролером в пригородных поездах, смазчиком автомобилей на заправочной станции. Заболел, почти три года проболтался по больницам и санаториям.

К социал-демократической партии пришел через «молодых орлов» и Союз молодежи.

Но что такое «молодые орлы»? Похожи на скаутов?

— Нет, нет, — энергично возражает Теорин. — У скаутов — религиозное воспитание и военизированная организация. Идеологическая основа «молодых орлов» — в традициях рабочего движения. Надо с детства подготавливать молодежь к пониманию того, как устроено общество, что такое профсоюзы, международная солидарность. «Молодые орлы» изучают — конечно, с учетом возраста — проблемы Африки и Азии. У них есть летние лагеря вроде ваших пионерских.

Так вот, Рольф Теорин начинал в «молодых орлах», потом перешел в активисты молодежного центра. Вскоре стал членом районного комитета Союза социал-демократической молодежи в юго-западной части Швеции. После окончания краткосрочных курсов его направили в социал-демократическую организацию студентов в Упсале. Затем он получил назначение на

более высокие посты в Вестерботтен и Южную Лапландию.

Союз шведской социал-демократической молодежи, по словам Теорина, независим от партии, но активно сотрудничает с ней и с профсоюзами. У этой организации свыше шестидесяти тысяч членов. В каждом районе есть свой комитет из пяти человек. Он организует различные курсы, митинги и дискуссии. Естественно, что молодежь настроена более радикально, чем старшие представители социал-демократического движения. Молодежь нетерпелива, кое-кому из молодых кажется, что следует все же национализировать некоторые отрасли промышленности.

После Вестерботтена Рольф Теорин работал на юге, в Мальмё, а затем его перевели в Стокгольм. Здесь его и выбрали на нынешний пост. В социал-демократическую партию он вступил, когда ему было 24 года.

Я завожу разговор о партийных традициях: ведь партия существует девятый десяток лет. Но Рольфу Теорину кажется, что традиции не очень устойчивы. Впрочем, вот одна из незабываемых традиций — празднование Первого мая.

Все бывает очень торжественно. Демонстранты собираются у памятника Брантингу или в парке Хюмлегорден. Поют «Интернационал» и песню «Сыны рабочих», нечто вроде гимна шведских социал-демократов. Иногда кто-нибудь произносит короткую речь. Затем начинается шествие. Бывает, что в демонстрации участвует до десяти-двенадцати тысяч человек. Демонстранты несут красные флаги, портреты Маркса, Энгельса, Бебеля, плакаты с требованиями снижения цен. Последние годы появились плакаты, обращенные к американцам: «Умерьте свой темперамент во Вьетнаме». Шествие включает колонна грузовиков. На скамейках, поставленных в кузовах, сидят в праздничных костюмах старики и старушки с большими красными бантами. Многие прохожие аплодируют им. Это ветераны, старая гвардия шведского рабочего движения.

К традициям следует отнести также коллективное членство в партии. Можно, конечно, вступить и индивидуально, получить розовую картонную карточку, куда наклеиваются марки членских взносов. Но чаще

бывает так: члены какого-либо профсоюза собираются вместе, им разъясняют задачи партии. После этого ставится на голосование вопрос: хотят или не хотят они вступить в партию? Решение принимается большинством голосов. Однако тот, кто не хочет подчиниться большинству, может вычеркнуть свое имя из списка присутствовавших на собрании.

— Конечно, традиции — хорошая вещь, но важнее смотреть вперед, искать пути решения новых, внезапно возникающих проблем, — говорит мой собеседник. — Вот, например, маленькая проблема: через пять минут я должен встретиться с одним членом партии по важному делу. Я не предполагал, что наша беседа так затянется...

— Мне остается только поблагодарить господина секретаря и немедленно откланяться, поскольку альтернативы, по-видимому, нет...

Позднее я узнал: примерно год спустя после нашей встречи Рольф Теорин вошел в состав Центрального правления партии.

ЛЕННАРТ ЮХАНСОН, СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ

Леннарту Юхансону 43 года. У него открытое лицо, пытливые глаза. Одет он не по моде, галстук повязан старательно, но неумело. Руки, загрубевшие от многих лет работы, все время в движении, что-то переставляют, ища себе занятия.

Леннарт рекомендован мне Теорином как рядовой член социал-демократической партии.

— Да, я не принадлежу к руководству, — подтверждает он.

Но все же едва ли можно назвать Леннарта совершенно рядовым членом партии. Правильнее сказать, что он принадлежит к партийным активистам. Это у него наследственное: отец, с юных лет работавший на железной дороге, последние годы был членом Рабочей коммуны в Худиксвалле.

Сын начал с «молодых орлов», потом пошел служить на флот, а вернувшись с военной службы, стал строительным рабочим. Пожалуй, у него склонность скорее к профсоюзной работе, нежели к партийной.

Профсоюзная ему больше по сердцу. Последние десять лет Леннарт состоит в профсоюзе сантехников. Его специальность — монтаж отопления. Но теперь сам он ничего не монтирует. Он нормировщик при правлении профсоюза.

— Конечно, каждый рабочий заинтересован в том, чтобы побольше сделать и побольше получить. Но заказчик-то блюдет свой интерес. А лист оплаты — сложная штука, тут можно кое-что подстроить. Вот мы и следим, чтобы рабочий получил сполна все, что ему следует.

— Мы?

— Мы. При правлении профсоюза тринадцать нормировщиков. Все со стажем, с опытом, нас не проведешь. В нормировщики возьмут не каждого. Сначала докажи активность в профсоюзе. Знание дела — это понятно. Но главное — рабочий должен тебе верить. Уж если ты сказал, что все правильно, значит, так оно и есть.

Леннарт не хвастает, он просто гордится своим делом. Он не из болтунов, язык у него подвешен «не очень». Но, закончив трудовой день, Леннарт знает, что провел его с пользой для товарищей по труду. Это только невежде может показаться, что нормировщик работает меньше рядового водопроводчика. Нет, поползай-ка целый день возле труб да узлов! И ведь все надо обмерить, сделать все расчеты, определить площадь обогрева, а потом просмотреть, пересчитать все в листах оплаты.

Качество? Нет, нормировщики этим не занимаются. За этим смотрит заказчик. И потом, если качество будет скверным, никто не станет приглашать такого работника. Качество может быть только хорошим, это само собой разумеется. Профсоюз никогда не будет заступаться за рабочего, допустившего небрежность.

— Часто ли у вас конфликты с заказчиками?

— Часты ли? Да каждый день. Дня не проходит, чтобы со всеми листами все было в порядке. Но мы на это и существуем, чтобы защищать рабочих от работодателя.

— И что же работодатели? Соглашаются с вами?

— Черта с два! Спорят! Да еще как! Но победа обычно остается за нами. Мы свое дело знаем. Рабо-

чие верят нам. Если у рабочих не будет к нам полного доверия, я для своего дела не гожусь.

— А вам оно нравится?

— Пока ты молод, пока у тебя силы, ты много работаешь, и у тебя водятся денежки. Но надо ведь смотреть и в будущее. С годами работать на монтаже все труднее. Силы уже не те. Теперь рабочий занят меньше часов, но зато уж в эти часы он отдает все. И я почувствовал, что на монтаже долго не протяну.

Леннарт считает, что в последние годы у шведов много возможностей очень прилично заработать. Но, если быть справедливым, хорошие условия не везде. Например, на севере страны много труднее. Правительство должно бы помочь развить там промышленность, чтобы занять рабочие руки. Безработица на севере куда сильнее, чем на юге. Приходят много парней из деревни, бросают фермы, не выдерживают борьбы с крупными хозяйствами.

— И как же эти парни?

— По-разному. Но в общем им трудно. Молодым вообще-то нравится жизнь в городе, они быстро забывают деревню. Но нравится — это одно, а научиться работать на заводе — это совсем другое, верно? На хуторе он был сам себе хозяином, а здесь все его подгоняют. Там он знал дело, а здесь все надо начинать сначала. Я заметил, что южане привыкают к заводу быстрее. А парня из Норботтена тянет в леса, он дичится людей. Это все я говорю о молодых. А вот кому действительно тяжело, так это тем, у кого седина. И руки и голова уже не те. На заводе совсем другой ритм, а менять привычки трудно. Самое же главное — тоска по земле, по хутору, по коровам. Тоска и одиночество. Многие старики не уходят вместе с молодыми в город и доживают век в опустевших домах.

— Кто же занимается с парнями из деревни?

— Все и никто, если правду говорить. Ну, вывешивают в профсоюзе объявление: «Приходите, сконцы, сегодня будут ваши блюда и ваши танцы». Или: «Кто из Даларны, сегодня приглашается сердечно». Ведь новичок робеет иногда даже из-за своего происхождения. Вы знаете, наверно, что если свести сконца, даларнца, готландца и еще парней из разных провинций, то им не так уж легко будет понять друг друга:

по деревням сохранились еще прежние говоры. Вот профсоюз и собирает сегодня одних, завтра других. Они уже не чувствуют себя такими одинокими. Ну, а наши активисты подходят к тому, к другому, предлагают вступить в профсоюз. Те видят пользу уже от того, что профсоюз собрал их всех вместе.

А как Леннарт относится к нашей стране?

— Материала о Советском Союзе довольно много, но читать некогда, — сдержанно отвечает он.

После окончания беседы мы вместе выходим на улицу. Леннарт спрашивает, в какую мне сторону. Получается, что нам по пути. Блокнот спрятан в карман, и теперь Леннарт расспрашивает меня. Нет, как видно, он все же погрешил, сказав, что за недосугом не читает о нашей стране. Читает, наверняка читает! И знает довольно много.

Основные знания, по-видимому, верны. Но, судя по его вопросам, в представлениях Леннарта о наших буднях, о нашей работе, о нашем быте какой-то странный перекося.

Да, он знает, что в Советском Союзе есть прекрасные санатории для рабочих. Но правда ли, что туда могут поехать только коммунисты или те рабочие, которые занимают видный пост в профсоюзе? Вот, скажем, он, Леннарт, мог бы поехать в Сочи? Или даже не он, а один из его подопечных, рабочий-сантехник? Беспартийный сантехник?

Хорошо, а если он, Леннарт, приедет в Москву и познакомится с каким-нибудь коллегой, может тот пригласить его домой? Да, да, шведы знают, что с квартирами в Советском Союзе еще не очень хорошо, многие стесняются приглашать к себе иностранцев по этой причине. Но если у его советского коллеги новая хорошая квартира, не будет каких-либо иных препятствий для того, чтобы пригласить домой шведа?

И так далее, в таком же духе, вопрос за вопросом...

У меня сложилось впечатление, что Леннарт был далек от мысли как-то и в чем-то подковырнуть меня. Он хотел знать, насколько соответствует действительности то, что он читает и что слышит в социал-демократической среде.

Я отвечал ему с полнейшей откровенностью, и, не буду скрывать, кое-какие ответы разочаровали его.

У нас, например, все же довольно разные представления о социализме, и я еще раз подтвердил это. Но не знаю, как у него, а у меня было ощущение, что если бы мы встретились во второй, в третий раз, то, наверное, развеялись бы многие предвзятые представления.

ЕЩЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ

Вскоре после встречи в Рабочей коммуне Стокгольма я познакомился с членом социал-демократической партии, не принадлежащим к ее руководящему ядру, но занимающим высокий пост в управлении по социальным делам. Это был высокооплачиваемый чиновник, выходец из старинной аристократической семьи, ученый, увлекающийся проблемами социологии. Я пришел к нему с вопросами, относящимися к планировке Большого Стокгольма.

В русло проблем социал-демократического движения разговор повернул в общем случайно. Обращаясь к своему собеседнику в третьем лице: «Не мог бы господин советник сказать мне...», — я вспомнил встречу в Рабочей коммуне и без большой связи с предыдущим заметил, что у шведов две крайности — либо фамильярность, либо формальность. Ну, вот, например, г-н советник обращается ко мне не просто на «вы», а говорит: «господин советский писатель». Привратник же Народного дома может сказать своему товарищу по партии Эрландеру: «Здравствуй, Tage!»

Г-н советник внимательно посмотрел на меня и сказал, что ему это удивительно слышать. Да, сейчас вообще гораздо чаще говорят друг другу «ты». Он готов подтвердить, что это старый партийный обычай, но распространенный либо среди близких товарищей по работе, либо при публичных выступлениях.

Лично он не представляет себе привратника, фамильярничающего с премьером. Пропасть между рабочими и высшими чиновниками была всегда достаточно глубокой. Вероятнее всего, что в ответ на почтительное приветствие привратника: «Доброе утро, господин премьер-министр», — Эрландер отвечает: «Доброе утро, господин привратник Карлссон». У Эрландера прекрасная память, он многих знает в лицо, но

никогда не употребит «ты» при обращении к тем, кто стоит ниже его на общественной лестнице.

Вот с этого наш разговор и принял новое направление. Мой собеседник оговорился, что не считает себя достаточно компетентным в партийных делах, а излагать будет только свое личное мнение. Поэтому если его мысли будут использованы для печати, то пусть они исходят... ну, хотя бы от некоего г-на Блюмквиста. (Оговорюсь: большинство людей названы в книге подлинными именами, и лишь в редких случаях они изменены по просьбе моих собеседников.)

— Если посмотреть на Швецию в момент зарождения социал-демократической партии, — начал г-н Блюмквист, — то мы увидим страну резких классовых различий и противоречий. Создатели партии вышли из рабочего класса. Но уже тогда к ним примкнули выходцы из буржуазных семей, образованные и прогрессивно настроенные люди, занявшие вскоре видное место в руководстве. Таким был и сам Яльмар Брантинг.

Сегодня в социал-демократическом правительстве можно видеть группу «академиков», получивших прекрасное разностороннее образование, а также группу людей, выдвинувшихся снизу, из профсоюзов или из коммунальных органов власти. Некоторые руководители при случае ссылаются на Маркса, но без большого почтения и энтузиазма. Другие причисляют к своим учителям лорда Кейнса или американского профессора Гэлбрейта. Никто не намерен скрывать, что социал-демократическое правительство не ведет сегодня свою политику в духе марксизма. Его политика прагматична и основывается на вере в сотрудничество и солидарность всех групп населения.

С тех пор как была основана социал-демократическая партия, положение в стране сильно изменилось. Изменилась классовая структура общества. Теперь нет острых различий между группами. Произошло выравнивание доходов, условий жизни, выравнивание в одежде, жилищах.

— Но я не хочу утверждать, — добавил г-н Блюмквист, — что классовые различия у нас исчезли. В нашем, марксистском понимании Швеция по-прежнему страна с классовыми различиями.

— С классовыми противоречиями?

— С классовыми различиями,— повторил г-н Блюмквист. — Мы надеемся, что эти различия будут постепенно стираться. В маленьких местечках разница в труде и положении рабочих и чиновников бросается в глаза, тогда как в больших городах она почти не заметна. В нашем управлении есть отдел счетно-вычислительных машин. К какой группе вы отнесете людей, обслуживающих эти машины? Иногда разница между рабочим и чиновником лишь в том, что первый вешает бирку.

— А разница между рабочим и предпринимателем? — осведомился я.

— Гм! Она тоже стирается. Коммунисты думают иначе, но это их дело. Нам вообще нелегко найти общий язык с коммунистами. Однако даже они признают, что при социал-демократическом правительстве были осуществлены многие полезные реформы. В наш актив записаны бесспорные социальные завоевания. И вам должно быть известно, что рабочие или выходцы из рабочих составляют большинство членов нашей партии. Однако, принадлежность к группе рабочих еще не определяет марксистского мышления, как думают некоторые. Среди шведских рабочих распространены традиционные взгляды социал-демократии на общественное устройство и его совершенствование путем прогрессивных реформ.

Спокойная, плавная речь моего собеседника несколько напоминала популярную лекцию.

— А партийные обязанности господина советника? — спросил я.

Оказывается, г-н Блюмквист — член собрания уполномоченных в городе-спутнике, где он живет. Два города-спутника, входящие в Большой Стокгольм, образовали ассоциацию помощи инвалидам и хроническим алкоголикам. Г-н Блюмквист — член правления этой ассоциации, и он рад сообщить, что при поддержке государства в их городе скоро будет открыт пункт, где инвалиды и алкоголики смогут получать консультацию и помощь.

Кроме того, г-на Блюмквиста время от времени привлекает в качестве эксперта правление коммуны города-спутника.

— В составе правления есть рабочие?

— Конечно! — восклицает г-н советник. — Разумеется!

— Сколько же именно?

Г-н советник припоминает, записывая фамилии на бумажке. В правлении двадцать человек. Ну, если считать только тех, кто и сегодня трудится непосредственно у станка, то в составе правления один рабочий. Но к рабочим вполне можно отнести мастера цеха и церковного сторожа. Кроме того, есть одна женщина, муж которой работает в порту на складе. Однако среди чиновников из профсоюза, составляющих большинство правления, несомненно, есть люди, которые в прошлом были рабочими.

— Не мог бы я узнать мнение г-на советника о том, в каком направлении будет развиваться Швеция?

Г-н советник думает, что в семидесятые годы едва ли можно ожидать значительного прироста населения. Оно, видимо, будет расти теми же медленными темпами, что и сейчас. Следовательно, в массе населения увеличится процент стариков. Можно предполагать, что рабочая неделя сократится до сорока часов. Увеличится число работающих женщин. Что касается национального продукта, то едва ли он будет расти сколько-нибудь быстро. Конечно, если осуществить обширную структурную реорганизацию экономики за счет механизации и автоматизации, то можно надеяться на значительное увеличение производительности, на более высокую эффективность вложений капитала на единицу труда.

Г-н советник замолк. Обзор перспектив был закончен...

* * *

Поздней осенью 1969 года состоялся очередной съезд социал-демократической партии. Он не принял решений, сулящих какие-либо коренные перемены во внутренней жизни Швеции.

На этом съезде многолетний председатель партии Таге Эрландер подал в отставку: он уходил на пенсию. Его место в партии и на посту премьер-министра занял Улоф Пальме. На первой же пресс-конференции Паль-

ме заявил, что намерен продолжать линию своего предшественника.

...В конце прошлого века шведские социал-демократы говорили о полном преобразовании буржуазного общества, об освобождении рабочего класса для развития его духовной и материальной культуры, о постепенном превращении в общественную собственность транспорта, леса, земли, рудников, фабрик, машин.

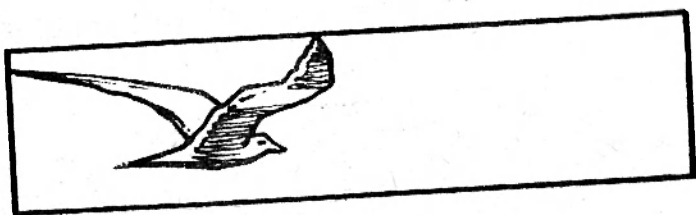
В 1917 году социал-демократические министры вошли в правительство Швеции. Три года спустя Брантинг сформировал первый социал-демократический кабинет. С 1932 года социал-демократы стали правящей партией.

Прошли десятилетия — и что же? Да, в Швеции осуществлены реформы, которые улучшили условия жизни и расширили права трудящихся. Но эти реформы не только не расшатали, а даже не затронули основ капиталистического строя.

Капитализм в Швеции процветает, монополии всевластны, социал-демократы во многом бессильны. Они управляют при капитале, а не против него. Их социальные мечты бескрылы. Их планы на будущее либерально-благонамеренны. Подлинные хозяева страны поняли, что современные правые социал-демократы и не хотят иного общественного строя, кроме чуточку улучшенного капитализма.

История доказала, таким образом, бесплодность реформистского пути в преобразовании общества и на примере Швеции, где социал-демократы оказались в таких благоприятных условиях, какие вряд ли имели их политические единомышленники где-либо.

Коммунисты, как известно, в интересах единства рабочего класса высказываются за сотрудничество с социалистами и социал-демократами, чтобы установить передовой демократический строй сегодня и построить социалистическое общество в будущем. Но для продвижения вперед по этому пути необходимо, чтобы социал-демократы решительно порвали с политикой классового сотрудничества с буржуазией и эффективно боролись бы за мир, демократию и социализм.

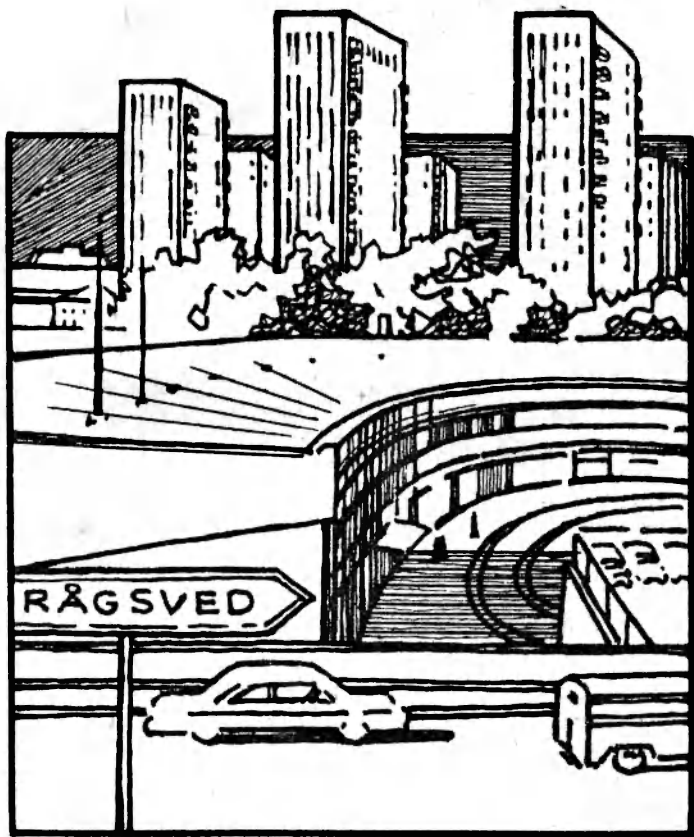

РЕПОРТАЖ ИЗ «СПАЛЬНОГО ГОРОДА»

ТИПИЧНО ЛИ?

Мы спустились с шоссе в лесок, потом, вспугивая лягушек, по скользкой тропинке пересекли болотце. Лесок был невытоптанным, тропинка малохоженой. Недавно прошумел теплый дождь, и наши следы были единственными.

— Шведы не любят гулять просто так, — сказала

Ирина. — Встречаю тут иногда старичка, очень вежливого, еще издали приподнимает шляпу. И больше никого.

Мы выкарабкались из болотца на поросший осинником склон, поднялись выше.

— Вот и граница. Большой Стокгольм кончился. Мы в провинции.

С вершины холма была видна бойкая автомобильная дорога на Худдинге, описывающая дугу среди темных лесов. Если бы не она, то вообще могло показаться, что тут изрядная глушь, не очень-то тронутая цивилизацией.

Мы не спеша пошли вдоль «границы» и уткнулись в забор. Ферма была основательно запущенной, явно не типичной для страны пронумерованных дорог, хорошо подстриженных газонов и расчетливо-трезвых хозяйских умов. На калитке висела табличка. Ирина рассмеялась.

— «Осторожно, злая собака»! Здесь живут с керосином. Нет, нет, вокруг у всех электричество. А старик не хочет. Не желает никаких новшеств. Мирится только с телефоном, да и то потому, что его поставили на ферме еще до первой войны.

Старик в подтяжках неторопливо перекапывал грядку возле облупившегося, старого дома. Ирина окликнула его, приветственно подняла руку. Старик оглянулся, равнодушно кивнул.

— Недавно к нему приезжали две дамы из Общества покровительства животным. Их обеспокоили условия жизни «злой собаки». Пес содержится на улице, на цепи, это вызывает в нем отрицательные эмоции, озлобление.

Если бы я был в Швеции впервые, то, наверно, спросил бы: как, мол, это так, разве не естественнее было заинтересоваться самим чудаковатым одиноким стариком, коротающим вечера у керосиновой лампы? Но в Швеции я третий раз. Старик сам выбирал образ жизни, не так ли? Не следует вмешиваться в его дела, даже если это вмешательство вызвано сочувствием или иными самыми добрыми намерениями. Он сам по себе, все другие — сами по себе.

Одиночество? Пусть продаст ферму, поблизости, в Рогсведе, есть дом для престарелых...

В чужих странах мы обычно гоним по главным дорогам. Гость Швеции непременно вычерчивает треугольник, в вершинах которого Стокгольм, Гётеборг, Мальмё. По сторонам и внутри этого треугольника — все главные шведские красоты: распаханные равнины юга с картинными ветряными мельницами и замками вельмож, синие холодные озера Средней Швеции, сосновые леса, стайки яхт в шхерах, средневековые соборы, сглаженные великими ледниками гранитные холмы, морские гавани. Пронесешься напролет через все это шведское благолепие — и, глядишь, уже накрыт стол для прощального ужина, горят свечи. А там аэропорт Арланда под Стокгольмом или причал морского парома неподалеку от Мальмё — прощай, милая Швеция!

Давно уже хотелось мне побывать не то что в географически отдаленных ее углах, не в провинциальном захолустье, а просто в каком-нибудь маленьком городке, причем не старом, не музейном, а вполне современном, может быть, даже архисовременном, но непременно маленьком, легко обозримом, со своим интимным мирком, со своими чудаками и энтузиастами, со своим укладом.

Вот теперь я и выбрал Рогсвед, не обозначенный на картах туристской Швеции. Выбору помогла молодая преподавательница-славистка, предпочитающая, кстати, чтобы ее называли на русский лад Ириной. Она согласилась помочь мне ближе узнать ее Рогсвед.

Но достаточно ли он типичен, характерен? Что он такое, Рогсвед, в масштабах страны или хотя бы Большого Стокгольма? Что он такое, этот «спальный город»: воплощение новых градостроительных идей, удавшийся социальный эксперимент или след вчерашних увлечений, о которых не очень охотно вспоминают сегодня?

Вскоре, однако, я убедился, что мне никак не удастся самоизолироваться в Рогсведе, что трудно — да и едва ли правильно — рассматривать его обособленно. Рогсвед, как говорится, можно было лишь «взять за основу». Часть проблем, общих для маленьких городов, отчетливее, рельефнее очерчивалась в других спутниках системы Большого Стокгольма. И видимо, только в столичных компетентных организациях ино-

странец, недостаточно знающий жизнь страны, может услышать квалифицированное толкование некоторых заинтересовавших его явлений — толкование, отражающее господствующие в этой стране взгляды.

Таким образом, мне пришлось сверять Рогсвед по другим маленьким городкам и гораздо чаще, чем я думал сначала, по необходимости делить время между «спальным городом» и центром шведской столицы.

Лишь оказавшись в Техническом управлении, которое занимается сносом, строительством и транспортом в черте Большого Стокгольма, я вижу, наконец, весь его сложный комплекс как бы с заоблачных высот. Схема чрезвычайно наглядна. Г-жа Биргит Мальмстром скользит по ней указкой.

Известно ли господину из Советского Союза, когда именно городское управление начало скупать у частных владельцев дальние земли в расчете на то, что Стокгольм, который в начале века рос весьма медленно, станет все же рано или поздно большим городом? Что с тех пор город непрерывно приумножал свои земельные владения и это позволило Совету генерального плана избежать хаоса в застройке и перестройке?

— Когда сегодня надо ломать, чтобы завтра строить, поздно уговаривать владельца сбросить цену. Тут можно сесть на клей из-за упрямства какого-нибудь господина, который желал бы получить полмиллиона крон за снос своей табачной лавки.

«Сесть на клей» — идиома типа нашей «сесть в лужу».

Я подтверждаю, что уже слышан о дальновидной предусмотрительности стокгольмских отцов города. Воздав должное этой предусмотрительности, добавляю, что у нас выпущена книга, специально посвященная градостроительному опыту Скандинавских стран.

Г-жа Мальмстром сама не видела эту книгу, но слышала о ее существовании. Она считает, что нам надо лучше знать опыт друг друга. Когда делегация муниципального совета Стокгольма ездила в Москву, г-н Андерссон, председатель Совета городских уполномоченных, с большой похвалой отзывался о советских заводах, выпускающих готовые строительные детали. Он отнес эти заводы к числу лучших в Европе.

Он говорил также, что узнал много интересного о решении проблем транспорта в гигантской Москве.

Затем г-жа Мальмстром переходит к Большому Стокгольму.

По идее, рожденной в сороковые годы, его каркасом должны были стать шоссе и радиальные линии метро, которые за пределами собственно города выходят на поверхность. Предельная длина каждой — двадцать километров. При большей протяженности неизбежна сильная перегрузка в часы «пик». То, что строится дальше двадцати километров, должно находиться в сфере притяжения самостоятельных новых крупных городов.

— Сначала многим казалась идеальной застройка по очень свободной системе «дом в парке» или «дом в лесу». Так возникла идея небольших «спальных городов», тихих и удобных, куда люди приезжают после работы. И мы стали строить такие города. Но застройка очень расплылась. Возникли также некоторые психологические и социальные проблемы. По-видимому, более удачной оказалась система крупных городов-спутников. Вы бывали в Веллингбю? В Фарште?

Я сказал, что впервые видел Веллингбю свыше десяти лет назад, недавно был там вторично, а позавчера друзья показывали мне великолепный торговый центр в Фарште.

— Вот, вот, — закивала г-жа Мальмстром. — Именно торговый центр. Все начинается с линии метро и торгового центра. Сейчас в Веллингбю двадцать пять тысяч жителей, но его торговый центр рассчитан еще и на обитателей по крайней мере десяти ближайших маленьких спутников. Торговый центр Фаршты может обслужить сто тысяч покупателей.

Указка г-жи Мальмстром скользнула к нижней рамке схемы:

— Теперь о Рогсведе, которым вы, кажется, интересуетесь особо.

Через минуту я записывал: Рогсвед начал строиться в 1955 году, четыре года спустя там открыли торговый центр, рассчитанный на четырнадцать тысяч жителей. Большая часть зданий городка принадлежит акционерному обществу «Стокгольмский дом». Торговый центр Рогсведа признан не очень удачным: он рас-

положен в низине, плохо виден с шоссе, не зовет, не притягивает, не волнует и, следовательно, не типичен.

Кроме того, по мнению г-жи Мальмстром, в Рогсведе слишком много высоких домов. Сейчас заметна тяга к умеренной этажности. Архитекторы и строители ломают голову над тем, как совместить приятную для жизни малоэтажность с достаточной экономичностью. Те, у кого дети, предпочитают трехэтажные дома, где квартиры обычно на две стороны: из окон видно, чем занимаются ребята, легко прийти на помощь своему чаду и не нужно опасаться неприятностей с лифтом.

— Признано, что лучше, когда в одном подъезде не очень много детей, — сказала г-жа Мальмстром. — Но сейчас из-за жилищного кризиса хватают все, что подвернется, не думают ни об этажах, ни о детях...

Итак, Рогсвед не лучший и не худший среди «спальных городов». В нем, так сказать, наряду с несомненными градостроительными достижениями имеются и отдельные недостатки. Одним словом, средний «спальный город».

РОГСВЕД С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА...

Рогсвед находится в конце одной из южных ветвей метрополитена: четырнадцатая станция от центра столицы. Билет надо покупать не городской, а пригородный, более дорогой.

До Рогсведа около получаса езды.

Новые пригороды Стокгольма застроены так, будто дома — разновидность живого мира. Они как бы прорастают из земли рядом с корабельными могучими соснами, пускают железобетонные корни фундаментом в гранитную твердь и, не разрушая, не выравнивая скал, становятся их продолжением. Вот сосна прильнула к стене семиэтажного дома, просунула ветви на балкон. Когда строили дом, ее оберегали, защищали — и она, благодарная, украшает теперь бетонную коробку.

И Рогсвед — я впервые увидел его в ясный теплый денек — тоже забрался на гранит по обе стороны м:

ленькой станции, похожей на дачные платформы: длинный перрон и небольшой навес.

С первого взгляда «спальный город» напоминал крупный пансионат, для которого удачно выбрали здоровую местность с живописными скалами и сосновым лесом. К домам-башням, поднятым слева от станции, вела дорожка, сменившаяся маршами пологой лестницы. А рядом еще одна странная лестница: посередине ступеньки, по бокам — две узкие полоски асфальта. По ней навстречу мне спускалась молодая мама с коляской. Каблучки стучали по ступенькам, колеса легко катились по асфальтовым полоскам.

После я узнал, что социал-демократы при выборах потеряли в Рогсведе значительную часть голосов потому, что их представитель, занимающий высокий пост в городском самоуправлении, счел было устройство этой лестницы излишней роскошью.

Прежде чем позвонить в квартиру Ирины, я прошелся по Рогсведу. Кроме башен, тут были невысокие длинные дома самой простой архитектуры, какую только можно себе представить. Если бы не скалы, если бы не сосны... Да еще, пожалуй, разноцветные балконы...

Строго говоря, в Рогсведе не было городских улиц в нашем понимании. Здесь залиты асфальтом лишь подъезды к домам и площадки для стоянки автомобилей. Всюду висели стандартные, изготовленные фабричным способом, предупреждающие таблички, три одна под другой:

«Не живущим здесь не въезжать!»

«Это относится также к мотоциклам!»

«Здесь территория этого дома!»

Рогсвед ограждал себя от вторжения посторонних. От гари моторов. От визга тормозов. От моторизованной Швеции, которую не пускали сюда с широкого носсе, проложенного рядом с линией электрички.

Меня умилил желтый металлический подсолнух, зачехлительно-яркий, солнечный. Он поднимался над детской площадкой, у входа на которую было написано: «Добро пожаловать всем детям до 15 лет».

Какими чистыми, приятными красками расписан руглый загончик для самых маленьких, как изобретательно сделаны кукольные домики! И уж совсем сраили меня трубы, обыкновенные бетонные трубы боль-

шого диаметра. Казалось, их случайно оставили на песке. Ан нет, вовсе не случайно! Они почищены, окрашены изнутри, чтобы ребята не пачкали одежду. Пусть себе ползают на здоровье по таинственным пещерам!

Ветер шумел в соснах возле белых домов-башен. Пели птицы. Прогрохотала электричка, несколько человек поднялись с перрона по лестнице — и снова тишина.

...И ТРИ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

Прошло три недели после первого моего знакомства с Рогсведом, и я тут почти как дома. Сегодня решено обойти окрестные холмы и рощи.

Мы с Ириной поднялись на горку слишком уж правильной формы, чтобы заподозрить в ней творение природы. Действительно, ее насыпали из всяческих отходов, когда строили Рогсвед и соседний Хёгдален. Теперь это отрада местных горнолыжников.

С вершины было видно почти что Подмоскovie: лесные дали с вкраплениями поселков, заводских корпусов, дорог, мачт высоковольтных передач. Над лесом поднимались светлые прямоугольники башен Рогсведа, расставленные свободно, довольно далеко друг от друга.

Спустившись с горки, мы побрели вдоль «земли для нервных». Это что-то вроде наших садовых участков только фруктовые деревья сажать не обязательно. Хочешь — разводи огородик, хочешь — лелей гладиолусы. Может, тут не только нервы, но и тоска по земле вчерашних крестьян, втиснутых в каменные башни?

— Врачи прописывают нервным еще собаку, — расмеялась Ирина. — Да, да! Хочешь не хочешь — прогуливайся с ней, притом не один раз в день.

Должно быть, час собачьих прогулок еще не прошел, на тропинках у окраины Рогсведа по-прежнему пусто, и по-прежнему машины несутся из Стокгольма и в Стокгольм по широкой автомобильной дороге в Худдинге.

Возвращаясь, мы проходим мимо лавки Све Францена, мимо парикмахерской Рачи. На пригор

школа. Торговый центр отсюда не виден, г-жа Мальмстром права, его серое подковообразное здание слишком упрятано в низину. Там два порядочных магазина и около двух десятков лавочек, где товары чуточку дороже, чем в Стокгольме, — ровно настолько, чтобы хозяйке все же было выгоднее покупать их здесь, чем тратить деньги на поездку.

Да, многое знакомо мне в «спальном городе». Я теперь знаю, что умиливший меня подсолнух детской площадки и надпись «Добро пожаловать всем детям до 15 лет» радуют не всех матерей. Как почти всюду в Швеции, площадка перегружена, руководительнице некогда со всеми возиться, и правила предупреждают о немедленном отчислении тех, кто плачет, плохо осваивается на новом месте или, напротив, быстро освоившись, дерется с другими ребятами.

Я не стану теперь попусту ждать у знака автобусной остановки возле дома Ирины, потому что автобус останавливается здесь раз в неделю по четвергам. Он привозит обитателям Рогсведа книги для чтения: своей библиотеки здесь нет.

Дом-башня Ирины в общем похож на наши дома. В 40 квартирах ее подъезда 46 детей, у обитателей этого подъезда 40 собак, так что маленький лифт не знает отдыха. Кое-что в доме надо бы подкрасить, кое-что заменить. Боюсь, что некоторые надписи, процарапанные чем-то острым на стенах лестничной клетки, не принадлежат к лучшим образцам современной шведской прозы.

Да, дом похож на наши. Но не совсем. Тут, как и в Стокгольме, никто не тянет из кармана связки ключей на манер Ваньки-ключника. Один ключ открывает, кроме подъезда и квартиры, еще и подвал. В подвале у каждого жильца два закутка: один для всякого хлама, куда убирают лишнюю мебель, лыжи на лето, велосипеды на зиму; другой, в котором поддерживается прохладная температура, — для хранения овощей.

— Если вы живете в доме, где нет подвала с подсобными помещениями, вам почти невозможно обменять квартиру, — сказала Ирина. — С вами никто не будет меняться. Шведы не привыкли таскать детские коляски по лестницам.

Рогсведу нисколько не свойственна общительность

русской провинции. Обитатели подъезда почти не знают друг друга. В гости ходить не принято, равно как и забегать к соседке для того, чтобы перехватить до полочки или одолжить луковицу. Каждый сам по себе. Любезная улыбка при встрече — лучшая и достоянная форма общения.

Я расспрашивал о праздниках. Например, как бывает в Рогсведе на Новый год?

Семья собирается обычно на кухне, стол ломится от всякой снеди, горят праздничные свечи. В полночь открывают окна, выходят на балкон, палят из ракетниц, жгут бенгальские огни. То же и у соседей.

Вот Лючия — другое дело. Это праздник, выходящий за рамки семьи и дома. Он отмечается 13 декабря. Ранним утром дети приносят родителям в постель кофе с крепким глинтвейном. Потом взрослые с приятно кружащейся головой идут на работу. В конторе или цехе происходят веселые выборы Лючии. Обычно этой чести удостоивается самая хорошенькая. Лючия в сопровождении свиты обходит всех, угощая кофе, глинтвейном и булочками. Тут празднику и конец — во всяком случае, в служебной обстановке.

Я много читал и слышал о том, что шведы неконтактны, некоммуникабельны. Один французский исследователь уверял, что сам климат Швеции оказывает значительное влияние на изолированность людей, способствует развитию различных психозов. Шведы боятся показать свои эмоции другим, особенно душевные страдания. Они не любят говорить о себе. Но это не снобизм, не остатки аристократизма, это просто неконтактность. «Для меня, — замечает этот исследователь, — наихудшая пытка находиться в шведской гостиной среди людей, не говорящих ничего интересного, быть оглушенным наступившей тишиной, знать, что следует что-то сказать, но бояться произнести это не так, как надо. И вот парадокс: ведь так о многом хотелось бы поговорить со шведами! Боятся они злободневных тем, что ли? Если швед начнет говорить, его трудно остановить. Но почти невозможно заставить его говорить».

Будь Рогсвед под Неаполем или Каиром, у меня были бы уже десятки знакомых. В шведском городе — единицы...

СВЕН ФРАНЦЕН, ОПТИМИСТ

Среди моих рогсведских знакомых есть неунывающий оптимист. Сам род его занятий исключает неконтактность. Свен Францен — владелец лавки.

Впервые я увидел его на маленьком рекламном плакате, который жители Рогсведа получили однажды с утренней почтой. Слегка приподняв котелок, без пиджака, но в темном галстуке и жилете в крупную полоску, г-н Францен самым приветливым образом улыбался своим потенциальным покупателям. Крупные лиловые буквы сообщали: «Мы снова все перестроили... Пожалуйста, приходите на наш праздник открытия!»

Перестроил г-н Францен далеко не все, однако каждый мог убедиться, что новые «гондолы», прилавки-холодильники, гораздо больше, вместительнее, современнее прежних.

Владелец лавки не из местных старожилов, да и сейчас он живет не в Рогсведе, а по соседству, в Хёгдалене: здесь ему не удалось найти квартиру. Прежний владелец продал лавку полтора года назад. Почему?

— Он устал. — Францен произносит это так, будто просит извинения за странность подобного мотива. Как можно устать при таком интересном деле? Сам Свен Францен в свои тридцать восемь лет положительно излучает энергию и оптимизм.

— Если говорить в общечеловеческом плане, то для меня решающее значение имеет полная независимость. Никто мне не диктует, никто мною не командует. Как предприниматель я совершенно свободен. И если покупатели довольны мною, я счастлив. Торговля для меня и работа и хобби.

Лавка оптимиста вне торгового центра. Она пристроилась возле башен. Из подъездов — прямо к нему и двери. Лавка продовольственная, но в ней есть и то, что у нас называется сопутствующими товарами. Здесь мясному фаршу сопутствуют чулки, наборы моющих средств, всяческие жидкости и порошки для кухни, ростенькие детские игрушки — словом, то, что покупают без долгих раздумий, то, что всюду одинаково по цене и по качеству.

Лет десять назад заведение г-на Францена счита-

лось бы довольно крупным магазином. Теперь по калибру он где-то между средним и мелким лавочником.

— О эти «мастодонты»! Слава богу, их пока нет поблизости.

«Мастодонты» — крупные продовольственные универмаги. Они смяли, растоптали в конкурентной борьбе множество мелких торговцев. Но храбрый Свен Францен не боится их: в Рогсведе им пока нечего делать. Городок слишком мал.

— Я слышал, что в Америке снова возрождается мелкая торговля. — Глаза моего собеседника сияют. — Сама жизнь подсказывает, что такие лавки нужны. Разве у «мастодонтов» сервис? Вы были в Швеции раньше, вы можете сравнить. Где, позвольте вас спросить, сервис, которым прежде славилась Швеция?

Я целиком согласен с моим собеседником. Просто удивительно, как изменился здесь стиль обслуживания!

Десяток лет назад меня, не очень-то избалованного отечественными работниками торговли, прямо-таки угнетала предупредительность, изысканная вежливость, готовность устремиться навстречу покупателю и его желаниям, едва он, покупатель, откроет дверь. Сознаюсь, я просто терялся без привычки, глупо краснел и решался заходить только в те магазины, где продавцы уже занимались с другими покупателями. Теперь не то, совсем не то...

— Моя лавка обслуживает примерно шестьсот семейств. И каждому, кто входит, я говорю: «Здравствуйте». Я знаю каждого своего покупателя. Я не всегда знаю его имя, но знаю его вкусы и могу судить о его положении в обществе по тому, что и сколько он покупает. Если мне приносят купленное где-то мясо и просят превратить его в фарш — пожалуйста! И разумеется, бесплатно. У «мастодонтов» только крупная расфасовка. У меня и фасованое и развесное. Я отвешу вам пятьдесят граммов. Даже двадцать пять! Покупатель хотел бы попробовать кое-что на вкус. Пожалуйста!

— И, конечно, кредит постоянным покупателям?

— Нет, нет! — Г-н Францен чрезвычайно энергично отталкивает от себя руками нечто невидимое, но ужасно неприятное. — Нет, ни в коем случае! Это могло бы позволить себе раньше. Но теперь.... В Фарш

один владелец лавки открыл кредит, теперь его магазин пойдет с молотка.

У Свена Францена круглое, хитроватое, но располагающее лицо, привычная улыбка, предупредительные манеры. Разговариваем мы стоя: присесть негде, потому что, по идее, сидеть в магазине без дела никому не полагается. В крохотном закуточке миловидная женщина что-то считает, стучит на старинной пишущей машинке, просматривает каталоги. Кроме нее, в лавке еще двое проворно носятся от покупателя к покупателю.

Я замечаю, что г-н Францен вежливо скрывает растущую нервозность: покупателей все прибавляется, сегодня пятница, самый бойкий торговый день. Но у меня еще столько вопросов... Мы улаживаемся, что я зайду в начале недели.

Днем во вторник в магазине пустовато. Оптимист ведет меня в закуток, знакомит с миловидной женщиной, которая оказывается г-жой Францен.

— О, у вас семейное предприятие!

— Не только у нас. Вы не бывали в соседней табачной лавке? Ах, не курите? Но там торгуют не только табаком, там и булавки, открытки, книжки, разная галантерея... Хозяину помогает двенадцатилетняя дочь, школьница.

— А вы, — обращаюсь я к г-же Францен, — вы ведете деловую переписку?

— И бухгалтерию. Я по специальности личный секретарь, стенографистка. Пришлось изучать счетное дело.

— К сожалению, ей приходится заниматься бухгалтерией и дома по вечерам. А у нас двое детей. Трудно.

Еще раз оглядываю закуток. Столик тесный даже для первоклассника, трогательная старая пишущая машинка, папки, счета, прейскуранты. Свен Францен следит за моим взглядом. Он сегодня серьезен.

— Не похоже на кабинет директора «Эпа»? («Эпа» — один из «мастодонтов».) Да, если хотите, нам, чтобы продержаться, нужны величайшие бережливость и изворотливость. И знания, конечно.

Выясняется, что г-н Францен специалист по гастрономическим товарам. Он окончил несколько кратко-

срочных курсов. Недавно прошел курсы кулинарии. Зачем? А как же он может советовать хозяйке, что именно она должна выбрать для того, чтобы приготовить русские пельмени или итальянскую пиццу — теперь в моде экзотические блюда. Он также совершенствуется в английском и немецком языках: в Швеции довольно много иностранцев, нужно, чтобы они, зайдя в магазин, «не имели трудностей». Н-да...

Но каким образом выкраивается время для закупки товаров? Ведь ему, наверно, приходится иметь дело со многими торговыми фирмами.

— Не со многими. В основном с одной. Это фирма «Фавор».

— Вот как! Почему же с одной?

Г-н Францен терпеливо объясняет. Он и еще сто сорок таких же владельцев мелких магазинов объединены фирмой «Фавор». Это очень, очень хорошая фирма. Фирма «Консум», которая объединяет много других торговцев, требует, чтобы они покупали товары исключительно у нее. А «Фавор» разрешает владельцу магазина прикупать кое-что и на стороне. Фирма ведет закупки по оптовым ценам, большими партиями. «Фавор» не только шведская, это общеевропейская солидная фирма.

Вон куда тянутся ниточки от скромной лавки в Рогсведе! И я вспоминаю, как при первой встрече г-н Францен говорил мне о свободном предпринимательстве, о том, что никто ему не диктует, никто им не командует.

Сколько же часов в неделю он работает? Семьдесят пять — восемьдесят! У меня нет никаких оснований сомневаться в правдивости оптимиста. Он скорее преуменьшил, чем преувеличил. С утра до вечера работает он, работает жена, иногда помогает отец.

— Иначе нельзя. Но я не жалуясь. Ни в коем случае не жалуясь. Магазин — моя собственность, я здесь хозяин, торговля — мое хобби.

Тем временем снова стал прибывать народ. Г-жа Францен села за кассу. Г-н Францен бросал быстрые взгляды на своих помощников.

— Нет, я не жалуясь. Мы еще повоюем с этими «мастодонтами»!

При прощании он дал мне на память отпечатанный

лиловой краской плакат: приподнятый котелок, полосатый жилет, оптимистическая улыбка, «мы снова все перестроили»...

БЕНГТ И ФОРМОВЩИК, СКЛОННЫЕ СКОРЕЕ К ПЕССИМИЗМУ

Я рассказал о лавочнике-оптимисте Бенгту. Бенгт выслушал, кивая головой, согласился со мной, что едва ли стоит завидовать владельцам маленьких лавочек, потом сказал:

— Я его знаю, он славный парень. Но его сожрут. Непременно. Сейчас неподалеку от Рогсведа стрельбище, его собираются закрывать, будут строить дома. Жителей прибавится, и «Эпа» откроет универмаг. Тут мелюзге и крышка. Придется Свену менять хобби. Или идти продавцом в «Эпа».

Бенгт квалифицированный металлист. Он суховат и раздражителен. Иногда даже резок. Когда вскоре после знакомства мы пили кофе у него на кухне, он заметил торчащие из моих карманов проспекты.

— Это вам интересно? Вы интересуетесь шведской мебелью? Может быть, пылесосами? Разве стоило за этим ехать в Швецию?

Бенгт явно не относился к числу гостеприимных и тем более любезных хозяев. Если бы не его желание узнать побольше о нашей стране, едва ли я удостоился бы приглашения «заглянуть на часок». Не раз Бенгт «задирал» меня. Я не мог достаточно подробно рассказать ему о практике работы цеховой профсоюзной организации, и он ворчливо заметил, что, видно, всюду «господа белые воротнички» мало интересуются подобными вопросами.

В Швеции не принято спрашивать собеседника о его политических симпатиях. Если тот считает нужным, чтобы вы это знали, то скажет вам что-нибудь вроде: «Я обычно голосую за социал-демократов». Мне было известно лишь, что Бенгт — многолетний профсоюзный активист, не очень, впрочем, продвинувшийся на этом поприще.

Бенгт приехал в Рогсвед несколько лет назад в числе первых жителей. Нравится ли ему здесь? Да, очень, только он с удовольствием удрал бы отсюда

куда угодно. Не раз пытался менять квартиру, но пока не сумел этого сделать. Может, потому, что нет времени. Все болтают о преимуществах жизни в маленьких городках, но, черт возьми, сами предпочитают жить в Стокгольме, и притом поближе к центру...

Бенгту пятьдесят два года, и он здорово устает на работе. Приехав домой, тотчас заваливается спать. Поспав два часа, варит крепчайший кофе и садится к телевизору.

Бенгт не знает никого из соседей. Они его совершенно не интересуют. Он поддерживает знакомство только с несколькими товарищами из своего профсоюза. Как-то, с полгода назад, товарищи собрались у него в квартире, обсуждали свои дела.

— Неужели с тех пор ни они к вам, ни вы к ним?

— Мы не бездельники. Каждый старается получить дополнительную работу. За все нужно платить, цены растут. Чем попусту болтать, лучше заработать лишнюю крону.

Его товарищи не берут работу домой и вообще не стараются подработать по основной своей специальности: это было бы слишком утомительным, рабочий день и без того уплотнен. Поэтому-то металлисты предпочитают наниматься ночными сторожами с дежурством через ночь, уходят на сдельную работу в гавань. А один парень из их цеха — ночной таксист.

— Разве вы не заметили, что у нас люди, которые работают, все еще не получают по справедливости? Или вы не заметили этого? Но по крайней мере знаете ли вы, что доля рабочих в распределении национального продукта такая же, какой она была при моем деде, бастовавшем на лесопилке в Норботтене?

Бенгт, как видно, имеет свою точку зрения па «дом для народа», на «государство благосостояния».

Я пересказываю ему статью о том, что шведская буржуазия за последние десятилетия не только сохранила, но и укрепила свою власть: ее абсолютно не беспокоит, что в правительстве — социал-демократы. Она остается хозяйкой заводов и прибылей, тогда как социал-демократы держат рабочих в узде лучше, чем это могли бы делать буржуазные партии.

— Это напечатано у вас? — выслушав, спрашивает он.

— Нет, во Франции.

— Рабочие борются, — неопределенно произносит Бенгт. — Но у нас много реформистских лидеров. Они считают, что если заработная плата достаточно высока, то нужно помалкивать. Они твердят, что все рабочие и служащие должны чувствовать себя ответственными за хорошую работу предприятия, за то, чтобы предприятие процветало. А забастовка мешает процветанию. Обе стороны напрасно теряют время и деньги, говорят они.

— Однако вы тоже профсоюзный активист, насколько я понимаю...

Бенгт фыркает:

— Но я не из тех, кого приглашают на обеды с предпринимателями, где едят вашу русскую икру, пьют водку и похлопывают друг друга по плечу: все мы, мол, делаем одно дело, все мы — одна дружная семья. На такие обеды приглашают тех, кто повыше.

Насколько типичны взгляды моего знакомого для зрелого поколения квалифицированных шведских рабочих? В прошлом, во всяком случае, эта часть рабочего класса считалась надежной опорой социал-демократии.

В шведской прессе широко практикуются интервью со случайными рядовыми людьми. Репортер подходит с портативным магнитофоном к человеку и просит его быть совершенно откровенным. Имя собеседника не будет названо в газете. Только возраст, профессия, семейное положение.

И вот что сказал репортеру формовщик 36 лет, женатый, отец троих детей, живущий в типичном шведском заводском поселке в четырехкомнатном домике, за который он пока частично уплатил деньгами, взятыми в виде ссуды на работе.

— Все болтают о свободе, о праве самому выбирать свою судьбу, о правах женщин. А ты мне можешь сказать, зачем мне эта свобода выбора, когда единственное, что она мне дает, это возможность один день не пойти на работу? Обо мне и о таких, как я, никто никогда не говорит. О тех, кто начал работать двадцать лет назад. Мы закончили начальную школу и больше нигде не учились. Вряд ли у нас была возможность учиться дальше.

Мой отец был столяром-модельщиком, его заработка только-только хватало на семью. Вот и мне пришлось идти работать как можно раньше. Во-первых, мне самому хотелось иметь деньги, а во-вторых, надо было помочь матери кормить семью.

Я знаю, сейчас ты начнешь говорить мне о переквалификации и о дальнейшем обучении. Это все только красивые слова. Знаешь им цену? Выеденного яйца они не стоят. Прокормить семью на помощь, которую дают для переквалификации, я не могу. Выплачивать за дом — тоже. Вот и выходит, что все это одна болтовня.

Ты знаешь, что значит быть формовщиком на конвейере? Сейчас я тебе объясню. Целый день ты стоишь словно в маленьком загоне, между тремя формовочными станками и конвейером. Жара, вонь и адский грохот. Работаешь на станке и швыряешь детали на конвейер. Одну и ту же деталь иногда делаешь несколько недель подряд. Какая тут, к черту, свобода выбора?

Конечно, зарабатываю я прилично, но ведь многие зарабатывают гораздо лучше на более приятной работе.

Нам нужно, чтобы кто-то подал за нас голос, но этот человек не должен состоять ни в одной политической партии, ни в профсоюзе, а не то ему быстро заткнут рот. Все мы это знаем, а говорить мы об этом почти не говорим. Я сам активно работаю в профсоюзе, так что я все знаю.

От профсоюза мы можем добиться одних пустяков. Можем потребовать, чтобы нам предоставили получше помещение для обеденных перерывов, душ и всякое такое. Но непосредственно к работе это отношения не имеет. Конечно, мы можем следить, чтобы у нас была приличная заработная плата при человеческом темпе работы, но и это не так-то просто.

Недавно пришел к нам на конвейер один финн. Семья его осталась дома, в Финляндии, а он приехал сюда, чтобы за короткое время заработать как можно больше. Он начал работать с такой дьявольской скоростью, что чуть не испортил нам аккордную плату за деталь. Нормировщики, конечно, обрадовались, но нам удалось потихоньку остудить пыл этого парня.

Ясно, если человек собирается работать недолго, он может разогнать такую скорость. Но ведь должен же он, черт побери, подумать и о тех, кто стоит у конвейера с восемнадцати до шестидесяти семи лет. Им такого темпа не выдержать. А если снизят аккордную плату, то им будет совсем плохо.

— Ну, а свободное время? — спросил репортер. — Оно тебе доставляет хоть какое-нибудь удовольствие?

— Нет, скорее наоборот. Когда возвращаешься домой, нужно, чтобы прошло не меньше часа, чтобы голова перестала гудеть от заводского грохота. Сидишь словно отупевший или делаешь кое-что по дому, по саду. А потом подходит время смотреть телевизор.

Раньше я много читал, особенно шведскую литературу. А теперь устал. Не знаю даже почему. На этой работе я превратился в старика. И чем больше старею — это глупо, конечно, потому что мне нет еще и сорока, — тем серее мне кажется наша литература. Когда я читал роман о батраках Ивара Лу-Юханссона, я легко мог бы перевести его на свою жизнь. Мы, индустриальные рабочие, превратившиеся в то, что мы теперь собой представляем, только потому, что у нас не было другой возможности, мы и есть сегодняшние батраки.

Конечно, мы общаемся и с соседями и с товарищами по работе. А знаешь, о чем мы беседуем при встречах? О работе. Даже во время отпуска. Не успеешь еще привыкнуть к мысли о том, что ты свободен, как уже снова надо идти на работу.

— Чего же ты ждешь от будущего?

— Если я скажу, что жду пенсии, то это будет слишком упрощенно. Но примерно так. Я бы хотел, чтобы со временем осуществилась мысль о «воскресном годе». Пусть это будет не целый год, а хотя бы шесть месяцев. Тогда у человека будет возможность обдумать свое положение без какого-либо давления извне. Не знаю, что бы я тогда решил. Возможно, я бы вернулся на конвейер. Но у меня была бы возможность все обдумать. А сейчас у меня такой возможности нет.

Можешь быть уверен только в одном: мои дети на завод не пойдут. Я знаю, что у них способные головы, и черт меня побери, но у них будет возможность вы-

бирать. И я не думаю, что кто-нибудь из них выберет конвейер...

К сожалению, я не могу описать, как выглядел формовщик, давший это интервью: разговаривал с ним шведский журналист. Интервью было опубликовано в газете «Дагенс нюхетер». Я привел его с сохранением стиля, сократив лишь места, характеризующие взгляды интервьюируемого на шведское движение за полное равноправие женщин.

О ЖЕНЩИНАХ ПУСТЬ СКАЖУТ ЖЕНЩИНЫ!

Парикмахерская Рачи неподалеку от лавки Францена. Рачи, как и Францен, хозяйка, предпринимательница. В Швецию она приехала несколько лет назад из Тегерана. По национальности — армянка, полное ее имя Храчик Петросян.

В парикмахерской Рачи нет обычной шведской холодноватой стерильности. Стоит столик для кофе с экзотическим для шведов кофейным прибором, какой встретишь только в кофейнях восточного базара. Тут же полка с сувенирами, среди которых русская матрешка и необыкновенно волосатая кукла неизвестной национальности. «Постриги же меня скорее!» — как бы вопит она. Но до нее все не доходит очередь, Рачи постоянно занята, лист, где по телефону записываются клиентки, заполнен целиком.

Если клиентка записалась, но не явилась вовремя, ей, по шведским правилам, все равно высылается счет. Рачи этого не делает. Она вообще не делает многого из того, что принято. Не потому ли к ней приезжают клиентки даже из соседних городков?

Мы с Ириной терпеливо ждем, пока Рачи занята прической седой дамы. Дама предупреждена, что я иностранец и знаю по-шведски всего несколько слов, поэтому можно болтать при мне о чем угодно. И обе болтают, как в московской парикмахерской. В московской, но не в шведской.

Ирина подыскивает объяснение парадоксу: швед, «застегивающий душу на все пуговицы» в разговоре со шведом же, гораздо откровеннее рассказывает о себе иностранцу. Может быть, потому, что иностранец

едва ли перескажет Свенссону то, что услышал от Густавссона? Поскольку в парикмахерской всегда одна клиентка — каждая приходит точно в назначенное ей время, — тут можно отвести душу, не боясь разглашения маленьких семейных тайн.

Дама, на прощание улыбнувшись мне, исчезает за дверью. Рабочий день закончен. Усталая Рачи варит кофе. Тонкая, с густейшей копной черных волос, она сквозь очки смотрит на меня, ожидая вопросов.

Рачи приехала в Швецию, зная парикмахерское дело, но не зная языка. Хозяйка большой парикмахерской приняла ее подмастерьем на половину зарплаты, наказав во всех затруднительных случаях говорить клиенткам: «Извините, я пойду и спрошу об этом госпожу Ларсон». Дама с редкими волосами однажды со смехом спросила Рачи, не одолжит ли она ей часть своих волос? Рачи не поняла шутку, ответила серьезно: «Одну минуточку, я пойду и спрошу об этом госпожу Ларсон». С тех пор ее прозвали «Спрошу госпожу Ларсон».

За несколько лет Рачи, жестко экономя, скопила немного денег, получила заем от родственников из Тегерана и решила открыть свое маленькое дело.

Это не так просто. Владельцы оберегают себя от конкуренции. Они стараются помешать открытию каждой новой парикмахерской. В этом, конечно, нет ничего необычного: следит же ассоциация врачей за тем, чтобы на медицинские факультеты не принимали слишком много студентов, что привело бы к снижению практики и заработков тех, кто уже имеет диплом. Но у Рачи получилось еще недоразумение и с хозяйкой. Рачи предупредила об уходе, как это принято, за две недели. Однако хозяйка потребовала, чтобы Рачи проработала еще месяц, а в противном случае отказывалась платить за последние две недели.

Кому пожаловаться? Посоветовали идти в профсоюз парикмахеров, куда Рачи платила взносы. Но оказалось, что хозяйка не состояла членом союза предпринимателей, с которым союз парикмахеров имел соглашение о разборе трудовых споров. «К сожалению, ничем не можем вам помочь», — очень вежливо сказали Рачи и сочувственно пожали руку.

Прошло еще некоторое время, и Рачи удалось снять

полуподвал в Рогсведе. Она начала с объявления: дама, сделавшая у нее шестимесячную завивку, может прийти еще раз для совершенно бесплатной укладки волос. Какая же настоящая шведская хозяйка откажется сэкономить лишних десять-двенадцать крон?

И дело пошло. Она, Рачи, берет немного дешевле, чем в других местах, зато ни минуты не сидит без работы.

— Но, может, не стоит так надрываться? — неуверенно говорю я. — Весь день на ногах?

— Я должна застраховать себя. Мало ли что может случиться. Болезнь, например. Нет, надо работать, работать, пока есть силы. Я одинока, кто мне поможет, если что случится?

У Рачи нет своей квартиры — с этим очень трудно. Хорошо бы также перевести парикмахерскую из полуподвала в другое место. А для этого надо работать, много работать!

Я говорю о том, что мне очень понравился Рогсвед. Рачи внимательно смотрит на меня:

— Это очень красиво, да. Скалы, сосны. Вы видели красивую лестницу от станции к нашим домам? Но поднимитесь-ка по ней с тяжелыми пакетами, да не сейчас, а в гололед! Здесь север, осенью и зимой темнеет рано. А куда пойти? В Стокгольме можно поглазеть на витрины, это занятие нам, женщинам, никогда не надоедает. Можно зайти в кафе. А здесь, в Рогсведе? Ни кафе, ни ресторана, ни кино, ни витрин, каждый день одно и то же. Да, тут все очень красиво для обозрения. Но жить...

Я слушал Рачи сочувственно. Однако мне казалось все же, что едва ли она может быть объективной. Беспорядочный, шумный, жаркий Тегеран, восточная пленительная бестолковщина, в которой столько жизнерадостия, столько умения наслаждаться немногим со вкусом, иногда с жадностью, — и сразу северный город, где сдержанности, соблюдению внешних формальностей, принятых норм придается столько значения. Нет, Рачи трудно быть судьей скандинавского быта, во всяком случае — беспристрастным судьей.

Случилось, однако, что несколько дней спустя я разговорился еще с одной жительницей Рогсведа. Ей лет сорок с небольшим, у нее хорошо оплачиваемая

работа. Года два назад Грета разошлась с мужем. Живет одна, хотя у нее есть мать, от которой она, по ее словам, очень далека.

— Несколько лет прожив за границей, я, как мне кажется, успела кое-что понять и на многое взглянуть другими глазами. Шведы в массе не обладают ни искусством, ни потребностью задушевного разговора. У нас нет также искусства слушать. Рассказчик даже помимо воли рисует себя слушателю в улучшенном, облагороженном виде. Нет, не то чтобы он хвастался, это шведам в общем чуждо. Но слушателю неприятно даже и то, что возвышает рассказчика над ним, слушателем, хотя бы на сантиметр. Так уж мы устроены. Если кто-то чувствует себя совершенно беспомощным, он может рассчитывать на поддержку до тех пор, пока не дотянется до плеча тех, кто его поддерживает. До плеча, ничуть не выше!

А хотите знать, как у нас относятся к одинокой женщине? О, шведки боятся за мужей! Одинокую женщину пригласят разве что раз в месяц на чашку кофе. Здесь нужно работать локтями, чтобы схватить мужа, а схватив, держать его. Цинично? Может быть. Но такова жизнь. Женщина у нас эмансипирована во многом, только не в оплате труда. Спутник не заплатит за свою сослуживицу в трамвае: эмансипация. Я встретила на улице знакомых, они шли всей семьей в кино. Пригласили меня. Глава семьи пошел к кассе, взял билеты, протянул мне мой и спокойно взял деньги. Нет, это не бедные люди, дамы были в норках. Просто мужчине в голову не пришло платить за женщину, которая сама работает.

Я спросил Грету, что она думает о Рогсведе.

— О Рогсведе? Сюда согнали бедняков. Рогсвед — это далеко и скучно. Если бы я могла, давно бы уехала отсюда. И девять из десяти думают так же. Здесь селились семейные рабочие и мелкие служащие. Последнее время селятся иностранцы. Кажется, больше всего итальянцев, есть югославы, несколько одиноких негров. «Спальный город» — вздор. В наше время, чтобы как-то тянуться, нужно, чтобы работали муж и жена. Но жена не может работать где-то далеко, в другом пригороде, надолго бросать детей, тратить много времени на дорогу. А в Рогсведе нет пред-

приятый. Одна жалкая мастерская, где все рабочие места давно заняты. И никаких перспектив. Женщины здесь ужасно одиноки и нуждаются в сочувствии. Некоторые находят удовольствие в удовлетворении мелкого тщеславия, стараются, чтобы у них все было не хуже, чем у других, тратят силы на это бессмысленное соревнование.

ВЕЧЕР У АННЫ-ЛИЗЫ

Анна-Лиза Маронэ с мужем Диком и черноглазым дошкольником Энрико, или Рико, живет в мансарде с низкими потолками и окнами-люками. Жилье ее несколько не напоминает стандартную шведскую квартиру. Прежде всего книги. Много книг. В Швеции они чрезвычайно дороги. Тут собрано целое состояние, во всяком случае, на полках стоит эквивалент вполне приличного нового автомобиля.

Но прошлым летом Анна-Лиза с мужем и Рико путешествовали по Европе в стареньком «фольксвагене» модели 1961 года, а когда он отказал, купили «фольксваген» образца 1957 года. Эта покупка была вызовом общественным вкусам. Г-жа Маронэ оказалась безразличной к тому, что может о ней сказать г-жа Йонссон.

Отец Анны-Лизы — видный педагог, автор популярного учебника. Сама Анна-Лиза — преподавательница английского, французского и немецкого языков. Замечу попутно, что, как правило, шведские учителя могут преподавать по меньшей мере два предмета, иногда в самых неожиданных сочетаниях — например, физику и пение. Это позволяет им легко находить место и лучше зарабатывать.

Ирина рассказывала, что блестяще одаренная Анна-Лиза, став в двадцать два года магистром философии, пугала своих друзей экстравагантностью и упрямым нежеланием считаться с тем, что «принято» и что «не принято». В ее квартире жила диковатая обезьяна, в которой Анна-Лиза не чаяла души, но от которой чопорные гости в любую секунду могли ожидать крупных неприятностей.

Дик, муж Анны-Лизы, не похож на длинноволосых

молодых людей, вялых и анемичных. Его родители — итальянцы. Живость южанина так и бьет из него. Он ладно скроен, мускулист и внешне напоминает гибких, сильных парней из «Вестсайдской истории». Помимо преподавания физики и математики, Дик тренирует волейбольную команду школы.

Сразу же заговорили о молодежи и ее проблемах.

Три вечера подряд — пятницу, субботу, воскресенье — я бродил по улицам и в центре Стокгольма, и ближе к окраинам. Вечер в субботу был, пожалуй, особенно шумным. Может быть, теперь я приглядывался ко всему более внимательно, для меня уже не было в новинку все то, о чем обычно пишут и рассказывают.

Да, некоторые молодые люди все еще носятся на вышедших из моды громадных американских машинах, визжа тормозами на поворотах, орут, размахивают бутылками. Но в бутылках кока-кола: пьяного за рулем тотчас сцапает зоркая полиция. Во всем этом больше куража, работы на публику, чем буйства и тем более веселья. Если бы улица вдруг опустела, если бы исчезли глазающие туристы, то шумные раггары быстро скисли бы, опустили бы свои зазывные лисьи хвосты.

Все это я изложил моим новым друзьям. Анна-Лиза слушала, изредка обмениваясь быстрым взглядом с Диком. Мне почудилось в этом сочувствие, согласие со мной.

— Энрико был еще здесь, — очень серьезно сказала Анна-Лиза и приложила руку к животу. — Я стояла на остановке Уденплан, это в центре города. Дик побежал искать такси. В это время подошла машина, и я открыла дверцу, чтобы сесть. Вдруг двое парней стали оттаскивать меня: они хотели забраться в машину со своими девицами. Один грубо толкнул меня, Дик увидел это, подскочил, сбил парня с ног. Тогда прибежало еще семеро, какой-то из них отбил горлышко бутылки о столб, чтобы осколком резать Дика. Дик защищался, началась свалка, появился полицейский. Узнав, в чем дело, он сказал мне и Дику, что «не следовало принимать все это слишком близко к сердцу», и предложил Дику «умерить темперамент». Парню, который толкнул меня, Дик выбил зуб. Этот парень подал на нас

в суд, требуя компенсации ущерба. Правда, дело все еще тянется.

Анна-Лиза внимательно смотрела на меня:

— Я не хочу сказать, что все парни, которые разъезжают в машинах с девицами, — бандиты и хулиганы. Я хочу лишь сказать, что они все же не столь уж безобидны. Истина где-то посередине.

Я спросил, что же, по ее мнению, происходит с молодежью? Что утрачено, что не найдено? В чем корни?

— Шведы стали гораздо богаче, чем прежде. Вы тоже. Я была у вас несколько лет назад и в прошлом году. Вы живете теперь гораздо лучше.

Вы знаете нашу историю: богатство в Швецию пришло не постепенно, оно прискакало в последние десятилетия, когда другие страны были истощены и разорены войной. Оно прискакало, но люди не были подготовлены к этому психологически. Достаток и культура не пошли в ногу, культура — я беру полный смысл этого понятия — отстала. Богатство породило самодовольство. Материальные ценности возобладали над духовными. Люди копили первые, забывая о вторых. Материальные оказались доступнее, ими проще наслаждаться, насыщаться. Но нарушилась гармония личности. И нет счастья...

Анну-Лизу прервал звонок. Появилась девушка с густыми черными волосами, одетая подчеркнуто небрежно — старые джинсы, выдавший виды свитер.

— Здравствуйте, добро вече! Меня зовут Моника Петрини. Я немножко говорю по-русски, но иногда путаю русский с сербскохорватским; у нас теперь много югославов, приехали радить... работать, да?

Анна-Лиза, извинившись, коротко пересказала Монике наш разговор.

— Я думаю, что последние годы в наши города хлынула деревня, — с места в карьер начала гостя. — Старые традиции сломались, новые не сложились. Возможно, что стремление к накоплению материальных благ — от психологического склада крестьянина, привыкшего копить и приумножать.

— Дети растут в обстановке сытости и самодовольства, — добавила Анна-Лиза.

— Им дают камень вместо хлеба. — Моника произнесла это по-русски. — Понимаете, камень — это кро-

ны, карманные деньги. Ранние деньги — ранние удовольствия. Ранние удовольствия — раннее пресыщение, раннее безразличие, душевная бедность. Они еще не могут переварить этот камень, им нужнее был бы хлеб духовный. Я говорю непонятно, да?

Дик слушал внимательно и пока не вмешивался в наш разговор. Но тут в нем вдруг проснулся актер. Лицо его принимает туповато-безразличное выражение. В глазах исчезает блеск, веки сонно припускаются.

— Так они смотрят на меня, когда я объясняю им урок. Они терпят меня, снисходят до меня.

«Они» — это школьники старших классов. Я вспоминаю разговор со знакомым шведским журналистом: учителя занимают одно из первых мест среди постоянных пациентов клиники для страдающих нервными заболеваниями и психическими расстройствами...

— Но мы, педагоги, знаем, что произойдет дальше. Сегодня этот парень такой...

Дик ерошит волосы, лицо его становится наглым, вызывающим.

— А завтра...

Нет, Дик обладает просто поразительной способностью перевоплощения!

— Волосы короче. Шляпа — так. Галстук — так.

Длинноволосый наглец подтягивается, лицо его приобретает сначала растерянное выражение, но он быстро находит себя — и вот перед нами уже молодой сноб, двумя пальцами брезгливо снимающий пушинку с лацкана пиджака.

— От осторожного и не опасного для общества бунта — к тому же сытому мещанству, — сказала Моника. — Я думаю, что Дик прав. Видели вы хотя бы одного длинноволосого клерка в банке? Продавца в магазине? Подходит время, и маскарад кончается.

— Нет, конечно, на самом деле все не так просто, — возразила Анна-Лиза. — Часть действительно носит длинные волосы и ходит босиком потому, что это модно. Есть, однако, и очень интересные ребята. Вам надо еще ближе познакомиться со шведской системой воспитания. И разумеется, с социальными проблемами, относящимися к детям, подросткам, молодежи.

СИСТЕМА ВСЕОБЪЕМЛЮЩАЯ, НО...

Отправляюсь в управление по социальным делам при муниципалитете Стокгольма. Я просил о встрече, мне назначили время.

Назвав себя, прямо у входа получаю продолговатую бумажку. Это отпечатанный типографским способом план четвертого этажа дома. На плане обозначены номера и расположение всех комнат. Зеленым крестиком помечена комната № 401. Пунктир показывает, как к ней пройти от лифта. Вверху фамилия: г-жа Веннерлунд. Посетитель не теряет времени на расспросы, к кому ему следует обращаться, где и как искать нужного человека.

Г-жа Веннерлунд занимает маленький кабинет, обставленный в стиле делового человека. Только японские деревянные фигурки и забавный резиновый лягушонок в брюках — уступка маленьким женским слабостям.

Через пять минут у меня в руках около десятка схем, показывающих, как поставлено в Стокгольме и его пригородах социальное обеспечение людей всех возрастов, от младенцев до старцев.

Сначала получаю исчерпывающие разъяснения по пенсионной системе. Можно уйти на пенсию и до того, как исполнится 67 лет, — в этом случае до конца дней пенсия будет меньше обычной. Можно стать пенсионером после 70 лет — тогда она будет несколько больше обычной. Забота о пенсионерах простирается так далеко, что для них организуются экскурсии и даже занятия гимнастикой.

Если бы в учреждениях шведской столицы развернулась борьба за звание «Образцовая чиновница», то г-жа Веннерлунд, вероятно, получила бы его одной из первых. Не успеваю задать вопрос, как г-жа Веннерлунд, мгновенно повернувшись на вращающемся кресле, безошибочно берет с полочки нужную таблицу или, пробежав пальцами по картотекам, выхватывает карточки, где записаны всевозможные сведения.

Несколько раз звонит телефон.

— Угу... Угу... Я-аа! — Потом залп коротких, точных фраз — и трубка на рычаге.

От пенсионеров переходим к детям и молодежи. Снова схемы.

Цепочку начинают игровые площадки — такие, какую я видел в Рогсведе. В «игровых школах» дети от 4 до 7 лет находятся три часа, затем приходит другая смена. Это платные школы, там матери оставляют детей, чтобы сбегать за покупками, сделать неотложные домашние дела. В детских садах, тоже платных, дети работающих матерей находятся с утра до вечера. Есть, наконец, платные «послешкольные центры» для так называемых детей «с ключом на шее», которых никто не ждет дома. Чтобы они не болтались без присмотра на улицах до возвращения взрослых с работы, их забирают в «послешкольный центр», где они готовят уроки, развлекаются, отдыхают.

— Следующая стадия — школьные клубы, — стреляет телеграфными фразами г-жа Веннерлунд. — Открыты первые десять. Это опыт. Нам еще не ясно, какими именно они должны быть. Далее молодежные центры или дома молодежи, которые вас интересуют. Тут, как нам кажется, многое найдено. Для них мы готовим на курсах опытных вожаков. Конечно, один центр не обязательно похож на другой.

Система всеобъемлющая. Но как густа сеть всех этих превосходных учреждений?

Пальцы бегут по картотекам. 150 летних игровых площадок, 200 игровых школ на 8 тысяч детей. 130 детских садов для работающих матерей — 5 тысяч детей.

— Так мало? — невольно вырывается у меня.

— Не так мало! — парирует г-жа Веннерлунд.

Как же не мало, когда в орбите Большого Стокгольма около миллиона трехсот тысяч жителей! Но я не успеваю возразить.

— Послешкольных центров восемьдесят пять — две тысячи двести детей. Молодежных центров шестьдесят. Вы успеваете записывать?

По правде говоря, с трудом. А образцовая чиновница успевает еще метнуть взгляд: верно ли у меня записаны цифры?

Г-жа Веннерлунд признает, что проблема молодежи достаточно серьезна для Швеции, но считает эту проблему не специфически шведской, а глобальной. Во многих странах среди молодежи растут преступность,

употребление алкоголя и наркотиков. Урбанизация всюду сопровождается тенденциями молодежи к беспорядкам. В шведской системе социального обеспечения детей и юношества есть инспектора, занимающиеся изучением несовершеннолетних преступников, существуют ночные патрули, которые дежурят на улицах, стараясь предотвратить преступления. Есть также специальные дома для исправления молодых, осужденных по уголовным делам. Но главное, конечно, в воспитании нравственно здорового поколения. Этой цели, в частности, и служат дома молодежи.

Спрашиваю, достаточно ли типичен молодежный центр в Рогсведе? Да, пожалуй. А рогсведский дом для престарелых?

— Может быть, вам будет интереснее ознакомиться с домом-коммуной? Это в Хассельбю. Тот же Рогсвед, только не на южной, а на западной окраине Большого Стокгольма.

Дом-коммуна! Вспомнились бытовые коммуны первых послереволюционных лет: все деньги — в общий котел, горячая картошка по утрам, кепочки рабфактов, бледные от недоедания лица и страстное желание быстрее построить новый быт...

Но что же такое дом-коммуна в шведском варианте?

ДОМ-КОММУНА И Г-Н ЭНКВИСТ

Хассельбю — конечная станция метро-электрички. Дома-башни издали похожи на рогсведские. Но тут они связаны со своими трехэтажными соседями в единый замкнутый комплекс. Это городок в городе, микромирок в микромире.

Войдя в подъезд, начинаю плутать по бесконечным коридорам, соединяющим дома. Коридоры вывели во двор, где разместился шумный детский сад. Потом коридор снова втянул меня в дом, и я оказался в столовой или, быть может, ресторане с небольшим зимним садом. Здесь-то я и обрел ответственного и официального представителя дома-коммуны в лице чрезвычайно энергичной г-жи Банкефорш.

Рослая молодая дама в солнечных очках назвалась шефом питания. Потом оказалось, что ее обязан-

ности гораздо многообразнее. Она занимается также бухгалтерией и является заместительницей управляющей г-жи Хаарне. Вдвоем они и ведут все основные дела в доме-коммуне, где шестнадцать зданий, триста двадцать пять квартир и около семисот обитателей.

Я рассказываю про наши дома-коммуны.

— Нет, здесь нечто другое, — улыбается г-жа Банкефорш. — Может быть, правильнее было бы говорить об отеле для семейных, где жильцы живут годами. Идея родилась лет десять назад, и вскоре был построен этот комплекс.

Идея же вот такая.

В развитом индустриальном обществе люди очень заняты. Нагрузка на работе у них такова, что не остается достаточно энергии и времени для разных домашних дел. С каждым годом уменьшается число семей, где не работает жена. С другой стороны, должен же кто-то подумать о холостяках и особенно о стариках-пенсионерах, которые не хотят жить в заведениях для престарелых. Разве не было бы благодеянием для всех этих людей, если бы они могли жить в доме, где значительную часть забот об их быте взял бы на себя кто-то другой? В доме, где все рядом: ресторан, детский сад, прачечная, продовольственная лавка и даже церковь. Вот и решили создать такой комплекс.

— Представляю, сколько нашлось желающих! — говорю я. — Но чтобы построить все это... Или государство дало большую ссуду членам вашей коммуны?

Г-жа Банкефорш смотрит на меня с недоумением:

— Простите? Ссуда?

— Ну да. Вот я, например, живу в Москве в кооперативном доме. Когда мы начали его строить, банк дал нам ссуду, которую мы обязаны вернуть ему в течение пятнадцати лет.

— Но у нас не кооперативный дом, он принадлежит господину Улле Энквисту, — сухо вато произносит г-жа Банкефорш. — Господину Энквисту принадлежат пять подобных комплексов в других местах. Господин Энквист владеет также многими домами обычного типа. Его контора в Грендале, там вы можете получить более подробные справки.

Похоже, что в Швеции сохранились, странно транс-

формировавшись, некоторые слова и понятия, введенные в обиход много лет назад революционно настроенными рабочими, их левыми партиями. Вы слышите: «рабочая коммуна», «дом-коммуна». На поверку же оказывается, что дом-коммуна — предприятие процветающего капиталиста...

— Он, наверно, миллионер, ваш господин Энквист?

— Я-аа, — тянет г-жа Банкефорш. — Наверное... Но, может, вы хотите осмотреть дом?

Конечно, все по-шведски просто и рационально. На крыше терраса (отдельная плата). Комната отдыха, быстро превращаемая в комнату для банкетов с помощью набора складных столов и стульев. Комната для игры в бридж и покер. Домовая церковь. Небольшая продовольственная лавочка, которая торгует в те часы, когда городские магазины закрыты. Подвальное помещение с камерами для овощей и домашнего скарба. Домовая прачечная с электрическими машинами, сушилками, прессами для глажения. Всем этим можно пользоваться за отдельную плату.

Мне хотелось бы заглянуть в какую-либо квартиру. Г-жа Банкефорш говорит после минутного колебания:

— Мой шеф, госпожа Хаарне, могла бы вам все показать и рассказать лучше, чем я. Но паромщики забастовали, и боюсь, что она не сумеет сегодня приехать. Если вы не возражаете, я покажу вам свой уголок.

В ее квартире много встроенных белых шкафов, вместительных и удобных. Часть стены одной из комнат — обычная кирпичная кладка, это дает неожиданный декоративный эффект, особенно в сочетании с веточкой вьющегося растения. В раковине умывальника ванной комнаты дно сделано ребристым, как стиральная доска, — насколько же изобретательны шведы во всем, что облегчает быт!

В семейном отеле Хассельбю — называть его домом-коммуной теперь как-то неловко — есть несколько типов квартир, от однокомнатной без отдельной кухни, но с кухонным уголком до четырехкомнатной. Квартирная плата соответственно от 192 до 813 крон в месяц.

Прикидываю, в какой квартире мог бы поселиться здесь с женой и двумя детьми среднестатистический

Свен Свенссон, который, как мы помним, зарабатывает 20 тысяч крон в год и тратит на квартирную плату 12 процентов. Получается, что ему не хватает 454 крон для оплаты однокомнатной квартиры с отдельной кухней. Придется довольствоваться кухонным уголком.

А куда мы с г-жой Банкефорш пристроим семью Пера Свенссона, зарабатывающего 50 тысяч крон? Он, как свидетельствует статистика, тратит на оплату квартиры 14 процентов заработка: 7 тысяч крон. Этого достаточно для двухкомнатной квартиры с кухней, а урезав на 770 крон расходы на питание и одежду, наш Свенссон мог бы замахнуться и на трехкомнатную.

— Но это, конечно, без купонов, — добавляет г-жа Банкефорш.

Новое дело! Что за купоны? Моя собеседница предлагает вернуться в домовый ресторан: там мне все станет ясным.

Опять путешествуем по коридорам, соединяющим здесь всех и вся. Их общая длина — полтора километра. Они очень удобны, не надо пальто и зонтиков в ненастье, чтобы пойти пообедать или помолиться. Правда, за пользование коридорами приходится платить.

По дороге заглядываем в помещение, где на полках корзинки-термосы. Это для тех, кто не может сегодня обедать в домовом ресторане: задержались на работе, пошли в гости.

— Зачем же им термос, ведь можно пообедать в городе.

— Да, но тогда пропадает купон.

Спускаемся в ресторан. Там теперь обед. Меню: бутерброд, тушеное мясо с овощами, компот из слив и молоко. Супа нет, суп шведы едят редко.

— Это меню по купонам. Каждый жилец нашего дома должен заплатить сто тридцать крон в месяц за двадцать четыре купона. С детей до десяти лет — полцены. Жилец получает у нас стандартный обед. Если он хочет что-либо другое, он может заказать это и платить отдельно.

— А если я вообще не хочу обедать в вашем ресторане?

— Контракт на квартиры включает обязательство

жильцов приобретать купоны не менее десяти месяцев в году. Два месяца мы кладем на отпуск и разные непредвиденные обстоятельства. Купоны обязательно должны быть использованы в течение того месяца, на который они выданы. Впрочем, случаи, когда они пропадают, очень редки. Если кто-нибудь не может пообедать, он звонит родителям, и они приезжают.

— Пожалуй, все это не так уж удобно...

— Зато немножко дешевле, чем в обычных ресторанах. Особенно заметна разница в субботу и воскресенье, когда в ресторанах поднимаются цены, а у нас нет. Из небольшой экономии складывается большая.

В этом доме и услуги чуть дешевле, чем в обычных домах. Например, холостяк может договориться об уборке своей квартиры, это стоит 8 крон в час. Можно за умеренную плату получить и место для машины на стоянке возле дома.

— Когда строили наш семейный отель, была большая реклама, владелец не знал, как пойдет дело. Теперь многие хотели бы сюда попасть. Всюду трудно с детскими садами, а у нас — свой. Правда, там больше детей, чем полагается, и двадцать маленьких жителей дома все же остались без места. Но их матери по крайней мере могут надеяться, что очередь подойдет быстрее, чем дети поступят в школу. А некоторых жильцов привлекает еще и то, что они открывают здесь импонирующие им формы общения.

— Например?

— У нас есть общество «Польза и удовольствие». Это ассоциация жильцов нашего дома. Выборное правление, президент, вице-президент, кассир. Два раза в год ассоциация устраивает праздники, в обычные дни организуется игра в бридж и настольный теннис.

Я распростился с г-жой Банкефорш, пошел к выходу и... заблудился в коридорах. Навстречу две пожилые дамы, одна высокая, с выцветшими добрыми глазами, приветливой улыбкой, другая — обыкновенная шведка, застегнутая на все пуговицы. Я сказал, что не могу найти выхода из этого поистине прекрасного дома.

— Я-аа! — расплылась добрая старая дама. — Вам понравилось? Но тогда вы должны выпить с нами чашечку кофе.

И пока мы поднимались в лифте, я узнал, что фру Ирма Эрикссон поселилась в этом доме одной из первых и очень к дому привыкла. Тут хорошо, только все дорожает. Когда она переехала сюда, купоны стоили семьдесят крон, теперь сто тридцать. Чуть не вдвое за десять лет!

Щелкнул дверной замок, и мы оказались... в старой Швеции. Древние напольные часы в грубом деревянном футляре, окрашенном масляной краской и разрисованном яркими наивными цветами, отстукивали время, наверно, еще с начала прошлого века. Над громоздким сундуком висели детские башмачки.

— Мои, мои! — тронула их рукой старая дама. — А это мамины.

Мамины башмаки — на толстой деревянной подошве: в таких ходили на скотный двор. И стулья в комнате — грубой крестьянской работы, и со старых семейных фотографий смотрели на нас не какие-нибудь вертопрахи, а очень солидные крестьяне в праздничной одежде. Была тут и сама фру Эрикссон, снятая еще в годы, когда она служила в конторе.

Фру Эрикссон рассказывает о себе, а ее спутница время от времени важно кивает:

— Я-аа, я-аа!

Выражение это, в сущности, ничего не означает, но, произносимое со множеством оттенков, густо насыщает шведскую разговорную речь...

Возвращаясь из Хассельбю, оказываюсь в одном из старых районов шведской столицы. В храме, поднятом на скалу, как крепость, — благовест. Перезвон постепенно, медленно затихает, создавая гамму настроений в лучших традициях МХАТа. Вот умирает последний звук, такой слабый, будто по колоколу несильно ударили ладонью.

Перед церковью — площадка с простыми деревянными скамьями. По ним расселись старики. Каждый отдельно. Если двое сидят на одной скамье, то в разных ее концах. Лица обращены к еще не остывшему закатному солнцу.

Старики сидят молча, неподвижно. Вот бы сюда фру Эрикссон, она бы, пожалуй, хоть немного расшевелила их, эта старая дама из провинциальной, патриархальной Швеции! А то сидят бесцельно, какие-то

унылые, очень чистенькие и очень одинокие. Такие умирают в своих кроватях, и иногда их трупы по нескольку дней остаются неубранными, пока кто-то, чаще всего привратник, не спохватится: что-то, мол, давненько не появляется фру Ханссон или герр Польсен...

Они, эти старики, наверняка материально обеспечены куда лучше, чем их сверстники во многих других странах. У большинства из них вполне приличная пенсия. Одиночество же приходит к ним как расплата за расчетливый эгоизм.

Когда женились или выходили замуж дети, молодые семьи тотчас, по шведскому обычаю, отделялись, чтобы жить своей жизнью. Ведь так ужасно стать бабушкой в пятьдесят лет, не правда ли? Кроме того, в молодых семьях с их сумбурным неустройством столько шума, мелких конфликтов. Лучше быть подальше от всего этого! Пусть, если сумеют, пристроят детей в детский сад или определяют их к «дагмаме», к «дневной маме», которая за умеренную плату возится с малышами, пока родители зарабатывают деньги.

И внуки растут без бабушек и дедушек, без их ласки, без их заступничества перед слишком суровыми родителями. Но вот горят шестьдесят семь свечей в пироге, испеченном по случаю дня рождения, за которым начинается бытие пенсионера. Возле стола — пришедшие из чувства долга успевшие поседеть дети, тут и внуки, долговязые, с усиками, томящиеся в присутствии этой старухи, которая уходит на пенсию...

Закрылись за молодежью двери — и приходит, как постоянный гость, одиночество, поселяется в маленькой квартирке, выгоняет иногда на улицу, в парк, на скамейки, где сидят такие же старики... А газеты пишут о печальных последствиях «расщепления шведской семьи», о неумении шведок быть бабушками, о неумении стариков сближаться с другими, об их неконтактности.

ИНТЕРВЬЮ СО СТУДЕНТОМ

Я снова хочу воспользоваться плодами чужого труда. Мне показалось характерным интервью шведского журналиста с одним студентом. Этому сту-

денту 21 год, он родился в пригороде, живет вместе со своим товарищем по учебе в меблированной комнате.

— Что означает быть молодым в наше время? — был первый вопрос журналиста.

— Быть молодым дорого... и очень грустно, — ответил студент. — То, что это дорого, — не наша вина, за это пусть отвечают другие. А в том, что нам грустно, виноваты мы сами. Уж слишком легко приняли мы то, что сделало старшее поколение. Нам не за что бороться. По крайней мере здесь, на родине.

Не за что бороться? Я слышал это странное утверждение много раз, причем от самых различных людей. Оно, это утверждение, стало одним из главных пропагандистских лозунгов «общества благосостояния». Его весьма часто повторяют газеты. Смотрите, мол, в некоторых странах идет борьба за кусок хлеба, за то, чтобы не умереть с голоду, за то, чтобы темный цвет кожи не превращал человека в существо второго сорта. Разве в нашей стране есть что-либо подобное? Нет, нам не за что бороться!

Но послушаем, что шведский студент говорит дальше.

— Если мы боремся за что-то, что происходит извне, нам говорят, что мы следуем дурному примеру. Так, например, получилось с Вьетнамом. Теперь, правда, к нам присоединяется все больше людей, но вспомни, как было вначале. Мой отец — социал-демократ старого толка. Иногда он очень живописно рассказывает о том, как все происходило в дни его молодости, как он участвовал в демонстрациях. Но он никак не может понять, зачем теперь устраиваются демонстрации в поддержку Вьетнама.

А мне кажется, что это одно и то же. Когда рабочие Швеции устраивали демонстрации против угнетения и несправедливости, они делали это из тех же побуждений, по которым мы сегодня устраиваем демонстрации в поддержку Национального фронта освобождения. Разница только в том, что тогда причина демонстраций касалась их участников непосредственно. Но они тоже хотели привлечь к своему делу как можно больше народа, добиться понимания в самых широких кругах.

Демонстрации в поддержку борющегося Вьетнама начала учащаяся молодежь. Но я не думаю, что это произошло потому, что студенты лучше остальных осведомлены о том, что происходит, хотя мы много читаем и общаемся с иностранными студентами. Скорее, демонстрации начались потому, чтобы показать, что и мы чего-то хотим. Иногда это бывает приятно сознавать!

— Ну, а как насчет наших «домашних» дел? — спросил журналист.

Студент ответил, что, конечно, и «дома» есть что делать. События во Вьетнаме помогли активизации прогрессивных сил страны. Но он не удовлетворен их внутренней программой. Она построена на мелочах. Конечно, нужно говорить и о мелочах, но нельзя же ограничиваться только ими!

— Какие мысли ты найдешь в нашей предвыборной кампании? Какие новые аргументы? Одни бесконечные фразы, то призрак реакции, то призрак социализации. Люди голосуют, потому что это их долг, а не потому, что их в чем-то убедили.

— А как у тебя с занятиями?

— Прилично. Я человек средний, как большинство. Вообще-то я считаю, что наша система виновата в том, что у нас стало гораздо меньше выдающихся личностей. Все мы средние.

— Твоя цель?

— Место руководителя.

— Как бы ты реагировал, если бы ты и девушка, твоя сокурсница, попали на одно и то же предприятие и она получила бы там место руководителя раньше, чем ты?

— Если она человек более деловой и более подходящий, то все было бы правильно. Но если бы она использовала другие методы, это было бы не очень приятно. По-моему, у женщин должны быть те же шансы, что и у мужчин. Но я знаю, что многие мои товарищи по курсу придерживаются иного мнения...

— Твое свободное время?

— Когда идут занятия, его бывает не так уж много. Иногда мы собираемся, болтаем, слушаем пластинки, танцуем. Каждое лето я путешествую, большей частью

с помощью попутных машин. Хотел бы, чтобы многие могли так поездить. Они бы обнаружили, что люди повсюду одинаковы... А этим летом мне пришлось поработать, чтобы скопить денег.

— А девушки?

— Конечно, мы встречаемся с девушками, а иногда и ночуем друг у друга. Хотя теперь, когда мы узнали, что шведских студентов считают плохими любовниками, это стало труднее. Вообще-то я согласен с теми девушками, которые так написали. Все это носит какой-то уж слишком деловой характер. Люди встречаются, спят друг с другом, а на другой день снова встречаются, как будто ничего не случилось. Это не способствует развитию чувств.

— Религия?

— Не чувствую в ней потребности, по крайней мере пока.

...Я лишь немного сократил интервью, в котором речь шла также о производственной демократии, а тема женского труда и отдыха молодежи развивалась несколько подробнее.

МОЛОДЕЖНЫЙ ЦЕНТР «СПАЛЬНОГО ГОРОДА»

Молодежный дом, или молодежный центр Рогсведа, размещается на втором этаже торгового центра, рядом с кабинетом зубного врача и конторой рекламной фирмы.

Мы с Ириной никого не предупреждали о приходе. Поднялись по грязноватой лестнице на второй этаж. Доска объявлений у входа была испещрена надписями. Здесь были шведские варианты наших «Люба+Миша=любовь», только без математических символов: имена Евы и Улле неизменно располагались по обе стороны пронзенного стрелой сердца. Были адреса и телефоны каких-то девиц и парней, а также кое-что похуже — например, несколько изображений свастики и размашистая надпись поперек всей доски: «Адольф Гитлер».

На барьере гардероба несколько подростков курили сигареты. Никто не обратил на нас внимания. Заве-

дующей домом не было, и нам предложили поговорить с Бертом.

Высокий статный красавец с бородкой, в старых голубых джинсах и кожаном жилете поверх расстегнутой белой рубашки, не удивился гостям. Оп, Берт Йонссон, работает в этом доме пять лет, но едва ли сможет заменить заведующую. Впрочем, он попробует.

У Берта громкий, сильный голос, перекрывающий гвалт коридора. Резинка, которую он не выпускает изо рта, несколько не мешает ему.

Признаюсь, первое впечатление было не из приятных. Значит, этот верзила, внешним обликом подделывающийся под раггаров и отчасти под модс, завоевывает здесь сердца? И эта свастика на доске...

Оттого, что коридор был полукруглым, без перспективы, дом казался особенно маленьким и тесным, не больше фойе нашего среднего Дома культуры. Всюду толкались парни и девушки, клубы дыма плавали под низким потолком, где-то за дверями неумело плакал саксофон.

Сколько посетителей бывает в этом доме?

— Обычно сто тридцать — сто сорок, — сказал Берт. — Иногда по субботам, когда кино и танцы, — шестьсот. Рекорд — восемьсот пятьдесят.

— Здесь?!

— Да. Бывает немножко жарко, градусов тридцать.

Дом принимает всех в возрасте от 14 до 20. Таких в Рогсведе примерно 700 человек. Откуда же 850?

— Наши двери широко открыты. Приезжают из окрестных поселков, даже из Стокгольма. Нет, не потому, что у нас лучше. Просто молодежь не любит сидеть на одном месте. Наши тоже ездят к соседям. Мы считаем, что своих, рогсведских, приходит самое большее двести пятьдесят человек. Гардероб как раз и рассчитан на столько мест.

Но где же большой зрительный зал? Оказывается, нет такового. Да и зачем он нужен? Дом молодежи не должен подменять ни кино, ни театр. Он должен быть «домом».

Все очень просто, без затей. Ни колонн, ни лепных карнизов, ни бархатных портьер. Кажется, кроме кро-

хотного кафе, нет комнат, которые имели бы одну функциональную нагрузку.

Вот спортивный зал. Зал? Но он едва вмещает три стола для настольного тенниса. В конце вечера теннисисты должны убрать не только ракетки, но и вынести столы: зал в их распоряжении по понедельникам и субботам, остальные дни поделены между гимнастами, гиревиками и кем-то еще.

В соседней большой комнате рогсведские «битлзы». Причесаны под своих кумиров. Одновременно репетируют по меньшей мере три ансамбля. Ничего, сосуществуют. А после репетиций здесь же будут показывать фильм. Потом здесь же будет еще что-то: самая большая комната расписана по часам.

«Комната хобби». Делай, что хочешь, все, что тебя увлекает. Сегодня она отдана любителям карточной игры. За тремя столиками играют в бридж, потягивая кока-колу и лимонад.

Карточные игры в молодежном клубе? Но, во-первых, бридж — игра сложная, есть даже специальные пособия для овладения ее искусством. И потом, если кто из молодых уже играет в карты, то, может, действительно лучше, чтобы это происходило не на задворках, где темные личности обыгрывают новичков? Здесь, в клубе, за игрой следит тот же Берт, а иногда приходит инструктор, великий знаток бриджа.

— Завтра тут соберутся радиотехники. Послезавтра — репетиция любителей сценического искусства. Мы думаем, что едва ли правильно отдавать своим увлечениям все вечера. Ведь у каждого, кроме хобби, есть еще свое дело. Надо готовить уроки, например.

Кухня. Сегодня здесь девочки пекли оладьи, теперь они угощают своих знакомых в соседней комнате. Эти знакомые — конечно, парни? Нет, тоже девчушки, парней всего двое, они чувствуют себя не очень ловко.

Обычно общество не бывает смешанным. Если же решено собраться вместе, на кухне бывает большая готовка. Железное правило: оставь все таким же чистым, каким брал. Посуду моют все вместе, и юноши справляются с этим не хуже подруг.

Берт Йонссон очень свой в этом доме. Он обменивается шутками с девушками, заглянул на ходу в кар-

ты игроков в бридж, что-то вполголоса сказал парню, с хмурым видом стоявшему у стены. У него врожденный дар общения. Или это специальное педагогическое образование? Берт отрицательно качает головой:

— Я работаю в фирме, занятой убоим скота. Думаю, однако, что мое призвание — быть здесь. Может, когда-нибудь стану заведовать таким же Домом молодежи. Сейчас мне платят почасно. Во всем доме только один штатный работник — заведующая. Остальные — их двадцать, от уборщиц до косметичек — приходят, когда в них есть нужда. Мы заполняем особый листок, где сказано, какие часы был занят каждый и что именно сделал.

— Вы упомянули косметичек. Простите, но...

— А-а! Пожалуйста, сюда.

Комната напоминает артистическую уборную. Вдоль стен стоят столики с зеркалами-складнями. В углу составлены швейные машины.

— Здесь учат правильно употреблять косметику. Уходу за кожей, за волосами. Тут же преподают основы парикмахерского дела. Пожалуй, даже не основы, а нечто большее. Некоторые девочки научились делать перманент. А вы знаете, сколько стоит перманент в парикмахерской?

— Сорок крон, — уверенно отвечаю я. — А укладка — десять-двенадцать.

— Совершенно верно. — Берт удивленно смотрит на меня. — Сорок крон — не малые деньги. Есть смысл научиться, как вы думаете?

Нам осталось осмотреть мастерские. Помещение — не более двадцати квадратных метров, но чего только тут нет! И верстак, и станки, и инструментальные наборы, и даже электрическая печь для обжига керамики.

— Если кто сломал или испортил какую-нибудь вещь в этом доме, он должен сам починить ее здесь. Но можно принести сюда работу и из дому. Или просто мастерить, что вздумается.

Берт снова напомнил, что пускают в дом не только своих, но и всех желающих. У своих, рогсведских, которые платят по десять крон в год за членскую карточку, лишь одно преимущество: скидка, когда пока-

зывают фильм или когда затевают танцевальный вечер с приглашенным платным оркестром.

— А если свой или чужой парень приходит под хмельком?

— Мы говорим ему: «Парень, ты сегодня для нас не подходишь, ты сегодня здесь лишний».

— И он?

— Он понимает, что ему лучше уйти без пререканий. — Берт улыбается, показывая глазами на ладных, спортивного вида парней, которые вышли покурить в коридор.

Мы уже совсем собирались уходить, когда на огонек субботнего вечера в дом заглянул Свен Кваршель, работник инспекции по охране детства.

Мы уселись в крохотной комнатке заведующей домом. Нет, дом, конечно, не стал центром для всей местной молодежи. Те, у кого больше свободного времени и денег, уезжают развлекаться в Стокгольм. Только часть молодежи Рогсведа знает сюда дорогу. И, вероятно, лучшая часть: рабочие парни, подростки из небогатых семей.

Конечно, в маленьком рогсведском мирке есть и модс, и сюнар, и несколько раггаров. Но инспектор думает, что большинство из них — хорошие ребята.

Всем им в материальном смысле живется куда легче, чем жилось родителям в их годы.

— Молодежь начинает работать в восемнадцать-девятнадцать лет, сразу прилично зарабатывает, родители не требуют от них большого вклада в общие семейные расходы, они могут много тратить на себя... Но...

Все то же «но». Материальное благополучие — и духовная бедность, постоянная неудовлетворенность всем и вся. Против чего протестуют модс, если обратиться не к внешнеполитическим делам, не к вьетнамской трагедии? Против прекрасно функционирующих институтов, представляющих собой основу современного шведского общества.

— Модс — самые юные из «бунтующих». Среди них много школьников. Они скептически относятся к политическим воззрениям, к моральным и религиозным ценностям большинства. Но, может, процесс значительно глубже, чем мне представляется.

Как и большинство шведов, г-н Кваршель не навязывает собеседнику собственных категорических суждений, не настаивает на собственной непререкаемой правоте.

— Мне лично больше всего нравятся именно модс, — продолжает инспектор. — Нельзя судить о них по внешнему виду. Среди модс есть натуры тонкие и глубокие, а вовсе не крикуны, которым больше всего хотелось бы выделиться, привлечь к себе внимание.

По мнению г-на Кваршеля, едва ли можно говорить о какой-то организации модс. Скорее они группируются по пословице «рыбак рыбака видит издалека».

Инспектор попытался резюмировать свои наблюдения:

— Раньше в нашем обществе дети выходили из-под влияния родителей лет в восемнадцать-девятнадцать. Теперь родительский авторитет утрачивается гораздо раньше. Но, может, это не должно нас особенно тревожить. Обычно авторитет взрослых позднее принимается снова. Мое личное мнение — наша молодежь совсем не так уж плоха. За последние десять лет юноши и девушки стали больше работать с книгой. Несомненен рост их интеллектуальности. Да, многие молодые как бы бросают вызов нашему обществу. Они нарушают правила привычной внешней респектабельности. Но они любознательны. Они интересны. Они ищут.

* * *

Пора прощаться с Рогсведом.

Я привык к его башням, к желтому подсолнуху у детской площадки, к дневной тишине и безлюдью между двумя электричками. Он уже не кажется мне праздничным и нарядным, как в первый день.

Но теперь мне по-человечески ближе этот «спальный город», где за стенами башен радуются, огорчаются, расчетливо считают кроны, тревожатся за детей, в одиночестве сидят у телевизоров люди с далеко не легкой и вовсе не беспечальной судьбой.

И вся Швеция, которую я знаю вот уже скоро пятнадцать лет — пусть наездами, пусть недостаточно полно и глубоко, — не представляется мне ни вблизи,

ни издали этакой красивенькой идиллической страной, словно бы специально созданной для воспроизведения на лакированной обложке туристского проспекта. У шведов много поучительного, интересного, хорошего, такого, чему иной раз позавидуешь, и еще как позавидуешь! Но «государство благосостояния», да еще «всеобщего», но «дом для народа»?! Боюсь, что изрядно стершиеся определения эти употребляются даже в самой Швеции скорее по привычке, без веры, что в них — отражение подлинной природы вещей.

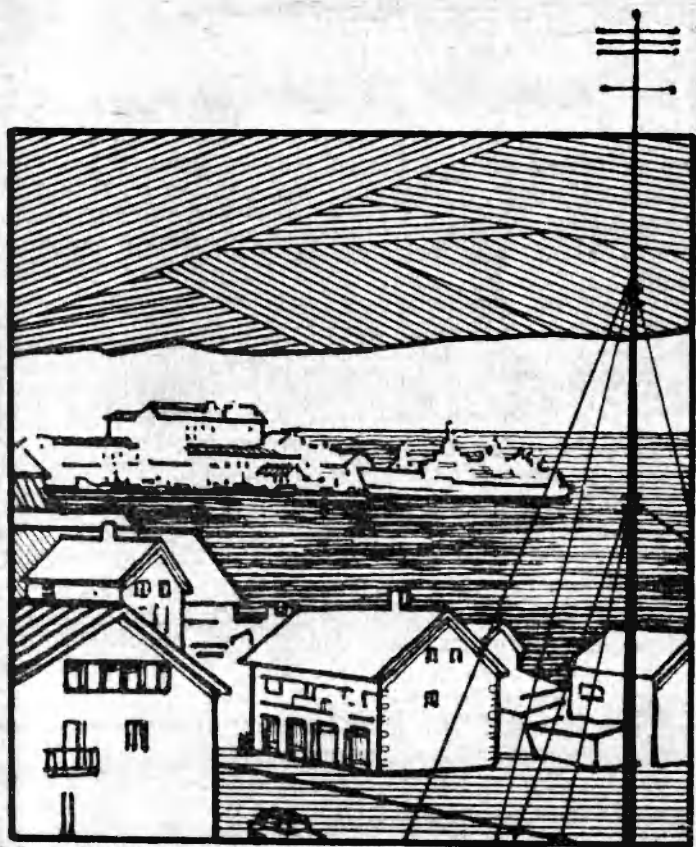
ХОЖДЕНИЕ К НОРВЕГАМ

ПЕРЕТАСКИВАЕМСЯ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

Вчера днем мы были в Мурманске, ночевали в Никеле, сегодня должны перейти границу.

Едем к ней в маленьком автобусе. Дорога проложена по лесотундре. Поблескивают холодные чистые озера.

Недалеко от заставы на глыбе гранита поднимает

ствол пушка. Местный скульптор-пограничник вылепил барельеф и для выразительности раскрасил его: зеленые танки идут в атаку среди валунов, коричневые сопки тянутся по горизонту.

Возле пушки — кладбище. Под корявыми полярными березками лежат солдаты, павшие у самого края родной земли.

Мы выгрузились у заборчика со шлагбаумом и пограничным столбом. За узкой полоской земли был другой заборчик, уже норвежский. Его продолжали совсем жидкие, легкомысленные заграждения из неколючей проволоки: приподними рукой и пролезай спокойно.

— Это не для людей, — пояснил пограничник. — Это норвеги натянули, чтобы ихние олени к нам не ходили. Тут у них поблизости олени пастбища.

Наших соседей северяне по старинке называют не норвежцами, а норвегами.

Но где же привычная распаханная полоса, на которой остаются следы любого живого существа, покусившегося пересечь границу? Нет здесь этой широкой полосы. Еще не существует плугов, чтобы распахивать гранит, чтобы тщательно разравнивать его бороной. Впрочем, тонкий насыпной слой земли, прикрывающий все же камни, достаточен для отпечатка следа.

Граница в кольской тундре охраняется особенно зорко. По другую ее сторону не просто Норвегия. Там — НАТО.

Однако внешне все выглядело почти по-домашнему. В зарослях ольхи насвистывала пичуга. По тропинке к озеру прошел солдат с тремя удочками. С фуражки свисала сетка из черного тюля, спасающая от комаров. Такие носят и в сибирской тайге.

Нас было пятеро, и у нас было восемнадцать мест багажа, в том числе несколько больших картонок с матрешками, хохломскими ковшками и украинской керамикой, а также тяжелые ящики с кинопередвижкой. Все это добро мы подтащили к самой границе, которая была заперта на замок — на обыкновенный амбарный замок, изготовленный в приокском городе Павлове. Замок висел на воротах со шлагбаумом.

Формальности заняли... Да почти ничего они не заняли. О приезде нашей делегации сообщили сюда из Мурманска. Пограничники знали, кто мы и что мы.

Офицер расспросил о московских новостях, посмотрел паспорта и поставил в них печать контрольно-пропускного пункта.

Точно в назначенное время с другой стороны к границе подошел норвежский офицер, дружеским поднятием руки приветствуя наших пограничников.

Замок на воротах так и остался висеть. Нам открыли калитку, и мы начали перетаскивать свое барахлишко в Норвегию. Каждый пересек границу три-четыре раза. Наконец последний ящик оказался за границей, калитка закрылась, и наш офицер приложил руку к козырьку фуражки:

— Ждем вас обратно пятого августа в семь ноль-ноль. Счастливого пути!

А из Норвегии навстречу нам из группки встречающих неслись восклицания:

— Ра́иса! Ра́иса!

Норвежский офицер пригласил всех в уютный домик своей пограничной заставы. Мы прошли в ворота, сделанные из двух не тронутых топором стволов карельской березы. Мне приходилось видеть такие на хуторах в горных районах Норвегии.

Возле маленьких столиков стояли удобные кресла. Было похоже, что сейчас принесут кофе: домик напоминал норвежские придорожные кафе. Но принесли анкеты.

Однако что это за удивительно знакомый норвежец поднимает рюмку на большой фотографии, висящей в рамке напротив столика? Да ведь это Евгений Долматовский! Поэт, должно быть, тоже переходил здесь границу пешим ходом.

Через десять минут мы мчимся по шоссе в Киркенес. Мы — это владеющая норвежским языком ленинградка Раиса Алексеевна Казанцева, уже бывавшая на севере страны (именно ее приветствовали возгласами «Ра́иса! Ра́иса!»), артистка-кукольница Марта Владимировна Цифринович, кинорежиссер Василий Сергеевич Ордынский, артист Борис Георгиевич Уваров, нежно обнимающий громоздкий футляр с аккордеоном, наконец, автор этих строк.

Нас пригласили друзья из общества «Норвегия — Советский Союз». Мы должны побывать в нескольких небольших городах и поселках крайнего севера стра-

ны. На оплату гостиниц денег у наших друзей нет, и мы будем ночевать у тех, кому интересно и приятно поговорить с гостями из соседней страны. Пробираться от одного поселка до другого придется подручными средствами: где на машинах, где на рыбацких парусниках, где на попутных пароходах.

А пока — в Киркенес. Затиснутые в маленьких машинах плотнее плотного своими ящиками, мы с трудом шевелим затекшими ногами и едва ворочаем шеей, пытаясь осмотреться. Спутники наши молчат. К этому надо привыкать. Общительность норвежцев столь сдержанна, что южанин может прийти в отчаяние.

Наконец человек, сидящий за рулем, открывает рот:

— Первый хороший день за все лето. Вам повезло.

День и верно отменный: синее небо, ласковое солнце. И как наряден в его лучах Киркенес, который открывается на повороте дороги! Он просится на цветную пленку со своими разноцветными домами, рассыпавшимися по невысоким холмам. Но я даже не пытаюсь высвободить фотоаппарат, вдавленный мне в бок картонным ящиком с керамикой.

СОЛДАТ НА ХОЛМЕ

Нас развозят по домам. Я буду жить в красном доме на пригорке. В нем обитают Курт Мортинсен, его жена Энни, сын Бьёрн и дочь Лилиан. Еще в доме есть ласковый пес Боббэн.

Решено, что вечером мы соберемся у кого-нибудь на квартире, а днем посмотрим Киркенес. По нашим понятиям это небольшой город: всего около пяти тысяч жителей. На севере Норвегии мерки другие. Киркенес обозначен на картах внушительным кружком, название выведено крупными буквами.

Двухэтажные, большей частью деревянные дома пестро раскрашены. Именно раскрашены, а не окрашены. Окраска — это что-то будничное, обычное, тогда как здесь выбраны буйные, дерзкие цвета, такие, чтобы их не могла погасить небесная хмарь, большую часть года висящая над северными фиордами. Навер-

ное, по той же причине и наш скульптор-пограничник раскрасил свой барельеф.

Мы приехали в хорошее время. В палисадниках цветет рябина. Под ее нежно-кремовыми пахучими соцветиями на одном из заборов прибит оранжевый почтовый ящик с позолоченной короной и рогами, в какие прежде трубили кучера почтовых дилижансов. Он броский, веселый — последний, завершающий мазок на картине.

В городе нет больших зданий. Все здесь соразмерно, пригнано по росту. На фронтоне скромной ратуши — три фигуры: рыбак со здоровенной треской, крестьянин, который совершенно на русский манер точит косу, и горняк с отбойным молотком. Это трудовая символика Киркенеса и его округи.

Из трех фигур главная — горняк. Над городом поднимаются трубы железорудного комбината «Сёрварангер». Каждая семья киркенесцев так или иначе связана с этим единственным крупным предприятием города. Мой хозяин Курт Мортинсен возглавляет местный профсоюз горняков. В Норвегии каждый союз имеет собственное звучное название. Киркенесским горнякам понравилось — «Скала севера».

Курт днем занят. Энни — тоже. Нас берет под покровительство Ингеборг Кристенсен. Для начала она собирает всех, чтобы напоить кофе.

Как и наши поморы, норвежские северяне любят, чтобы в доме было просторно и светло. Совершенно русские половики, сотканые из тряпочек, устилают пол. Хозяйка привычно снимает у порога башмаки. Следуем ее примеру. Она протестует, но не очень.

В комнатах корабельная чистота. Источают сияние даже такие вещи, которым сиять вроде бы и не полагалось, — например, деревянные скамеечки или полки.

Стену украшает написанная маслом картина: бриг под всеми парусами спорит с сердитым, штормующим морем. По бокам в черных лакированных рамках — фотографии молодых пар в свадебных костюмах. На одной, уже изрядно выцветшей, сама хозяйка с мужем. На остальных — дети.

— Скоро прибавится еще одна: старший внук, — говорит Ингеборг. — Раиса, ты приедешь на свадьбу?

Ингеборг удивительно моложава. На вид ей лет со-

рок с небольшим. Проворные руки мгновенно расставляют чашечки с кофе.

— В Мурманске, наверное, было много солнца, вот вы и прихватили с собой в Киркенес, — смеется она. — Но вы, надеюсь, не поскупились? Хватит его на неделю?

— А что показывает ваш барометр?

И я киваю на заинтересовавший меня самодельный странный прибор.

Хозяйка хохочет:

— Раиса, расскажи им!

Оказывается, деревянная тарелка с голубыми и желтыми цветочками и деревянной стрелкой — барометр домашней погоды. Или, вернее, барометр на строения хозяйки дома. В центре написано: «Сегодня жена...» А какова жена сегодня, показывает стрелка, которую хозяин дома поворачивает к соответствующей надписи на ободке тарелки. Оттенков много: «милая», «чудесная», «подходящая», «обычная», «злая», «истеричная», «мрачная». Сегодня стрелка показывает: «обычная».

А что за здание изображено на цветной фотографии, занимающей почетное место рядом с барометром?

— Это наша новая гимназия.

Разве Ингеборг — учительница? Нет. Тогда, должно быть, ее муж учитель? Тоже нет. Просто школа новая, очень хорошая, все в Киркенесе гордятся ею.

— Вы ее сейчас увидите.

Дом Ингеборг — на скалистом пригорке. Спускаемся прямо к гимназии. Да, хороша, ничего не скажешь! Жаль, что нельзя войти внутрь: каникулы, все на замке, а сторож увез ключ с собой на рыбалку.

Ингеборг раскланивается с редкими прохожими. Тут все знакомы друг с другом. И уже знают, что за люди с фотоаппаратами поспешают за проворной Ингеборг. Сдержанножимают руку, сдержанно улыбаются.

— Хорошая погода, весь Киркенес на улице, — говорит Ингеборг.

Мы переглядываемся: навстречу нам попало человек двадцать, ну от силы тридцать. Проехали несколько велосипедисток с малышами в корзинках, приделанных к раме. Один раз вывернула из-за угла чер-

Стокгольмская ратуша стала как бы символом шведской столицы.
Над главной ее башней — три золотые короны.

Королевская библиотека в Стокгольме. Владимир Ильич Ленин
работал в ее читальном зале

Шведские строители. Новые небоскребы
Стокгольма созданы их руками.

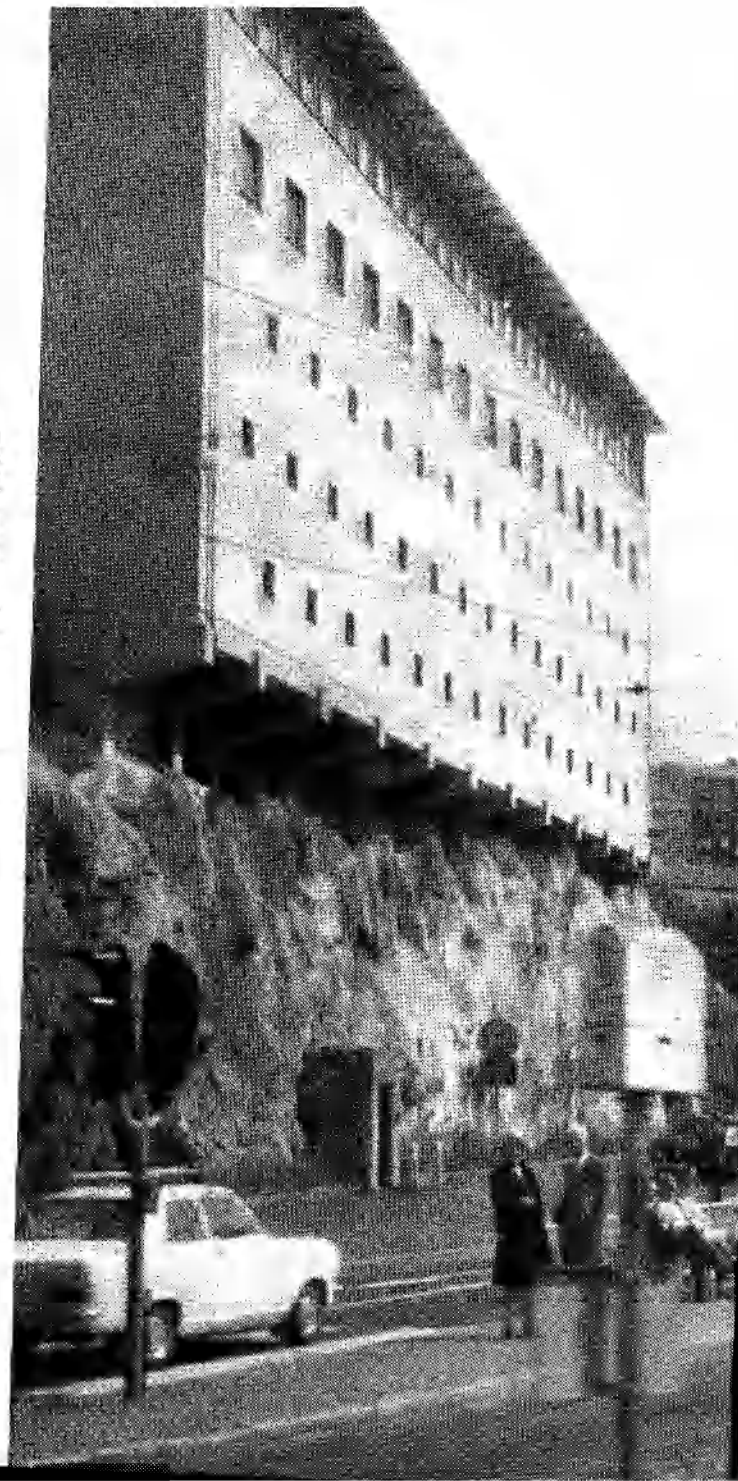

Зеленый человечек засветился на светофоре уличного перекрестка. Это просто шведы, обыкновенные прохожие, спешащие пересечь улицу...

И еще кусочек шведской уличной жизни: «толкучий» рынок в провинциальном городе.

Шведы умеют строить на границе так, что склал становится украшением улицы

На груди — «мишень», пронзенная «пулями». Может, он воображает себя героем очередного гангстерского кинофильма? А вернее всего, просто купил модную рубашку...

Еще один модник...

Тут, как видно, общий язык найти трудно...

Типичная застройка шведских «спальных городов»; дома-башни среди леса...

...и не менее типичный сельский пейзаж: одиночные фермы возле дороги.

Треска, провяливаемая на жердях возле домиков рыбацкого поселка... Верный признак: мы — на севере Норвегии.

На нашем севере норвежцев многие по старинке называют норвегами. Тогда это — норвежонок.

Новая школа — гордость Киркенеса. Город был сожжен гитлеровцами. Строить его школы помогали сотни норвежских учителей, бывших узников фашистского концлагеря под Киркенесом, которых киркенесцы спасли от голодной смерти.

Родильный дом в сожженном Вадсе, над которым по норвежской традиции — аист, также построен на средства, собранные для жителей районов, пострадавших от гитлеровцев.

Хаммерфест. Обелиск, поставленный у северного конца дуги меридиана. В прошлом веке от Дуная до севера Норвегии ее измерили русские и скандинавские геодезисты.

Дом, в котором мы жили у семьи Кристиансен, — самый большой в Хаммерфесте.

В бухте Хаммерфеста главенствуют корпуса концерна «Финдус»
Многое, очень многое зависит в этом городе от «Финдуса»...

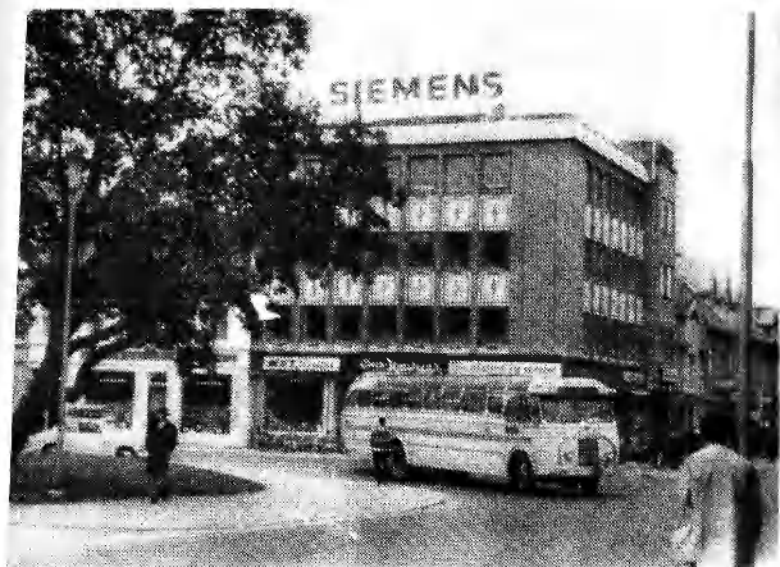
Скалы и море. Ни одного деревца. Дома с редкими окнами, чтобы лучше хранить тепло в долгую зиму. Таков суровый мир рыбацкого поселка на севере Норвегии.

Корабли возле поселка останавливаются далеко на рейде. Пассажиров доставляют туда суденышки вроде этого вот «ноева ковчега»..

Зато уже забавная история, вроде запечатленной здесь, когда незадачливый рыболов поймал чайку, на лету проглотившую наживку вместе с крючком, будет рассказываться долго-долго...

Тромсё, самый большой город норвежского Заполярья, называют иногда «Северным Парижем».

Но разве в настоящем Париже вы имеете возможность сесть верхом на белого медведя, выставленного у магазина сувениров?

ная полицейская машина с мигалкой на крыше кузова. И это «весь Киркенес»?

Ингеборг тянет нас в небольшой магазин готового платья. Зачем? Чтобы познакомить с дочерью. Ее зовут Ирина, это ее магазин. Но у Ирины есть главное увлечение: она пишет рассказы о жизни Северной Норвегии. Так, значит, Ирина писательница? Да, но она еще пока не знаменита. Ей удастся печатать рассказы только в местной газете. У Ирины трое детей, магазин, дом, и пишет она по ночам.

Мне хочется подробнее расспросить ее, но Ингеборг торопит: мы ведь видели только часть Киркенеса, это все-таки довольно большой, интересный город.

Воспользовавшись ясным днем, хозяйки сушат белье на сооружениях, напоминающих каркас огромного зонта. Простыни и наволочки развеваются на его спицах.

Кое-кто подкрашивает забор или фасад домика. Ингеборг останавливается возле маляра-любителя и рассказывает о нас. Маляр, отложив кисть, степенно кивает головой. Узнав, что я написал в Советском Союзе повесть о Фритьофе Нансене, он замечает, что, может быть, в северных городах мне удастся найти людей, встречавшихся с великим норвежцем. Конечно, прошло много лет, но северяне живут долго, так что есть надежда.

— Нансен был лауреатом Нобелевской премии, теперь ваш Шолохов тоже лауреат, — добавляет он.

— А помните ли вы, на что Нансен истратил свою премию? — спрашиваю я.

— Конечно. Он построил на эти деньги для ваших крестьян два образцовых сельских имения в той местности, где в России вскоре после революции был особенно страшный голод.

Нансен почитается всеми норвежцами. В этом я много раз убеждался во время прежних поездок по Норвегии. На севере, в краях, где родилась его слава, знают и помнят не только арктические приключения, но и все, что в биографии Нансена связано с Россией, с Советским Союзом. Наверное, потому, что история норвежского севера тесно переплетается с нашей.

И еще одно тому свидетельство — памятник в Киркенесе.

Мы пришли к нему днем. У меня заклинилась в фотоаппарате пленка, и я вернулся к холму с памятником еще раз, чтобы сделать снимок при полуденном солнце. Было тихо и безлюдно, птицы смолкли, лишь издалека, с фиорда, доносился стук рыбацкого мотора.

На холме над самым Киркенесом стоял наш солдат. Крепкий, ладный, с автоматом в руках. Подле постаumenta сохранилось что-то вроде бункера. Пестрели в траве полевые цветы, только у нас под Москвой они майские, а здесь — июльские. Пожухшие венки и букеты — много маленьких букетов — лежали у подножия памятника.

В самом конце войны по лондонскому радио выступил норвежский лейтенант. Он только что вернулся с севера своей страны, где воевал бок о бок с русскими, освобождавшими норвежскую землю. Запись его выступления сохранилась. Лейтенант говорил о таких вот крепких русских парнях, что стоит теперь над Киркенесом. Норвежец сказал, что по характеру они напоминают скорее мирных охотников, чем наводящих ужас завоевателей.

— Я перешел границу ночью вместе с русским солдатом, — рассказывал лейтенант. — Светило полярное солнце. На опушке леса мы увидели вдруг типичный маленький низенький домик, окрашенный в красный цвет с белыми кантами по краям. Такого нельзя увидеть ни в одной стране, кроме Норвегии. Русский засиял, как солнце. «Норвежский дом! — крикнул он. — Норвежский дом! Твой дом, теперь ты у себя дома, опять дома!..»

Лейтенанта, выступавшего по лондонскому радио, звали Тур Хейердал. Еще не были срублены бальзовые деревья для плота «Кон-Тики», и странному словосочетанию «Аку-Аку» суждено было появиться на книжных обложках лишь немало лет спустя.

Лейтенант Тур Хейердал рассказал эпизод, относящийся к заключительным боям великой войны, к операции не самой громкой, но по-своему очень значительной, которая свела вместе наших и норвежских воинов. Напомню о ней самой короткой справкой.

Утром 7 октября 1944 года после артиллерийской подготовки 14-я армия Карельского фронта и моряки Северного флота начали решительное наступление.

чтобы освободить от гитлеровцев северный край нашей земли. Здесь врагу, вторгшемуся в начале войны с территории Финляндии и оккупированной Норвегии, удалось продвинуться меньше, чем где-либо на огромном протяжении фронта. Отборные немецкие горнострелковые части были остановлены всего в тридцати-сорока километрах от границы и оставались здесь в укреплениях мощного оборонительного пояса до тех пор, пока наше октябрьское наступление не заставило их покатиться прочь.

18 октября 1944 года советские войска вышли к норвежской границе. Перед ними открылась земля соседа, занятая врагом. Король и правительство Норвегии находились далеко, в Лондоне. Еще весной было подписано соглашение о переброске на советский север норвежских частей для участия в освободительных боях. Но переброска эта задержалась, прибыли только небольшие патрульные группы. А время не ждало: гитлеровцы стремились перегруппировать для отпора свои потрепанные части. Наши войска перешли границу и вскоре начали бой за Киркенес, тщательно укрепленный гитлеровцами.

Русский солдат с автоматом в руках, который смотрит теперь на город с гранитного холма, пришел сюда как освободитель.

ДЕТИ ТОННЕЛЯ

Вечером мы в доме Альфхильд Сёренсен, секретаря местного отделения общества «Норвегия — СССР».

Над камином в ряд подвешены шесть русских подстаканников со стаканами: норвежцы пьют кофе из чашек, подстаканник для них такая же экзотика, как балалайка. И здесь по стенам снимки свадебных пар. На окнах пламенеют герани. Ароматичный дым клубится в косых солнечных лучах. Мужчины и женщины, шурша бумажными пакетиками с табаком, ловко свертывают самокрутки: сигареты дороги.

Рассказывает Курт Мортинсен, хозяин дома, давшего мне приют. Он худощав и бледен: тех, кто работает на комбинате, сразу можно отличить от загорелых, обветренных рыбаков.

Курт рассказывает о «тоннеле». Я слышал уже и раньше о том, как гитлеровцы хотели насильно угнать всех жителей Киркенеса на запад, к Нарвику, но киркенесцы от мала до велика укрылись в штольнях. Немцы пригрозили взорвать штольни и уже заложили мины, когда подоспели наши разведчики.

Так вот, Курт отсиживался в главной штольне, или, как ее называли, в тоннеле. Энни, нынешняя его жена — тоже. Курту было пятнадцать, Энни — десять. Он говорит: «Мы — дети тоннеля».

В его воспоминаниях не драматическое, а озорно-мальчишеское восприятие происходившего. Я постарался записать рассказ Курта дословно.

— Стало ясно, что русские близко. Сначала важные немцы прибежали с женами из капитулировавшей Финляндии в Киркенес. Потом они стали исчезать и из Киркенеса. Приказ: нам следом за ними. Всюду расклеено обращение уполномоченного полиции: норвежцы, спасайте жизнь от нашествия русских варваров, бегите от насилия, безбожья и морального падения! Приехал начальник всей полиции Норвегии — это было ближе к концу октября. Он выступал с речами: большевистские орды поработят вас, бегите! Но его мало кто слушал. Тогда немцы попробовали сгонять людей и увозить на грузовиках. После этого почти все ушли в штольни. Взяли туда же коров и коз. Началась подземная жизнь. Мы, мальчишки, не считали ее ужасной. Было даже интересно. Потом стало слышно, как стреляют. Ближе, ближе. Двадцать первого октября немцы стали жечь Киркенес.

Хозяйка, прервав Курта, достает альбом. Вот Киркенес в 1935 году: тихий городок, маленький, нарядный. 1945 год. Торчащие печные трубы, дым, развалины. Это Киркенес, но так выглядели и Жлобин, и Рогачев, и Белая Церковь, и Нарва. Почерк один: зона пустыни. В Киркенесе уцелело двадцать шесть домов.

— Когда город стал гореть, — продолжает Курт, — немцы сказали, что это подожгли русские: неподалеку был лагерь, куда согнали на работы людей из оккупированных районов. Но когда наивные попробовали тушить, фашисты вынули пистолеты. А потом мы увидели гитлеровцев, льющих бензин из канистр. И тут стали взлетать на воздух наши дома.

В тоннеле мы сидели дней десять. Там люди умирали и рождались. Но вот внезапно появился первый русский офицер. Это был лейтенант. Он сказал что-то по-русски. Нашлись люди, которые знали его язык. Лейтенант сказал: «Ну, свобода! Теперь вы можете вывесить ваш флаг!» И тогда мы запели наш гимн: «Да, мы любим эту страну», а потом «Интернационал». Это был хороший хор!

Вообще-то Курт, должно быть, спокойный, даже несколько флегматичный человек. Но воспоминания волнуют его, голос прерывается. У Энни слезы на глазах.

— Мы, мальчишки, вернувшись в Киркенес, стали, конечно, рыскать по пожарищу. В развалинах какого-то магазина уцелели тарелки. Мы набрали их. Зачем? Не знаю... А тут вдруг — ваша амфибия. И мы очень испугались, потому что немцы говорили, что русские нас, возможно, съедят. Встали с тарелками в руках «смирно», как мальчишки-паиньки. А из амфибии посмотрел на нас человек с киноаппаратом и махнул рукой: «Давайте, давайте!» Это был военный кино-корреспондент.

Нас не съели, но мы вскоре ели хлеб из русской муки. Мы поняли, что русских нечего бояться. И вот я и еще ребята пришли к уцелевшему дому, где расположились русские. И я сказал: «Это мой дом». Я сказал это офицеру, который вышел к нам. «Через два часа я освобожу твой дом», — сказал офицер. Нет, не сказал, а только показал на часы, но я понял. Через два часа мы пришли, он стоял у двери и позванивал ключами. Он повел меня в подвал, там была мебель, и он велел считать столы и стулья: все ли на месте? И если вы хотите, я покажу вам завтра этот «мой дом», потому что на самом деле он был не нашим домом, и мне потом было очень стыдно. А русские освободили все уцелевшие дома и сами спали в полушубках на снегу у костров. Когда им было очень холодно, они принимались плясать, и от них шел пар.

Мы шуровали среди развалин. О, как чудесно пахнет! Что это? Русские варят мясной суп. Я подошел, русский вынул из-за голенища ложку, протянул мне. И еще у них была водка, но я узнал ее вкус позднее. Русские дали оружие и пищу добровольцам, которые

пошли с ними прогонять немцев. Вот и весь мой рассказ.

— А как была фамилия офицера, который первым пришел в тоннель?

— Не знаю, — сожалеет Курт.

Позднее в воспоминаниях наших фронтовиков я нашел рассказ о том, как взвод лейтенанта Андрея Бахтеева, ушедший на разведку к руднику и станции Бьорневати под Киркенесом, встретил пожилого норвежца. Тот сказал лейтенанту, что в штольнях прячутся около четырех тысяч человек — мужчины, женщины, много детей — и что немцы поставили пулеметы у выхода, грозя всех перестрелять. Взвод Бахтеева, внезапно напав на гитлеровцев, перебил их. Бахтеев написал в донесении: «В спасении норвежского населения и имущества большую помощь оказал норвежский рабочий Хюго Енсен, который дал нам ценные сведения, а затем с оружием в руках принял участие в операции. Я организовал охрану населения, захваченного имущества и складов».

Так не был ли лейтенант Василий Бахтеев первым русским офицером, появившимся в тоннеле со словами: «Ну, свобода!»?

...О днях освобождения следом за Куртом вспоминают и другие гости Альфхильд Сёренсен. Да, если бы не русские, неизвестно, чем бы кончилось там, в тоннеле. Мины были заложены... И тот, кто побывал в штольнях, никогда не забудет принести букетик к памятнику на холме.

Кстати, спрашивают нас, знаем ли мы историю этого памятника. Сначала скульптор Фредриксен сделал макет: русский солдат попирает гитлеровского орла. Голова орла свешивалась из-под солдатского сапога. Макет одобрили. Но с сооружением памятника вышла долгая заминка. Уже начались разговоры об Атлантическом пакте. Когда, наконец, памятник открыли, никакого поверженного орла не оказалось.

— Он улетел в Западную Германию, — сказал кто-то под общий смех.

Василий Ордынский заводит речь о рыбалке. Хозяева совещаются. Да, можно! Холодно немножко, но вот есть кое-что, тут хватит всем. Появляется груда толстых свитеров грубой вязки.

Энни, однако, нужно домой, ведь время позднее, Бьерну и Лилиан пора спать. Но ребята не хотят и слышать о доме. Вот еще! Тотчас оба натягивают свитерки и рыбацкие сапожки, попутно награждая друг друга тумачами. Бьерну одиннадцать, Лилиан — десять. Их мать в эти годы знала страхи тоннеля.

Идем не прямо к фиорду, а делаем небольшой крюк. Хенри Юхансон, шофер грузовика лесопильного завода, показывает нам серый обелиск. На нем девятнадцать имен.

— Вы хотите знать о них? Видите, первый — Гуннар Берг. Он воевал вместе с вашими солдатами. Братья Сибблунд, Альф Эдгар и Одвар. Одвар погиб всего за два дня до освобождения Киркенеса. Он прыгнул с парашютом, долго отстреливался. Коре Фигенсхолл и Рикард Юхансен — оба партизаны. Опять два брата, Хенри и Яльмар Петерсен. Оба шли сюда вместе с вашим отрядом. Франца Освальда Верье казнили гитлеровцы. Это было в сорок третьем. Он помогал партизанам. Харри Йенсона тоже расстреляли. Вы слышали о Хельвольде? Так вот, Йенсон на своем боте переправил его к вам, в Россию. Гестаповцы узнали об этом.

Хенри Юхансен помнит многих из тех, чьи имена высечены на обелиске. В годы оккупации сам он помогал братьям Сибблунд.

Фиорд у Киркенеса не типичный, не щель в скалах, а залив с пологими берегами. По очереди добираемся в лодке к стоящему у буйка катеру. Первым на борт привычно прыгает рыжий пес Боббэн. Все быстро обнюхав, он занимает место на носу.

С нами человек десять, половина — женщины и дети. Посередине фиорда волна зло бьет катерок, летят брызги, ветер пронизывающий, однако всем и горя мало. Сменяют друг друга у мотора, забрасывают самолов, каждый умеет и может все.

Боббэн обижен тем, что чайки нахально садятся на воду подле катерка, пес ворчливо повизгивает, он хочет быть в курсе всех событий и то перескакивает на крышу каюты, то прыгает вниз, успевая кого-то лизнуть, кого-то цапнуть.

А с рыбой, увы, как в Подмоскowie: она так хорошо брала разноцветных червяков из пластмассы, но толь-

ко... вчера. Ордынский все же выловил двух рыбешек, наверное, самых маленьких в фиорде, причем одну поддел за глаз. Боббэн не устаивает его добычу даже обнюхиванием. Повизгивая, он ждет настоящей рыбы.

Холодно. У нас посинели носы. Появляется четвертинка «Московской». Все, кроме детей и пса, получают свою долю. Возвращаемся поздно. Солнце приспустилось за синие тучи. По улице бредет захмелевший турист в меховой, отделанной яркими тканями саамской шапке; саамов, древних кочевников тундры, здесь чаще называют лапландцами. Трое подростков играют в футбол. Читаю название улицы: имени Рисер-Ларсена. Это один из «орлиной стаи» Руала Амундсена, летавшей с ним над полярными льдами. Имя Рисер-Ларсена запомнилось с детства, может быть, потому, что на всех фотографиях он на две головы возвышался над остальными. И еще был красавец Омдаль.

— Да, кажется, есть и улица Омдаля, — говорит Курт. — Когда вы вернетесь в Киркенес, я узнаю точно.

В Киркенес мы вернемся после того, как побываем в других северных городах страны. Мы прилетим сюда из Тромсе и опять пешком перейдем границу 8 августа в 7.00.

А завтра — Вадсё. Это на другой стороне Варангер-фиорда, напротив Киркенеса.

«ГЛАВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО — КОНТОРСКОЕ»

Маленькое фойе, арендованное у кинотеатра, заставлено случайной мебелью. Фильм мы будем показывать не на экране, а просто на белой стене. Киноаппарат поставлен на стол в коридорчике, и там же раздвинута ширма с куклами Марты Цифринович.

Гости — здесь, впрочем, мы гости, а зрители хозяева — рассаживаются кто куда. Это преимущественно рыбаки Вадсё, принарядившиеся для встречи, и они очень похожи на наших, с которыми мы совсем недавно встречались в Мурманске. Кроме рыбаков, здесь молодой библиотекарь и учительница местной школы, которая привела с собой двух девочек-старшекласниц.

Рыбаки дымят самокрутками, вместо того, чтобы, следуя традиции, набивать прокуренные трубки.

— Русские приехали в Вадсё как друзья, — сказал председатель, пройдя к столу, на котором были наш и норвежский флажки. — Вы были, есть и будете нашими друзьями. Сейчас время отпусков, народу пришло не так много. Те, что пришли, принесли сюда добрые чувства. Мы покажем вам нашу природу, покажем, как живет наш Вадсё. Мое желание — чтобы вы чувствовали, что пришли в одну семью. Спасибо!

Настала наша очередь.

Борис Уваров, изрядно помучив своих киркенесских хозяев, сумел записать и разучить несколько норвежских северных мелодий. Я давно не видел, чтобы люди так безудержно, до слез хохотали, как во время «лекции о любви», которую прочла по-норвежски кукла Марты Цифринович. Близ полуночи начали смотреть фильм «У твоего порога». Солнце подглядывало сквозь занавески, в комнате было слишком светло, аппарат стрекотал, звук с экрана мешал слушать перевод Раисы Алексеевны, и все же зрители были сосредоточенны от первого до последнего кадра. Только раз все зашумели, задвигались: в исполнителе эпизодической роли офицера узнали режиссера фильма, сидящего теперь возле киноаппарата.

— Да, это действительно был я, — сознался потом Ордынский. — Актер заболел, к шинели же я достаточно привык на фронте, так что «вживаться» в образ не требовалось.

Он рассказал об этом за ужином, после просмотра фильма. На столе были бутерброды с помидорами, колбасой и сыром. Ароматный кофе дымился в чашках. Учительница расспрашивала меня о Евтушенко. Школьницы украдкой разглядывали Ордынского: они впервые видели живого киноактера и кинорежиссера. Рыбак, который год назад ездил с делегацией в Ленинград, сказал:

— Мы были на Пискаревском кладбище. Там лежат более полумиллиона человек. Мы видели у себя в Вадсё много фильмов о войне, и есть среди них такие, которые оправдывают войны. Ваш фильм другой, он очень человечный, и он показывает правду о войне. Мы должны бороться за мир, чтобы человечество жило.

Потом все спели под аккордеон несколько норвежских и русских песен. Точнее, мы раскрывали рты и невнятно мычали, пытаясь влиться в хор норвежцев, а затем роли менялись и мычали уже норвежцы.

Среди присутствующих меня заинтересовал пожилой человек с орденом Красной Звезды на пиджаке. Я намеревался поговорить с ним после вечера, но он, взглянув на часы, не дождавшись конца ужина, молча поднялся и исчез за дверью.

— Кто это? — спросил я соседа.

— Это? Ханс Вара, рыбак. Он помог спастись двум советским летчикам. Вы найдете здесь много людей, которые помогали вашим.

Вечер завершился лотереей. Девочка со смешными косичками тянула счастливый билет из выдавшей виды шляпы. Выигрыш пал на номер 21. Разыгрывался остаток денег, которые устроители вечера собрали между собой для покрытия расходов. «Главной юмористке» Марте Цифринович был вручен почетный приз — деревянный ключ от города Вадсё. Затем хозяйки собрали со стола в сумки и кошельки посуду, и все разошлись восвояси.

Так закончился наш первый день в Вадсё, долгий день полярного лета, часть которого мы бродили по городу.

С Киркенесом Вадсё роднит то, что и здесь все дома новехонькие, причем по той же причине. Но это разные города.

Нам рассказали о мальчугане, который писал в школе сочинение о своем родном Вадсё. Мальчик был серьезным, вдумчивым, наблюдательным. Он написал: «Самое главное производство в нашем городе — конторское».

Вадсё — административный центр большой провинции Финмарк, фасадом обращенной к Северному Ледовитому океану. Ее считают самым северным значительным сгустком населения в Европе. Жители Финмарка полагают, что так было и тысячу лет назад, потому что в здешних водах всегда водились киты, треска, сельдь и тюлени, а на скалах гнездились множество птиц, яйца которых можно было сварить, а пух из гнезд обменять на хлеб.

Финмарк суров и холоден. Норвежские исследова-

тели пишут, что здесь в зимние месяцы отсутствие солнечного света способно вызвать ностальгию и меланхолию. Некоторых неуравновешенных людей тьма полярной ночи доводит едва не до безумия, тогда как другие не только привыкли к ней, но и видят в здешней зиме даже свои преимущества. Мы не могли составить по сему поводу собственного мнения, поскольку попали в Финмарк в разгар лета.

Столица Финмарка скорее поселок, чем город. Даже «конторское производство» не имеет настоящего городского размаха: двести губернских чиновников да еще некоторое количество муниципальных. Не знаю, был ли школьник достаточно объективен для того, чтобы упомянуть в своем сочинении о двух фабриках, перерабатывающих креветок, бойне и фабрике селодочной муки, уравнивающих в городском балансе бюрократию с производством. Но Вадсё все же не имеет того сильного и деятельного рабочего ядра, которым славится Киркенес.

Самое занятное из новых зданий Вадсё — церковь. Если бы не крест, трудно было бы опознать в ней храм божий: совершеннейший модерн, последний вопль архитектурной моды. Позолоченное изваяние святого Петра, с ключом стоящего у входа в храм, кажется анахронизмом: управляемый на расстоянии робот был бы здесь куда уместнее, больше вязался бы с общим стилем церкви.

Вполне современны и все общественные здания города: школа, библиотека, родильный дом с искусно сделанным аистом на крыше и красным кленовым листом на дверях. Этот дом, как нам сказали, построен на средства, собранные «Женским норвежским санитарным союзом». Почти все общественные организации страны сразу после войны постарались сделать что-либо для особенно пострадавшего от оккупантов севера.

Сразу после войны...

Северяне считают, что теперь о них стали забывать.

— У нас остра проблема занятости, — услышали мы в Вадсё.

Туманный термин изобретен для прикрытия очень даже ясного понятия: безработица. «Безработный» —

это пугает. То ли дело «неполная занятость». Заняты, но не все.

Пока отстраивались сожженные и взорванные гитлеровцами города, никто из северян не сидел без дела. Теперь строят меньше и меньше. Особенно плохо строителям зимой, в полярную ночь.

Когда несколько лет назад между Норвегией и нашей страной было заключено соглашение о совместном использовании для строительства гидроэлектростанций пограничной реки Паз (она же Патсо-Йоки, она же Пасвик-Эльв), в Финмарке приветствовали самое главное, насущное для себя: будет работа. И вскоре норвежские строители возвели по заказу Советского Союза плотину и здание Борисоглебской гидроэлектростанции.

Советское правительство открыло туристам из Скандинавских стран район, прилегающий к гидроэлектростанции, для свободного посещения. Не требовалось никаких виз, достаточно было просто предъявить паспорт.

«Борис-Глеб», как стали именовать туристы новый район, очень быстро потянул к себе гостей. Я разговаривал в Вадсё с одним из них.

— О, там замечательный музей, церковь Бориса и Глеба, ваших святых! Масса интересных художественных и исторических произведений высшего класса. Я видел в музее модель вашего храма в Печенге, его построили без единого железного гвоздя. У нас тоже есть такие древние храмы, например в Боргунде, и это заставляет призадуматься об очень давних связях наших народов.

Все было хорошо, как вдруг...

Но сначала — маленькое отступление. В 1956 году в Осло мне тоже рассказали о сочинении норвежского школьника. Учительница выбрала тему: «Что я знаю о Советском Союзе?» И вот Ханс или Пер, дитя времен холодной войны, написал, что Советский Союз — огромная страна с очень развитой промышленностью. Особенно много в ней добывается железа. Так много, что его хватило для того, чтобы вдоль всех границ поставить чугунные столбы и укрепить на них сплошной железный занавес, за которым ничего не видно.

Забавно, скажете вы, но при чем здесь Борисоглебская гидроэлектростанция?

А вот при чем. Пока требовались советские визы,

правые норвежские газеты писали о трудности проникновения за «железный занавес». Когда визы отменили, норвежские власти осенью 1966 года неожиданно... запретили своим туристам переход границы у Борисоглебской ГЭС!

Почему? Потому, видите ли, что таким путем может «утечь важная информация о военных сооружениях НАТО». И еще якобы потому, что в борисоглебских магазинах водка стоит дешевле, чем в Скандинавских странах, и бедные норвежцы, шведы, датчане рискуют там спиться в самый кратчайший срок...

Вот вам и «железный занавес»!

СОШЛИ С КУРСА...

В библиотеке Вадсё меня заинтересовала старинная гравюра: бородатый воин, разглядывающий далекий берег с борта небольшого корабля.

— Это Оттар, вождь северных племен, — пояснил библиотекарь Ингер Берсет. — В конце девятого века он первым подробно описал север Норвегии. Оттар был богат, владел стадом в шестьсот прирученных оленей, получал дань от лапландцев и финнов. Однажды он захотел узнать, как далеко на север простирается его земля. Он плыл три дня и три ночи и достиг вод, куда до него проникали только самые отважные китобой. Но Оттар поплыл дальше и обогнул самый северный мыс — надо полагать, что это был нынешний Нордкап, — а потом плыл еще четыре дня на восток и, по-видимому, прошел не так далеко от места, где теперь стоит наш Вадсё. После этого он направился к югу и через пять дней вошел в Белое море. Там он увидел широкую реку и землю Биармию, или Бьярнеланд. Это, конечно, были Северная Двина и ваша земля.

На севере Норвегии часто и охотно вспоминают о давних связях с нашим народом. Как глубоко ни копни, неизменно убеждаешься: мы и норвежцы мало враждовали, зато много и успешно торговали.

В самом деле, господин Великий Новгород уже в XI веке принимал варяжских гостей. Договором, подписанным в XIII веке Александром Невским и нор-

вежским королем Хоконом, давние связи были еще упрочены. XIV век принес взаимное соглашение о границах, которое автоматически продлевали столетия, не омраченные никакими пограничными претензиями и конфликтами. В начале XIX века, когда норвежцы голодали во время англо-датской войны и блокады, архангельские купцы опасным фарватером провели в их порты свои корабли с зерном. Наконец, в начале XX века, в критический момент после разрыва норвежцами унии со Швецией, именно Россия была первой великой державой, признавшей Норвегию независимым государством.

В последней войне русские перешли норвежскую границу как союзники и освободители. Выполнив свою миссию, советские войска незамедлительно покинули Норвегию.

Но, может, в те памятные дни все же случилось нечто, омрачившее наши отношения?

В конце октября 1944 года норвежский король Хокон VII выступил по радио Лондона:

— Нет никаких доказательств, что Россия имела по отношению к Норвегии какие-либо агрессивные планы. Наоборот, нет недостатка в доказательствах того, что страх перед русскими и большевиками систематически возбуждается государствами и кругами, имеющими агрессивные планы против России. Представители реакционных кругов пытались посеять этот страх и в норвежском народе. У нас есть много доказательств того, — продолжал король, — что Советское правительство и советский народ относятся к нам дружелюбно, их симпатии на нашей стороне. Сегодня мы с восхищением и восторгом следим за героической и победоносной борьбой Советского Союза против общего врага. Долг каждого норвежца — оказывать советским союзникам самую большую поддержку.

Так говорил норвежский король.

А всего пять лет спустя, вопреки историческим традициям, в нарушение возникнувших связей боевого братства, наперекор политической реальности Норвегия вошла в агрессивный блок НАТО, нацеленный против Советского Союза.

Не моя задача ворошить здесь всю историю этой нелепости. Долгое время среди норвежцев было рас-

пространено мнение, что находившиеся тогда у власти социал-демократы (Норвежская рабочая партия) стали жертвой заблуждения, по неопытности приняв НАТО за весьма безобидный, оборонительный союз.

Но вот в 1966 году появилась книга Юханны Омлид, видной деятельницы Норвежской рабочей партии. Пожалуй, впервые норвежцы узнали, что именно произошло на том закрытом съезде партии, который в 1949 году толкнул страну в НАТО.

Оказалось:

что был пущен ложный слух о готовящемся нападении Советского Союза на Норвегию;

что делегаты еще накануне дня заседания не знали о предстоящем обсуждении жизненно важного для судьбы Норвегии вопроса;

что голосование было навязано всего после однодневных скомканных прений, когда ораторам сначала давалось для выступления по пять, а под конец — по три минуты;

что на съезде не могли даже толком разъяснить, какие страны будут участвовать в Атлантическом пакте, и, уж конечно, рядовым делегатам и в голову не приходила мысль о будущем военном союзе с боннскими реваншистами...

Таким образом, ни о каком невинном заблуждении не могло быть и речи. Лидеры правых норвежских социал-демократов действовали сознательно. Их позицию точно определяет название книги Юханны Омлид: «Сошли с курса».

ДОМ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

Ордынский и я живем в Вадсё в домике супругов Сканке. Эдвард Сканке служит в налоговой конторе, Боргни — секретарь городского архитектора.

Мы почти ничего не знали о наших хозяевах до той минуты, пока не перешагнули порог их дома. Я говорю — «почти», потому что Раиса Алексеевна, которая, как мне начинает казаться, знакома с каждым третьим человеком в Финмарке, успела шепнуть еще на причале: «Оба коммунисты, отличные люди». Это было очень много, но нам хотелось знать больше.

Василий Сергеевич, приглядевшись к Эдварду, сказал мне:

— Я его где-то уже видел. Определенно.

На мои возражения, что это маловероятно, он повторил упрямо:

— Определенно знакомое лицо. Зрительная память кинематографиста — это, знаете...

Но предварительные расспросы показали, что жизненные дороги Эдварда Сканке и Василия Ордынского как будто не пересекались ни в одной точке. Москва? Могло бы быть, но когда там гостил наш хозяин, режиссер трудился в киноэкспедиции.

Итак, мы живем в доме Сканке на одной из тихих улочек; впрочем, особенно шумных и оживленных улиц в Вадсё попросту нет.

Дом деревянный, довольно просторный. Особенно нас удивил своими размерами подвал: весь багаж нашей делегации не заполнил в нем и одного угла.

— Зачем вам такой? — спросил я.

— Мы построили его для партийных собраний, — ответила Боргни.

И она рассказала историю дома. Строили его своими руками. Когда обдумывали, каким должен быть дом, решили: надо, чтобы у коммунистов Вадсё появилось, наконец, помещение, где бы можно было собраться всем вместе. И комсомольцам. И пионерам.

Конечно, можно было бы в нужных случаях арендовать какой-нибудь небольшой зал. Но за фойе кинотеатра, снятое для вечера дружбы, пришлось платить несколько десятков крон. Это дорого. Среди коммунистов города Вадсё нет крупных предпринимателей, равно как и банкиров.

До постройки своего дома Боргни и Эдвард жили в бараке, сколоченном на пепелище. Я спросил, нет ли у них снимков этого барака, а также снимков Вадсё после ухода гитлеровцев.

— Вадсё после гитлеровцев? — удивилась Боргни. — Есть только снимок горящего города. Это был один большой костер. Дым видели за десятки километров. Вадсё сорок четвертого года — это просто нет никакого Вадсё. Нечего было снимать.

Боргни хорошо говорит по-русски, и лишь редкие ее фразы звучат не совсем привычно для нашего уха.

Надумав строить дом, Сканке разворошили свой барак — летом можно и в палатке! — разобрали по досочке, вытащили каждый гвоздь. Долбить камень для подвала им помогали друзья. Стены клали сами. Днем — на работе, ночью — на стройке, благо летняя ночь в этих широтах не знает темноты. К осени 1953 года подвал был готов, но довольно долго там пришлось и жить самим и собирать людей. Вся постройка растянулась почти на пятнадцать лет. Лишь год назад была пристроена комнатка для подросшей дочери. Да и сейчас еще далеко не все доделано: надо бы заменить толь на крыше шифером, но...

— Шифер дорог, он идет на экспорт. Вы заметили, сколько домов в городе покрыто толем? Шифер у тех, кто близко знаком с денежками!

Когда мы вернулись с вечера дружбы, Боргни положила на стол груду фотографий. Она нашла и ту, о которой рассказывала. Снимок горящего Вадсё был сделан, должно быть, издалека, с самолета, низко летящего над Варангер-фиордом. Чудовищный столб черного дыма поднимался на сотни метров над светлой каймой бушующего пламени.

Были на столе и снимки старого Вадсё, и разные семейные фотографии, кроме снятых в день свадьбы: они, конечно же, красовались в рамке на стене.

Но кто этот немолодой норвежец? Мужественное, даже несколько суровое лицо, ордена Красного Знамени и Красной Звезды на пиджаке.

— Мой отец, — промолвила Боргни. — Он живет не здесь, а в нескольких милях от Вадсё.

Мы потребовали рассказа. Боргни не отличалась многословием. Отец ее — рабочий. Коммунист. Они жили в Хиберге — это совсем небольшой поселок на побережье. Когда в сороковом году Норвегию заняли гитлеровцы, девяносто жителей Хиберга решили покинуть страну. Нет, уходили не только коммунисты. То есть среди тех, кто не захотел оставаться с оккупантами, были все местные коммунисты — всего несколько человек. Остальные были просто норвежцами. Ночью они сели в лодки. Удивительно, что немцы ничего не заметили: вечером выпал молодой снег, светила луна. Должно быть, гитлеровцам не приходило в голову, что люди уйдут на лодках.

— А какие лодки? — поинтересовался Ордынский. Боргни, порывшись в фотографии, извлекла цветную открытку:

— Вот, приблизительно. Только те лодки были не такие большие.

Не такие большие?! На открытке был изображен крохотный парусный баркас, поменьше катерка, на котором мы ходили по фиорду в Киркенесе.

Люди, бежавшие из Хиберга, продолжала Боргни, добрались до полуострова Рыбачьего. Они сказали советским пограничникам, что хотят бороться за освобождение своей страны. Когда гитлеровцы напали на Советский Союз, многие норвежцы попросили, чтобы их использовали в борьбе против общего врага.

— И тогда отец вернулся сюда. Он возвращался и уходил снова. Его сбрасывали с парашютом и высаживали с подводной лодки. Он две зимы жил в снежном домике, а весной скрывался в горах, в пещерах. Отец поддерживал связь с нашими партизанами и с вашими парашютистами, которых сбрасывали в тыл оккупантам. С ним была девушка Дагни.

— Я читал о ней в книге Геннадия Фиша «Норвегия рядом», — прерывает рассказ Ордынский. — Фиш пишет, что сначала спорили, откуда была сброшена первая парашютистка в Норвегии — из Англии или из Советского Союза. Оказалось — из Советского Союза. Это ведь про Дагни?

Боргни кивает головой. Так вот, последний раз, в октябре, летчик ошибся и сбросил парашютистов неподалеку от немецких батарей. Было пять утра. Гитлеровцы видели все. Отец рассказывал: слышались выстрелы и лай собак. Чтобы собаки не напали на след, Дагни с отцом бросились к болоту. Они долго брели по воде и легли между кочек. Немцы шныряли вокруг, а потом выставили пост на горке, откуда было видно болото. И собаки были там же. Три дня Дагни и отец лежали в болоте. У них были шоколад и водка. В здешних местах даже сейчас, летом, чуть не каждый день приходится разжигать камин в доме. А октябрь — ледяной месяц. Дагни заболела. На счастье, немцы сняли пост, и можно было уйти в горы.

— Это она, Дагни, — показывает Боргни еще одну фотографию. — А рядом Нина Крымова, теперь она

переводчица в Москве. Дагни после войны вышла замуж и теперь живет в Швеции.

Боргни перебирает снимки. Голос ее ровен и спокоен.

— Мои тетя и дядя, Эйстен и Харальд Сивертсен. Дядю расстреляли, он был вместе с Эгилем Бертеуссеном. Но вы, наверное, не слышали о Бертеуссене? Это коммунист из Берлевога, партизан. Немцы поймали его, заставили вырыть могилу. Стоя на ее краю, он перед расстрелом ободрял товарищей, а в последний момент крикнул: «Норвегия будет свободной!»

Еще фотография:

— Радист Володя. Он жил с отцом в снегах. Погиб. Боргни добавляет тихо:

— Ваших погибло много. Но и мой отец потерял в войну пять братьев.

...Пожалуй, никогда еще противоестественность участия Норвегии в блоке, направленном против Советского Союза, не казалась мне такой очевидной, как в Вадсё.

Мы не спорили здесь о НАТО и не расспрашивали, что думают по этому поводу жители небольшого северного города. Просто мы несколько дней жили в нем, а будни шли своим чередом, люди рассказывали о себе, показывали старые снимки, жаловались на налоги, на то, что молодежь отбилась от рук, что она многое не знает, не помнит, а потому и многое не понимает...

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

«Мы покажем вам нашу природу», — пообещал председатель на вечере дружбы.

За окраинами Вадсё начинаются каменистые нагорья. Если бы не Гольфстрим, тут стлалась бы тундра, как на Таймыре. Но волшебный утеплитель Норвегии словно сдвинул весь Финмарк к югу. Вдоль дороги, по которой бегут наши три тесно набитые машины, тянутся леса. Пусть не густые, пусть корявые, но все же леса, особенно вдоль долин, защищенных от ветров. И придорожная полянка вся усеяна грибами!

— Да, грибы, — подтверждает Боргни. — Но у нас их не едят.

Поднимаемся все выше. В горах еще только начало лета. На лугах цветут желтые купальницы. Речки буйствуют в узких каньонах, шумят водопадами. По горизонту клубятся дождевые тучи.

— Приехали!

Загородный летний дом «Полярхейм», построенный профсоюзом транспортных рабочих, стоит среди негустого леса, подле стремительной горной речки. Терпеливые рыболовы в длинных, едва не до пояса, резиновых сапогах стынут на перекатах. Парень и девушка играют в бадминтон, волан яркой бабочкой порхает над лугом. Тянет дымком костра, незнакомые слова напеваемой вполголоса песни доносятся из кустов.

— Хей! Хей!

Парни, кутившие на крыльце, приветствуют Эдварда Сканке.

«Хей» нельзя перевести точно. Это многозначный возглас. Иногда что-то вроде: «Послушай-ка!» Или: «Алло!» Если «хей» кричат на стадионе, то это наше «Шайбу! Шайбу!». В данном случае «хей» означало что-нибудь вроде: «Привет, старина!» При расставании «хей!» может заменить «Ну, пока!».

Эдвард, как видно, свой человек в «Полярхейме». На стене фотографии активистов профсоюзного движения и среди них — его портрет.

На большой стол в общем зале нам подали кофе и деревенские лепешки «лефсе». Столько я о них слышал и вот, наконец, пробую лакомство, которое в детстве любил Фритьоф Нансен! Мне тут же предлагают записать рецепт: мука, сахар, сироп, сливки.

— Вспомнил! — вскрикивает вдруг Ордынский, который долго и сосредоточенно рассматривал портреты на стене.

— Есть ваш снимок в книге «Норвежские были»? — Обращается он к Сканке. — Такой же, как этот?

Эдвард подтверждает.

— Зрительная память кинематографиста, — с удовлетворением говорит Василий Сергеевич.

В «Норвежских былях» нашлись и воспоминания Сканке. В годы войны он был совсем молодым. Сканке писал, что пленные русские, как и норвежцы, не хотели работать на оккупантов, держались стойко, верили в победу. Но это я прочел позднее, а в «Полярхейме»

слушал рассказ Эдварда о том, как рабочие построили дом на свои деньги. В нем 12 комнат, каждый член профсоюза может жить здесь во время отпуска или приезжать сюда на выходные дни, платя много меньше, чем в обычных загородных пансионатах.

К нашему разговору прислушиваются за соседним столиком. Там преимущественно молодежь, здоровые ребята с румянцем во всю щеку, не модники, не ресторанные хлюсты и пижоны. Они потягивают оранжад и кока-колу, жуют резинку. Вон двое, развалившись на стульях, напускают на себя развязность, но это им, в сущности, чуждо, и, поломавшись самую малость, оба сосредоточенно тянут через соломинку ледяной золотистый напиток.

Боргни затягивает вполголоса: «Ничего, что ты такой усталый...» Эту песенку пели у нас давно — или до войны, или в первые послевоенные годы.

К нашему столику придвинулся один стул, другой. Звякает колокольчик над кассой, прося принять заказы.

Те, что подсели к нам, не расспрашивают о Москве. Их больше интересует Мурманск. Тут легче сравнить: в Мурманске — море, рыба, север, в Вадсё — север, море, рыба. Двое бывали в Мурманске, один, помоложе, начинает с вопроса:

— У вас что, краски мало?

— Почему вы так думаете?

— Все дома серые или желтоватые. Если поярче красок нет, мы продадим, купите, у нас много.

Не очень уверенно я говорю что-то о традициях: мы, мол, не любим чрезмерную пестроту.

— Для юга это правильно, — возражают мне, — у нас на юге красят дома в белый цвет. А на севере глаза просят ярких, радостных тонов. Покупайте наши краски!

От красок — к вещам более серьезным. Да, на советском Севере строят больше. Здесь это дело сильно сократилось. Если строят, то только разные «военные штучки». Люди с капиталами предпочитают вкладывать денюжки на юге, где есть дешевая электроэнергия и можно производить товары на экспорт.

А здесь из каждых пяти рабочих трое связаны с рыбой. Либо ловят, либо перерабатывают. Можно

было бы занять гораздо больше людей, если бы пустить еще несколько перерабатывающих заводов. Но капиталисты не хотят рисковать. Рыба все же — дело гадательное, сегодня есть, завтра нет, сегодня ее девать некуда, завтра вытягивают «черные», то есть пустые, сети. Представители буржуазных партий вообще говорят, что на севере нет простора для предпринимательства.

— Здесь все по-старому. Вы ведь поедете в Богс-фиорд? Поинтересуйтесь: там орудуют двадцать пять скупщиков рыбы. А будь в Ботсфиорде современный завод...

— Зимой у нас постоянная безработица.

— Правительственный комитет Финмарка дал прогноз: если даже появится тысяча новых рабочих мест, безработица все равно будет, ведь молодежь подрастает, ищет себе дела.

Расспрашивают о льготах для наших северян. Об отпусках, о надбавках. Здесь, в Финмарке, сразу после войны тоже были льготы. Например, можно было получить в коммунальном банке ссуду на постройку дома из расчета 2,5 процента в год. Потом стали требовать 3 процента, затем 4,5. Теперь ссуды надо брать в частных банках, где дерут 7 процентов в год.

— А фрахтовые наценки? Любая вещь здесь на двенадцать процентов дороже, чем на юге страны. Правительство не думает, как удешевить сюда доставку товаров, а мы расплачиваемся.

— Те, кто постарше, привыкли. Но трудно удерживать вот таких, — наш собеседник показывает глазами на столик, где парни не спешат опорожнить стаканы с оранжадом. Поднявшись со стула, он неожиданно заканчивает:

— А краску для Мурманска все же закупите. Очень советую.

НА БЕРЕГУ ВАРАНГЕР-ФИОРДА

От Вадсё до Вардё вдоль побережья Варангер-фиорда менее ста километров.

Судно медленно подходило к острову, на котором расположен город. Сначала над морем полого под-

нялся зеленый холм с башней, которую я принял за обсерваторию. Потом холм опоясали понизу кварталы, и стало видно, что в Вардѣ гитлеровцам что-то помешало: тут сохранилась часть старых зданий.

Я смотрел на пристань со свайными причалами, с деревянными амбарами и складами, выкрашенными веселой розовой краской. Ведь именно сюда, вот в эту гавань, ранним утром 13 августа 1896 года вошло не привлекавшее внимания жителей английское судно «Виндворт». Наверное, и тогда на рейде стояли у буйков просмоленные парусники, по бурым, с негустой прозеленью окрестным горам белел снег и над пустынным причалом снежными хлопьями парили чайки.

Еще не загремела якорная цепь «Виндворта», а двое моряков, соскочив в шлюпку, уже гребли изо всех сил к берегу. На улицах не было ни души. Приезжие побежали прямо на телеграф. Начальник конторы покосился на незнакомцев. Один был одет в самодельную клетчатую куртку, сшитую, видимо, из одеяла, у другого, долговязого, руки далеко высывались из слишком коротких рукавов пиджака с чужого плеча.

Долговязый сунул в окошко увесистую пачку телеграмм. Чиновник удивился, принялся листать их — и тут взгляд его скользнул к подписи. Он вскочил, словно подброшенный пружиной.

Через час мир узнал о счастливом возвращении Фритьофа Нансена, который со своим спутником Яльмаром Йохансеном в высоких широтах покинул «Фрам», по льдам отправился к полюсу, провел зиму на неведомой «Белой Земле» и, случайно встретив экспедицию английского полярного путешественника, на его корабле вернулся к родным берегам, где его давно считали погибшим...

Я готовлюсь запечатлеть на пленку сегодняшнюю гавань Вардѣ, когда наш добрый гений Раиса Алексеевна говорит вполголоса за моей спиной:

— Пожалуй, лучше не надо. Был случай — натовцы подняли страшный шум. Все эти башни по холмам и возле церкви принадлежат им.

На причале нас уже ждут. Развозят всех по разным квартирам. Я попадаю в семью рыбака. Сам хозяин в море. Квартира крохотная, и, чтобы дать мне

приют, Анни, дочь хозяйки, переходит на время в соседний дом к подруге.

В тесной девичьей светелке диван-кровать, самодельный шкаф и микростол, с которого, если сядешь писать, свисают локти. Как рослая Анни ухитрялась готовить за ним уроки, одному богу известно.

По стенам приклеены открытки кинозвезд, и в рамочке под стеклом — диплом об окончании школы. На шкафу пылится карнавальная шляпа. В углу под столиком маленький проигрыватель и пластинка «Почему я полюбил тебя, крошка».

Анни окончила школу весной и пока не может найти работу. Это не улучшает ее настроения. Она, на минутку забежав домой, торопится исчезнуть. Не думаю, чтобы ей нравилось вторжение иностранца в ее светелку. На все мои извинения и сожаления она отвечает коротко: «ничего» — и устремляется к двери.

Вардэ пропах рыбой, и чем сильнее ее запах, тем веселее жители города. Чайки тоже. Они низко летают вдоль улиц, важно восседают на печных трубах, ссорятся на коньках крыш. Чайки — это голуби Вардэ.

Город менее наряден, чем соседи. На некоторых домах изрядно облупилась краска. Мало асфальта, галька хрустит под каблуками даже в центре.

— Вардэ пострадал меньше Вадсё, и все же у нас было повреждено три четверти всех домов, — сказал г-н Рой Рейнхольдсен, сопровождавший нас при осмотре ратуши. — Теперь мы отстроились, город стал современнее, благоустроеннее. Однако в нем всего три с половиной тысячи жителей — меньше, чем было до войны. Вот если бы у нас был мост на материк... Без моста город не может по-настоящему развиваться.

Мы слушаем затем рассказ о почтенной древности Вардэ. Уже четыре тысячи лет назад здесь было поселение. Кто оставил золу очагов и обломки костей, раскопанные теперь археологами, неизвестно. Может быть, предки нынешних лапландцев. Норвежцы пришли сюда в начале XIV века. Крепость, которую они заложили, называлась Варигав. Потом ее стали именовать Ворой, а затем уже город получил нынешнее название.

В Вардэ издревле жили рыбаки и китобои. Процветанию города помогла поморская торговля. Если мы

пойдем в музей, то увидим там рисунки древних русских ладей, иконы, русские фаянсовые чашки с надписью «Для дружбы», снимки лавок, где торговали с русскими. Архангельские купцы покупали много рыбы. В Вардё еще до революции была значительная русская колония, и сегодня некоторые жители города носят русские фамилии. Слышали мы, например, о Розановых, Терентьевых? Евгений Терентьев награжден советской медалью за спасение летчика. Он немного говорит по-русски, хотя родился в Норвегии, а молодые Терентьевы знают всего несколько русских слов.

Г-н Рейнхольдсен повел нас к висевшей на стенке зала большой картине «Северная Норвегия в огне». В лодке лежал убитый рыбак, над ним склонились женщины и плачущие дети. На заднем плане пылали дома рыбацкого поселка.

— Мы понесли большие потери, — сказал г-н Рейнхольдсен. — Но знаете ли вы девиз, написанный на старом гербе нашего города? «Тьма отступает перед солнцем». А теперь мы пойдем к господину Холту и посмотрим этот герб.

Г-н Холт был тридцать вторым бургомистром или председателем коммуны города Вардё. Портреты всех его предшественников начиная с 1839 года украшали кабинет. На нас сурово поглядывали бородатые капитаны в старинных мундирах. Застыли каменные лица купцов, облаченных в глухие сюртуки.

Герб города был вырезан на камне. В лучах восходящего солнца шли два корабля с алыми парусами. На обороте были строки из «Песни Вардё». Ее написал Нурдаль Григ, любимый поэт борцов норвежского Сопротивления. Он погиб на самолете, бомбившем Берлин. «Песнь Вардё» прославляла голый, открытый всем ветрам остров, на котором трудно живут люди, измученные нуждой. «Но люди те — норвежцы», и их рабочими руками, их силой живет страна, которая так прекрасна под полуночным солнцем.

Я хотел сфотографировать камень, но г-н Холт достал пять коробочек с миниатюрными гербами города и торжественно вручил нам. Он сказал при этом, что рад советским гостям и хотел бы, чтобы Вардё наладил прочные, постоянные связи с одним из северных русских городов. Не обязательно с Мурманском, Мур-

манск слишком велик в сравнении с Вардё. Может быть, с Никелем? Или с Печенгой? Впрочем, Мурманск тоже подошел бы, ведь дело в конце концов не в величине города, а в желании контактов. Кстати, вот эту штуку привезла и подарила как раз мурманская спортивная делегация.

И бургомистр коснулся рукой кубка, украшающего его стол.

Потом г-н Холт говорил о проблемах своего города. На первом месте — мост, который связал бы город с материком. Хотелось бы также, чтобы экономика стала более устойчивой. Сейчас все держится на рыбе. А с рыбой — как лотерея. Если рыбаки тянут пустые сети, то закрываются перерабатывающие предприятия, начинается безработица. Особенно трудно в январе и феврале.

И снова мы слышим сожаление о том, что поморская торговля, которая в давние годы была так выгодна, давно «дышит на ладан».

Слова-то правильные и, вероятно, искренние. Но из окна кабинета бургомистра видны за оградой из колючей проволоки некие отнюдь не торговые сооружения, назначение которых не является загадкой ни для г-на Холта, ни для его гостей.

Здесь проходит передовая линия НАТО. Это ее зловещие щупальца. Они связаны, как говорят, с «дырами в горе», с подземными аэродромами, с подземными штабами, инспектировать которые приезжают в числе прочих и бывшие гитлеровские генералы.

АННИ, ВЧЕРАШНЯЯ ШКОЛЬНИЦА

В летописях Вардё записан примечательный факт: северный этот город одним из первых в стране ввел у себя обязательное девятилетнее обучение.

Здесь есть школа-старушка, двухэтажное темное здание из дерева с резными балкончиками. Ей 80 лет, но внутри все переделано, осовременено.

Потом есть школа средних лет, и, наконец, красавица, начавшая жизнь совсем недавно.

Отличная школа! Свет, простор, праздничность! Столик у каждого ученика. Широкие, почти во всю

стену, темно-зеленые доски. Над ними ролики с картами, потяни за шнурок — и перед тобой север Норвегии или синь океанов, желтый цвет африканских пустынь или белая Антарктида. Дернул шнурок — и с легким шуршанием карта уходит вверх, наматываясь на валик.

Хорошо оборудована столярка: есть даже специальный верстак для левши. Ткацкие деревянные станки должны помочь тому, чтобы в век синтетики не угасло народное ремесло. В школьной музыкальной комнате нашлись среди прочих инструментов три балалайки. Но никто не умеет их настраивать. Борису Уварову пришлось тотчас дать предметный урок.

Особенно хорош гимнастический зал, самый большой в Норвегии. Он совершенно пуст, решительно ничем не заставлен, не загроможден. В нем могут тренироваться даже футболисты.

Но вот нажата кнопка. С потолка бесшумно спускается мягкая пластиковая стена, делящая зал надвое. Сторож подходит к боковой стене, дергает за шнур — и десять канатов для лазания соблазнительно свисают с потолка. Тут же их задернули обратно, как задергивают занавеску. Кольца и трапеции ждут своей очереди. Одним словом, зал универсален, и для смены его назначения нужно несколько минут.

Анни, дочь моей хозяйки, училась еще в старой школе: новую открыли год назад. На столике в светелке — альбом с фотографиями учителей и учеников. По традиции каждый под своей фотографией написал несколько строк владелице альбома. Кое-где лесенки стихов; под одной фотографией — рисунок, изображающий пустынный берег фиорда, возможно, любимое место встреч и прогулок.

Как я уже говорил, Анни почти не бывает дома. Но сегодня мы ужинаем вместе. Дымится в миске горячий вареный картофель. На блюде — сосиски. Мясо на севере дорогое. Мне никак не удастся убедить хозяйку в том, что житель Москвы обычно ест мясо чаще, чем рыбу, и, следовательно, предпочел бы рыбное блюдо. Рыба кажется ей чем-то второстепенным...

Анни по обыкновению молчит. Говорю, что сегодня побывал в городских школах. Кивает. Новая школа очень хороша, продолжаю я. Снова кивок. Но не помо-

жет ли мне Анни разобраться в норвежской системе отметок? Боюсь, что я плохо понял ее.

Тут уж кивком не отделаешься...

Значит, так. Отметки не цифровые, а буквенные. Две буквы или одна. Например «МГ». Это значит «мегет гот» — очень хорошо. «Г» — «гот» — просто хорошо. Есть еще, например, «ЛГ», «лите гот» — совсем немного хорошего.

Все это Анни рассказывает с видимой неохотой.

А вот интересно, как устроили свою жизнь девушки и парни, с которыми Анни окончила школу?

— По-разному.

— Но все же?

— Парни рыбачат, двое собираются в Тронхейм, думают поступить в высшую техническую школу. Некоторые девушки уже работают. В других норвежских городах летом полно туристов, а Вардё торчит на своем острове. Туристы теперь часто ездят на собственных машинах. Будь бы мост через пролив, они катили бы и сюда. Ну, а где туристы, там работа: отели, рестораны, магазины.

— Значит, с работой пока плоховато?

Анни кивает.

— Но есть перспектива?

— Да.

— Какая же?

— Можно пойти на рыбозавод. Но это сезонная работа. Пока там мест нет.

— Хотели бы вы побывать в Советском Союзе?

Отрицательное движение головы:

— Не очень.

Ей явно не хотелось продолжать разговор на эту тему, но я настаиваю. Да, у нее нет большого желания ехать в Москву. А почему, собственно, все должны туда стремиться? Побудешь там две недели, вернешься, некоторые будут на тебя коситься... Не всем нравятся люди, которые тянутся к Москве... Старикам безразлично, что о них будут говорить, а когда тебе надо устраивать жизнь... И потом она, Анни, любит новейшие танцы, любит слушать пластинки «битлзов» и Фрэнка Синатра, она любит многое такое, чего не любят в Советском Союзе.

Так говорила вчерашняя школьница, у которой не

слаживается жизнь, говорила, впрочем, не очень уверенно и твердо. Мне показалось, что просто ей тошно и без моих расспросов. И наверное, ей почудилось, будто свой последний вопрос задал я не без тайного умысла, стараясь намекнуть, что, мол, в Советском Союзе у молодежи нет главной проблемы, волнующей ершистую, самолюбивую, гордую дочь рыбака из тихого города Вардё.

ГЕОРГ ГАБРИЕЛЬСЕН ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

В Вардё много членов общества «Норвегия — Советский Союз». На встречу с нашей делегацией собрались и просто любопытные, наслышанные о том, что русские привезли с собой куклу, которая читает уморительную лекцию о любви.

После моего выступления пришло несколько записок. В числе прочего просили рассказать, почему я написал повесть именно о Фритьофе Нансене и как собирал материал для книги; спрашивали, хорошо ли знают и помнят у нас великого норвежца.

Мне было трудно ответить, почему именно Нансен стал одним из героев моего детства. Может быть, потому, что Сибирь, мою родину, всегда особенно волновали подвиги в Арктике. И еще, возможно, потому, что приезд Нансена в 1913 году на Енисей оставил глубокий след в памяти моих земляков. В бедной событиями жизни бывшей Енисейской губернии он мог сравняться разве что с падением Тунгусского метеорита.

Мать рассказывала, как она встречала Нансена. Мне было тогда два года. В Красноярске, где мы жили, многие сотни людей отправились за город, к кладбищу на горе. Норвежец должен был приехать по Енисейскому тракту, огибавшему кладбище. День выдался теплый. Все приоделись, как на гулянье. Гимназистов старших классов распустили с полдня. К вечеру начал накрапывать дождь, но никто не расходился, только некоторые укрылись на паперти кладбищенской церкви. Стало темнеть. Разложили костры. Наконец раздались крики: «Едут! Едут!»

Тут вспыхнули факелы возле арки, украшенной еловыми ветками и флагами. Два тарантаса в окружении казаков показались на дороге. От загнанных лошадей валил пар. Нансен снял шляпу и сказал по-русски: «Здравствуйте, господа!» Он показался матери ужасно старым: седые редкие волосы. А она помнила его портреты еще по гимназии: белокурый викинг в медвежьей шубе...

В 1931 году я стал работать изыскателем в геодезической секции Красноярского отделения Географического общества. Там были люди, помнившие выступление Нансена осенью 1913 года в красноярском «общественном собрании». Снимок норвежца, сделанный на фоне енисейских рыболовных снастей, висел на стене кабинета нашего ученого секретаря.

Нансен говорил тогда о сходстве сибиряков и норвежцев, выразил уверенность, что Северный Ледовитый океан в будущем увяжет Сибирь с Норвегией и что его успешное плавание на корабле «Коррект» к устью Енисея — первое доказательство этого. Он добавил также:

— Будущее Сибири заключает в себе, готов я сказать, неограниченные возможности!

Эти слова я прочитал позднее в дореволюционной красноярской газете, собирая материал для книги о великом норвежце. Тогда же я разыскал старых своих знакомых и подробно записал их рассказы. Кроме сибиряков, расспрашивал о Нансене встречавшихся с ним москвичей и ленинградцев, главным образом полярников. А в 1956 году мне впервые довелось побывать в Норвегии, увидеть дом Нансена, своими руками потрогать борт нансеновского «Фрама», ставшего судном-музеем...

Рассказав обо всем этом в ответ на записки, я добавил, что Нансена благодарно помнят в Советском Союзе, как друга нашей страны. Имя великого норвежца наши ребята узнают на школьной скамье. Открыв первый том Детской энциклопедии, посвященный планете Земля, наши подростки находят в нем знаменитые слова Нансена: «Кто хочет видеть гений человечества в его благороднейшей борьбе с суеверием и мраком, тот пусть прочтет о людях, которые с развешивающимися знаменами стремились в неведомые края».

Что касается сочинений Нансена, то в переводе на русский язык они не раз выходили, пожалуй, самыми большими в Европе тиражами.

В заключение я спросил слушателей, нет ли среди них или среди их знакомых тех, кто встречался с Нансеном здесь, в Северной Норвегии. Через минуту пришла записка: «Я видел Нансена. Буду рад встретить советских гостей у себя дома завтра вечером. Георг Габриельсен».

...Георг Габриельсен оказался рослым седовласым человеком, которому можно было дать и пятьдесят пять и шестьдесят пять: перевалив за полсотни, сухопарые норвежцы в общем меняются мало. Оказалось, что Габриельсену скоро семьдесят семь. У него была странная привычка — он замолкал на полужае, минуту сосредоточенно молчал, а потом переводил разговор на совершенно другую тему.

В большой комнате висели в рамках два диплома, подтверждающие, что наш хозяин получил награды «за отличную помощь в развитии рыболовства».

— Да, так оно и было, — произнес г-н Габриельсен, снимая со стены одну рамочку и внимательно разглядывая ее. — Я действительно рыбак. Мой отец и дед — тоже. Наша семья переселилась сюда со своей фермы в долине Гудбрансдален еще в тысяча семьсот сорок третьем году. С тех пор все Габриельсены ловят рыбу. Сорок лет назад был создан профсоюз рыбаков, и я вступил в него одним из первых. Когда мы задумали создать здесь, в Вардѐ, рыбацкий кооператив, Габриельсен не стал ждать, пока раскачаются другие. Теперь наш кооператив самый большой в Вардѐ, и у нас девять судов. Если вам интересно это знать, две трети прибыли мы распределяем пропорционально улову, а треть оставляем в резерве. Бывают ведь и плохие годы, не так ли?

С этими словами хозяин повесил рамочку на место, взял аккордеон и принялся наигрывать бравурную танцевальную мелодию. Играл он уверенно, я бы сказал — лихо. Внезапно поставил аккордеон на стул и повернулся ко мне:

— Да, я видел Нансена. Но это было не в тот год, когда он вернулся из похода на «Фраме», а позднее. Это было после того, как мы, норвежцы, разорвали

унию со Швецией и получили независимость. Нансен приехал в Вардё вместе с Миккельсеном, который тогда был нашим первым премьер-министром. А народ хотел, чтобы премьер-министром был Нансен. Наверное, Миккельсену не очень-то нравилось слушать крики: «Возьми руль, Фритьоф Нансен!» Однако Нансен не хотел брать руль, он хотел снова уйти в ледяную пустыню.

И вот они оба приехали в Вардё. Тогда надо было решать, будет ли Норвегия республикой или монархией. Все жители собрались возле церкви. Миккельсен и Нансен стали говорить о том, что, конечно, республика лучше, но что великие державы обещали быстро признать независимость Норвегии лишь в том случае, если норвежцами станет управлять король. Значит, будет лучше, если норвежцы выберут себе короля. Так они говорили, а один наш рыбак слушал, слушал, да вдруг как заорет во всю глотку: «Правильно! Долой короля! Да здравствует Нансен!»

Выждав, пока мы кончим смеяться, рассказчик взял с полки альбом со снимками старого Вардё — такого, каким его видел Нансен. Гитлеровцы спалили здание почты, откуда были посланы первые телеграммы о возвращении героев, однако он, Габриельсен, может показать место, где оно стояло.

— Но могло ли быть, что телеграммы Нансена принимал Адам Эгед-Ниссен, будущий председатель Коммунистической партии Норвегии?

Нет, Габриельсен не думает, чтобы это было возможно. Нансен вернулся в 1896 году, а Эгед-Ниссен стал почтмейстером в Вардё годом позже. Но совершенно точно, что Эгед-Ниссен на русских судах, возвращающихся с рыбой в Архангельск, отправлял нелегальные брошюры, которые друзья Ленина печатали за границей. А потом он же, Эгед-Ниссен, стал печатать такие брошюры в местной типографии, где ему помогали русские наборщики-эмигранты. К сожалению, здание этой типографии при отступлении разрушили немцы.

— А сын Эгед-Ниссена, тоже Адам — врач. Он настоящий северянин и потому пошел служить на полярный флот. Адам-младший лечил китобоев, когда началась война. И он стал военным врачом. Эгед-Нис-

сен вернулся сюда, в Финмарк, когда русские стали гнать немцев. Высокий такой парень.

Старый рыбак прошел к книжной полке и стал рыться в журналах, что-то бормоча.

— Ага, вот!

Я думал, что увижу портрет Эгед-Ниссена-младшего. Но Габриельсен протянул мне журналы, вышедшие в 1961 году, когда отмечалось столетие со дня рождения Нансена.

— Война опустошила наш север, — произнес он как будто без связи с предыдущим. — Но никакой войны не было бы, если бы всюду у руля стояли настоящие люди. Вот.

Он раскрыл журнал на посвященной Нансену статье Тура Хейердала. Раиса Алексеевна бегло перевела ее.

Когда Нансен достиг конца своего пути, говорилось в статье, он мог с полным правом сказать, что побеждал без кровопролития и завоевывал не для себя. Он отдавал многое, ничтожно мало получая взамен. Поэтому он пережил время, отведенное ему на жизнь, творя и поныне доброе дело среди живущих; вот почему мы не забываем его.

В журнале были иллюстрации. Король Улаф возлагал венок на гранитную могильную плиту. Другой снимок изображал Одда, сына Нансена, у могилы отца.

— Вы знаете, что сын Нансена — архитектор? Когда гитлеровцы заняли страну, он поцапался с ними. Его посадили в концлагерь. Я думаю, что, если бы был жив сам Нансен, он тоже примкнул бы к Сопротивлению.

Габриельсен подошел к окну, некоторое время постоял молча, потом сказал рассеянно:

— Видите, у меня под окном посажена картошка. Конечно, она не такая вкусная, как на юге.

Он снова направился к книжной полке и, взяв толстый том в красивом переплете, дал его Раисе Алексеевне:

— «Наши погибшие, 1939—1945 годы», — перевела Раиса Алексеевна.

— Прочтите там, где закладка.

— «Габриельсен Кристофер, рыбак из Вардё, ро-

дился 28 апреля 1904 года, — читала Раиса Алексеевна. — Сын Сорена и Анны-Магдалины Габриельсен. Погиб 13 сентября 1941 года вблизи Рольф Сейхавн в Финмарке на теплоходе «Рихард Витт», торпедированном немецкой подводной лодкой».

— Это мой брат, — тихо сказал хозяин. — Здесь четыре таких тома. В них названы все погибшие в те годы. Одиннадцать тысяч коротких биографий. Эти памятные книги можно купить. Но семьи погибших получили их бесплатно.

Поставив том на полку, хозяин спросил, не изданы ли и в Советском Союзе подобные книги?

— Нет, — сказала Раиса Алексеевна. — Нет, не изданы. Одиннадцать тысяч — это четыре тома. Если считать мирных жителей и замученных гитлеровцами военнопленных, мы потеряли в войну двадцать миллионов человек. Их имена заняли бы, заняли бы... Да, больше тысячи восьмисот таких томов...

КАК МЫ РЫБАЧИЛИ

«Харальд Ярл», покинув Вардё, берет курс на север, к Ботсфиорду.

Слева по борту тянется мертвый скалистый берег. Ни деревца, ни кустика. Круто вздымаются мысы, далеко выдвинувшиеся в море. Темнеют расщелины фиордов.

Раиса Алексеевна рассказывает, что где-то здесь, у северного побережья полуострова Варангер, в октябре 1944 года появились советские торпедные катера. Скрытно подойдя к берегу, они взяли на борт троих опухших от голода людей. Их знали лишь по кличкам: «Знаток», «Моряк», «Смелый».

Восемь с половиной месяцев эти трое, сброшенные на парашютах в тыл врага, наблюдали за передвижениями гитлеровских войск и кораблей. Штаб Северного флота получил короткие радиোগраммы. Не раз на разведчиков устраивали облавы. Когда неделями висевшие над побережьем облака не позволяли нашим самолетам сбросить продукты, трое подолгу жестоко голодали. Обмораживались, болели, почерневшая кожа слезали лоскутьями. И только однажды обычную

радиограмму о передвижении вражеских кораблей заключили необычные слова: «Сил нет, просим быстрой помощи».

До войны Владимир Лянде — Моряк — был электриком «Ростсельмаша», Анатолий Игнатьев — Смелый — работал токарем в Калинин, Михаил Костин — Знаток — служил радистом на рыболовецком флоте в Мурманске. Никто из них понятия не имел о разведке в тылу врага.

Даже в разгар полярного лета побережье угнетает безлюдьем и дикостью. Но сейчас хоть птицы, зелень... А каково было тут бесконечной полярной ночью, когда, таясь в снежной норе, трое слушали тревожную тишину: близкий хрип рвущихся с поводков собак означал для них пытки и смерть...

Да, это было где-то здесь, может, на той скале, что высится над морем, или на соседней, откуда тоже видно далеко окрест.

Раиса Алексеевна войну провела на севере. Служила на Северном флоте, зная немецкий язык, была переводчицей. Награждена орденом после взятия нашими войсками Киркенеса. Она многое видела и многое помнит...

Но вот и Ботсфиорд. Какой маленький! Его похоже на кубики дома рассыпались поодиночке вдоль склона зеленовато-бурой тундры, заняли длинный плоский мыс, едва поднимающийся над водой. Похоже, что тут и улиц-то настоящих нет, каждый строился где хотел.

Меня поселяют в конце поселка у Ольги и Биргера. Увы, мои хозяева говорят только по-норвежски. Мой же запас норвежских слов даже в разговоре с медлительными норвежцами иссякает в лучшем случае на пятой минуте.

Остальные наши живут у Гронбергов. Гронбергов много. Это не семья, а целый рыбацкий клан, во главе которого три брата: Вольдемар, Хедли и Аксель.

Не успел я разложить вещички, как под окном остановилась машина и один из Гронбергов жестами пригласил меня спуститься вниз.

— Мы будем сейчас ловить рыбу, — сообщил он. — Ты хочешь ловить рыбу?

Норвежцы быстро переходят на «ты» с теми, кого

считают друзьями. «Если ты хочешь меня обидеть, говори мне «вы», — сказала Боргни в первый же наш вечер в Вадсё.

Честно говоря, я вовсе не рвался на рыбную ловлю. Рыбак я никудышный. Стоит ли срамиться? Ордынский вон захватил с собой кучу всяческой хитроумной снасти, тогда как у меня...

— Все будет, — и Гронберг распахнул дверцу машины.

На причал пошла вся мужская часть клана Гронбергов, включая Пера, очень важного четырехлетнего мужчину в красном свитере, а также вся наша компания, кроме Раисы Алексеевны: ее уговорила остаться и поболтать о том, о сем женская часть гронбергского клана.

Вечер выдался холодный. Оранжевое солнце почти не грело. В его лучах казался желтым снег на холмах вокруг фиорда. Над причалом кружили тысячи нахальных и крикливых желтых чаек.

Был разгар путины. Со стороны моря, тарахтя моторами, шли тяжело осевшие боты. Один разгружался у причала. В больших ящиках тускло отливала синевой серебристая сайда и крупная треска, розовел морской окунь. Пахло аммиаком складской морозильной установки. Рослые парни подхватывали ящики. Ноги скользили по холодному мокрому бетону.

Тут-то и началось чудо. Прямо с причала, подле которого стучали моторы ботов, мы, никакие не рыбаки, — кроме Ордынского, разумеется, он-то спиннингист — бросали лески с крючками, наживленными кусочками сырой селедки, и тотчас вытаскивали больших рыбин.

Если бы азарт захватил тех, кто все же когда-то ловил пескарей или окуньков! Однако посмотрели бы вы на Марту Цифринович. Она рыбачила впервые в жизни, но именно ее было просто невозможно увести с причала. Уже не раз Гронберг-старший деликатно касался плеча каждого из нас, выразительно показывая на часы и на изрядную гору рыбы, бьющейся в одолженном для нас деревянном ящике. Тщетно! Тогда он вынул нож и двумя взмахами перерезал лески у меня и Уварова:

— Баста!

Мы с Ордынским едва оторвали ящик от земли. Вот это улов! Есть что жарить! Но Гронберги протестовали: неужели мы собираемся тащить эту дрянь домой? Зачем?

— Как зачем?! На ужин!

— Мы не едим береговую рыбу. Она не так вкусна, как пойманная подальше в море.

Ну, знаете, видно, заелись вы, дорогие друзья! И мы, решительно подхватив ящик, поволокли его к дому Гронбергов. Там на разделочном столе, неподалеку от крыльца, Хедли Гронберг в пять минут вырубил из всей груды самые лакомые части и передал их на кухню. Так что вы думаете? Хозяйка жарила нашу рыбу на отдельной старой сковородке, извлеченной из чулана! И на стол подала ее отдельно от блюда с «настоящей» морской рыбой.

К нашей, нежнейшей и вкуснейшей, хозяева прикоснулись лишь из вежливости, вяло потыкав вилками в аппетитные куски. Они благоговейно клали в рот тоненькие ломтики сырокопченой московской колбасы и скорее сосали, чем жевали это поистине восхитительное лакомство...

— Нынче у нас было всего два летних дня, — вздохнул Гронберг-старший. — По радио передавали, что картошки ждать нечего, не успеет вырасти.

— И сено очень дорогое, — подхватил кто-то.

— Морошки тоже много не жди: холодно.

При упоминании о морошке все задвигались, заулыбались:

— Хедли, расскажи им!

Мы услышали рассказ о том, как в прошлом году двое парней из поселка пошли по морошку. Морошка — главное северное лакомство. Каждая семья запасает ее на весь год. Ну, эти двое, значит, собирают ягоду, как вдруг — медведь. Парни помчались что твои зайцы. Медведь за ними. Один бросил корзину. А корзина сверху узкая, внизу широкая. Медведь сунул в нее нос, корзина и наделась ему на башку, да так плотно! Ничего не видит, трясет башкой, взревел даже. Парни не стали ждать, чем все это кончится, прибавили ходу...

— Да, нынче с морошкой плоховато. Зато рыбы много.

О рыбе здесь могут говорить с утра до вечера, а проснувшись среди ночи — продолжать разговор.

В Ботсфиорде примерно полторы тысячи жителей. Вся промышленность — рыбоперерабатывающий завод, возле которого мы рыбачили. Есть еще несколько рыборазделочных пунктов у скупщиков. Все в Ботсфиорде зависит от улова: доходы, свадьбы, строительство новых домов, настроение, даже, пожалуй, успехи ребят в школе.

В море Ботсфиорд уходит на небольших моторных суденышках и на совсем маленьких моторных лодках. Крупных судов у здешних рыбаков нет. Спят рыбаки два-три часа в сутки, отсыпаются потом на берегу. Едят свежую рыбу и фиске-пудинг. Это только название такое громкое, а делается пудинг на судне, в море, просто: кусок филе присыпают мукой и жарят.

— А водка? — интересуюсь я.

— Спиртное нам в море не по вкусу, — отвечает Хедли.

Он считает: работа рыбака настолько тяжела, что ослаблять себя водкой может лишь очень глупый человек. В море рыбаки пьют самый крепкий кофе и очень много курят. Наверное, поэтому среди них столько больных язвой желудка. Да, что ни говори, а рыба людям даром не дается! Вот молодые и стараются подыскать себе какое-нибудь другое дело. Если бы было просто устроиться на завод или в контору, то, наверное, пришлось бы часть рыболовецких судов ставить на прикол. И тогда Норвегия утратила бы часть своей славы.

Хедли достает что-то вроде всенорвежского календаря рыбаков. Он считает, что нам нелишне будет узнать о том, какое видное место в стране занимают рыбаки. Во-первых, флот: 40 тысяч рыболовных судов. Правда, многие из них — небольшие боты и прочая мелочь, как в Ботсфиорде. Улов доходит до 2,8—3,0 миллионов тонн в год. А всех жителей в Норвегии 3,8 миллиона. Поищите-ка еще одну страну, где бы на каждого жителя приходилось столько рыбы!

Да и по общему улову Норвегия опередила любое приморское государство Европы. Считается, что в удачливый год норвежцы могли бы приготовить рыбный обед из двух блюд всему населению земного шара.

Но это, конечно, лирика, а если говорить по-деловому, то каждый год Норвегия продает другим странам почти на 200 миллионов долларов мороженого рыбного филе, вяленой и сушеной рыбы, селедочной муки и прочих рыбных продуктов, которые добываются такими вот руками.

И Хедли Гронберг простер над столом свои ладони.

Мы сочли это прекрасным поводом для тоста за всех норвежских рыбаков, за рыбаков Ботсфиорда и за рыбаков семейства Гронберг в особенности.

...В канун Нового, 1969 года я получил в Москве объемистый пакет. На синих марках был портрет короля Улафа V. Внутри оказался превосходно изданный календарь с цветными иллюстрациями. На обложке над темными береговыми скалами пылали облака, подсвеченные полуночным солнцем. Маленький рыбацкий парусник совсем затерялся где-то сбоку. «Георг! Счастливого рождества и Нового года! Вспоминай Ботсфиорд!» — было написано на обложке. И подпись: «По поручению всех Гронбергов — Хедли Гронберг».

ИВАН КРИВОНОС, НОРВЕЖСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Выйдя ранним утром поснимать рыбаков, вижу вдруг на белом деревянном складе норвежские буквы, слагающие вовсе не норвежские имя и фамилию: «Иван Кривонос».

В полутемном помещении несколько человек возятся с рыбой. Здороваюсь. Молча кивают. Один, постарше, продолжая взвешивать треску, окидывает меня быстрым, цепким взглядом. Спросить у кого-нибудь, почему на складе написано «Кривонос»? Нет, лучше разузнаю у Гронбергов.

Только вышел из склада — тот, что взвешивал рыбу, за мной. Остановился, смотрит.

— Ду ю спик инглиш? — спрашиваю я.

— Та-ак, — тянет он. — Выходит, землячок. Могу по-английски. Могу и по-русски, не забыл еще.

— Значит, вы и есть Кривонос?

— Совершенно верно, Кривонос, Иван Михайло-

вич. Предприниматель. А вы откуда же? С кем, позвольте узнать, честь имею?

— Давно вы здесь? — спрашиваю и я.

— Давненько. С революции. Ничего, живу, как видите.

При этом он показывает рукой на склад: не только, мол, живу, но и кое-что нажил по малости.

Присматриваюсь к предпринимателю: сколько же ему лет? Пожалуй, около семидесяти. Но еще бодр, глазки хитрющие. Кривонос по-своему истолковывает мой взгляд.

— Что, поди, живого капиталиста впервые видите, а? Любопытно небось?

— Не очень, — чистосердечно говорю я. — Скажу по секрету: самого Нельсона Рокфеллера наблюдал на таком же вот расстоянии, как вас.

Предприниматель смотрит на меня недоверчиво и несколько озадаченно.

— Ну, бывайте здоровы, — прощаюсь я.

Едва прошел метров триста — догоняет машина. Кривонос. Но уже не в робе, а в нейлоновой куртке, шляпе и даже в перчатках.

— Вы к Гронбергам? Давайте подвезу.

Что-то предпринимателю от меня надо. Любопытно.

— Американская машина. У сына купил. Он у меня в Соединенных Штатах.

— Тоже предприниматель?

— Не-ет... Вот мы и приехали.

Кривонос вместе со мной поднимается на высокое крыльцо двухэтажного дома Гронбергов. Я бы не сказал, что его появление обрадовало хозяев. Но Кривоноса это нимало не смущает. Он просит попить, не спеша выпивает бутылочку оранжада, что-то говорит по-норвежски Хедли. Потом величественно и небрежно кивает всем головой и исчезает в дверях.

— Капиталист, — говорит Хедли. Для него загадочно наше совместное появление.

Заговорили все разом. Да, этот Кривонос тут осел давно. Норвежскому по-настоящему так и не научился, а вот делишки свои обделывает ловко. Начал как простой рыбак, да и теперь ничего не чурается, возится с утра до вечера либо на складе, либо на причале, смотрит, чтобы своего не упустить. Причал у него

в удобном месте, там глубоко, могут подходить большие суда. Видели огромный бак на склоне повыше склада? Это тоже его, Кривоноса. Приспособил для заправки судов горючим. Вот рыбаки и везут рыбу ему, а не другим скупщикам; сразу и улов продашь и на новый рейс заправишься. Это еще не все: Кривонос дом построил, сдает там койки рыбакам и морякам. Надо кому грузовик для перевозки — идут к Кривоносу, у него два, плати денежки и пользуйся.

Сын у него в Америке, служит там, кажется, не то в армии, не то в полиции, а дочь замужем за немцем, живет в Западной Германии. Сам Кривонос ни с кем в Ботсфиорде особенно не водится, но многие ведут с ним дела.

И я понял, зачем Ивану Кривоносу, предпринимателю, понадобилось появиться со мной у Гронбергов: единственно ради того, чтобы сказать — смотрите, мол, даже советские со мной считаются.

Но этим мое знакомство с ним не кончилось. Он узнал, что я пишу книжки. Заехал, попросил одну на память, с надписью о встрече с земляком. Услышав, что у меня нет лишнего экземпляра, сказал проникновенно:

— Так я же не бесплатно. — И полез в карман...

А в день отъезда мы услышали от ошеломленных Гронбергов, что нам, оказывается, предстоит еще «приветствовать господина Кривоноса в его апартаментах». Мы будто бы чуть ли не сами напросились на визит.

И я подумал: до чего же все-таки цепок российский кулак, напористый, смекалистый, изворотливый, изощряющий свой практичный ум в поисках любых путей для приумножения капиталца. Выпололи его, как сорняк, выдрали из родной почвы с корнями, выбросили прочь, а он и в северный гранит вцепился, кое-как удержался, потом пустил ростки и уже осторожненько опутывает простодушных рыбаков. Только действует не как прежде у себя на селе, не грубо, не «жми-дави», но в меру умения; на просвещенный европейский лад. У него и «форд», и телефон, и чековая книжка. Только, кажется, и осталось у норвежского предпринимателя Ивана Кривоноса одна прежняя стародавняя страсть: рядом с гаражом, где стоят две легковые машины, держит он «для души» старого мерина.

КОЕ-ЧТО О НОРВЕЖСКОМ ХАРАКТЕРЕ

Теперь нам надо в Берлевог.

Это самый северный поселок на Варангере. Из Ботсфиорда туда можно идти морем, можно и по сухопутью. Гронберги созваниваются с теми, кто примет нас как палочку эстафеты. Решено ехать на машинах. До полдороги довезут ботсфиордцы, а там встретят берлевогцы.

Дорога то выскакивает на плоскогорья, то огибает фиорды. Блеклые краски, холодный, влажный воздух, снег в лощинах. Пейзаж и погода напоминают мне об острове Диксон в устье Енисея, где почти все короткое лето можно проходить, не сменяя шапку на фуражку.

Встреча происходит у реки, с уступа на уступ скачущей к морю. Хедли с комическим видом пересчитывает нас:

— Никого не потеряли. Принимайте, все тут.

Три минуты — и мы уже мчимся дальше в других машинах. Как и полагается, молчим до самого въезда в поселок.

Берлевог — близнец Ботсфиорда. И здесь крытые толем двухэтажные деревянные домики, выкрашенные в ярчайшие цвета, герани на окнах, запах рыбы, чайки над заливом, бессонные рыбацкие ночи, переменчивая рыбацкая удача.

Моего хозяина зовут Рикард. Он столяр. Последнюю неделю Рикард не работает, у него болит спина. Жена уехала на «хютте» — так норвежцы называют горные хижины, что-то вроде хуторов. Мы будем жить по-холостячки.

Мне отведена на мансарде комната Кнута, сына Рикарда. Он моряк торгового флота и сейчас в плавании. Модель его корабля стоит на столике рядом с портретом миловидной девушки. Невеста? Однако на стенах всюду прикреплены открытки ослепительных полуобнаженных красавиц.

Один угол забит сувенирами. Платки с набивными рисунками и вымпелы заменяют здесь наклейки на чемоданах. Кнут побывал в Йокогаме, заносило его в Техас и Балтимору, ходил он и в Канаду — вон на платке изображен морской путь по реке Св. Лаврентия. Судя по вымпелам, парню из Берлевога знакомы Новый Орлеан и Дурбан. А вон деревянный погонщик верхом на ослике тянет за собой трех связанных медной цепочкой верблюдов. У меня дома есть такой же караван, купленный в лавчонке на каирском базаре Хан-Халили.

Парень в общем-то потерян для дома. Норвегия — всемирный морской извозчик. Большая часть ее огромного флота скитается по дальним морям и гаваням, перевоза чужие грузы. Иной корабль несколько лет не

бывает в родном порту. Когда последний раз Рикард видел сына?

— Давно, — неопределенно отвечает он.

Нам очень трудно разговаривать: запас английских слов у Рикарда равен моему запасу норвежских. Но мы легко находим общий язык в быту: Рикард жарит рыбу и варит кофе, мое дело мыть посуду и подметать пол.

Когда я первый раз направился к раковине с грязными тарелками, Рикард отнюдь не стал хватать меня за рукав. Он плеснул немного жидкого мыла в раковину, подал мне полотенце и ушел из дома по своим делам.

Простота и естественность — черты характера норвежцев. Никакой манерности, никакого жеманства. Весь этикет сведен к практически-целесообразному минимуму. Хозяйка в знак уважения к гостю может принести ему ранним утром чашку кофе прямо к постели: это старый обычай. Но, пожалуй, тем и кончается несколько стеснительная и непривычная для иностранца сторона норвежского гостеприимства.

В остальном гость действительно чувствует себя как дома. С ним не носятся, не закармливают, не задаривают. Говорят ему, что обычно в доме завтракают в такой-то час, обедают тогда-то, и показывают, где найти ключ от дома, если хозяева отлучатся. Опоздал — пообедают без тебя, оставив тебе еду.

Когда пароход подходил к причалу, мы пытались угадать, кто именно из стоящих у трапа теряет время ради гостей издалека: все встречающие стояли молча, спокойно, почти безучастно, без приветственных жестов. Может, наша телеграмма запоздала?

Раиса Алексеевна спускается по трапу на разведку. Тотчас к ней неторопливо подходит кто-нибудь из местного отделения общества «Норвегия — Советский Союз». Спрашивает, где багаж, показывает, где нас ждут машины, рассказывает, где каждый из нас будет жить. Через четверть часа все размещены и устроены.

И так же деловито, спокойно организуется отъезд. Наши новые друзья приходят попрощаться. Но если все в порядке, они не толкуются на причале целый час только для того, чтобы помахать платочком вслед уходящему пароходу. До отхода судна остается кто-ни-

будь один, кому поручена забота о гостях: вдруг возникнут непредвиденные обстоятельства?

И уверяю вас, подобные отступления от условностей «дипломатического протокола» только облегчали нашу жизнь. Я уже не говорю о том, сколько драгоценного времени сэкономили они нашим друзьям, у которых предостаточно своих дел и забот.

РИКАРД СПРАШИВАЕТ...

Водолаз Маркус Якобсен, друг Рикарда, свободно говорит по-русски.

И сразу оказывается, что мой хозяин — разговорчивый, любознательный человек. Маркус охотно переводит. Я только и слышу:

— Рикард говорит...

— Рикард спрашивает...

— Рикард хотел бы знать...

Рикард говорит, что летняя треска — плохая, не вкусная, и настоящий северянин ее есть не станет. Он говорит также, что в Берлевоге килограмм трески стоит, в зависимости от качества и сезона, 1,5—3,5 кроны, тогда как в Осло ее не купишь дешевле чем за 7—8 крон. Не слишком ли большую долю получают перекупщики, оптовики, торговцы?

— Рикард спрашивает, — переводит Маркус, — могут ли у вас продавать рыбу в каждом городе по такой цене, какую устанавливают торговцы, или тут есть какие-либо ограничения?

— Рикард говорит, что дом обошелся ему в пятьдесят тысяч крон. Рикард спрашивает, как у вас с жильем? Мог бы он, Рикард, купить себе дом в Мурманске, если бы, конечно, он, Рикард, был не норвежцем, а русским?

У столяра из Берлевога интерес к нашей стране, к тому, как мы живем, не мимолетный, не поверхностный. Он расспрашивает с основательностью практичного человека, привыкшего размышлять о житейских делах, искать во всем плюсы и минусы.

Начинается разговор о колхозах. Рикард говорит, что ему хорошо знакомо, о чем думают и к чему стремятся норвежский рыбак и норвежский крестьянин.

Да, стремление как-то объединиться есть и у них. Особенно у рыбаков, которым хочется самим вести дела, обходиться без скупщиков, без спекулянтов. Но при этом крестьянин хочет оставаться на своей земле, а рыбак — уходить в море на своей посудине. В России же все пошло гораздо дальше.

— Рикард хотел бы знать: не лучше ли оставить колхозы, но вернуть крестьянам землю? Или, может, советские крестьяне сами отказались бы теперь от земли?

Иногда мой хозяин произносит всего два-три слова, а Маркус превращает их в весьма развернутый вопрос. Сам Маркус вроде бы ни о чем не спрашивает...

Мы втроем едем смотреть окрестности Берлевога. Маркус вспоминает, что где-то на берегу под скалами еще в конце прошлого века были похоронены капитан и кок русского судна. Тогда русские корабли часто приходили сюда, привозили лес, масло, покупали рыбу. Маркус не помнит имени капитана, знает лишь, что на кресте было написано: «Иванович».

Долго ищем заброшенные могилы. Нет, Маркус забыл место. Или ветры повалили крест.

— А теперь посмотрим, где был лагерь.

Голое каменистое плато в нескольких сотнях метров от поселка. Ржавая колючая проволока на сохранившихся кое-где столбах. Остатки развалившихся печурок.

— Рикард говорит, что бежать отсюда было трудно: место открытое. Ночью немцы все вокруг освещали прожекторами. Но ваши убегали.

Дорога уходит дальше, к Тана-фиорду, омывающему Варангер с запада. Все тот же камень, открытые всем ветрам сопки, и на них то тут, то там некие сложные сооружения.

— Рикард говорит, что ему не нравится, когда столько денег уходит на военные расходы. Он думает, что Советский Союз никогда не нападет на Норвегию. Но Рикард считает, что НАТО приносит некоторую пользу северу страны.

Вот те раз! В чем же тут польза?

Рикард развивает свою мысль. Немцы сожгли, взорвали, разрушили почти все города норвежского Заполярья. Первые послевоенные годы правительство

помогало восстанавливать их. Города стали лучше, красивее, чем были до войны. Он, Рикард, имел заказы на много месяцев вперед. Казалось, что и дальше все будет развиваться наилучшим образом.

Но потом стало хуже, гораздо хуже. Политики из буржуазных партий ничуть не беспокоятся о том, чтобы жители какого-то Берлевога или Ботсфиорда получили, наконец, современные предприятия по переработке рыбы. Они, эти господа, наверное, считают: нужно делать так, чтобы на севере норвежцы зарабатывали прежде всего на военных работах, которые ведет НАТО.

— Рикард спрашивает, заметили ли вы красивого молодого господина с зонтиком, с которым он раскланялся, когда мы садились в машину? Он капитан, но обычно не носит военную форму. Здесь немало других военных. Они получают большие деньги. Они снимают комнаты в наших домах и хорошо платят. Лавочники тоже довольны ими. Иная хозяйка думает: если моя дочь выйдет замуж за военного, у нее будут новые наряды и в тот год, когда рыба не идет в сети. Рикард сам не строит шуток, что стоят на вершинах. Но те, кто их строит, дают ему заказы. Некоторые люди хорошо зарабатывают на прокладке военных дорог. Рикард считает, что, возможно, правительство специально делает так, чтобы у многих людей кусок хлеба зависел от того, будет ли Норвегия по-прежнему состоять в НАТО.

Да, как видно, на севере страны делается все для того, чтобы любыми способами оправдать участие Норвегии в агрессивном блоке. Тут и запугивание, и шпиономания, и целенаправленная экономическая политика...

ЛЕЙФ-ВЕСЕЛЬЧАК

Это, конечно, была выдумка Лейфа — расклеенные накануне нашего приезда плакаты: «Парад звезд! Воспользуйтесь чудесной возможностью!»

Когда взволнованная Раиса Алексеевна перевела нам текст плаката, я посмотрел на Ордынского, Ордынский — на меня: типичные «звезды»! Но, может,

плакат посвящен Марте Цифринович и Борису Уварову? Нет, в нем поименованы все!

Мало того, «парад звезд» должен состояться дважды в день; для детей и для взрослых, в 17.00 и в 21.00...

А Лейф только посмеивается:

— Можете все свалить на нас. Или лучше придумайте какое-нибудь забавное обращение к зрителям. У нас люди с юмором, поймут. На севере без юмора не проживешь. И потом, чем кинорежиссер хуже кинозвезды? Пусть расскажет, как он снимал советских «звезд». Ведь были же, наверное, разные забавные случаи?

В общем «парад звезд» состоялся. Ордынский со-сал валидол, но все обошлось благополучно. Зрители, отнюдь не избалованные зрелищами, восторженно встретили выступление артистической части нашего «парада» и были достаточно снисходительны к остальным «звездам».

— Я же говорил! — радовался Лейф. — Нет, надо было брать за вход кроны по три. Еще лучше — пять.

Лейф Ананиассен лучится улыбками. У него озорные голубые глаза и ранняя лысина, разредившая космы чуть рыжеватых волос. Лейфу немногим больше тридцати. Он и рыбак и моряк, успевший обойти немало дальних стран. Лейф хорошо говорит по-английски, сносно — по-испански. В первый же день он легко схватил десятка полтора русских слов. На ужине после «парада» Лейф спел рыбацкую песню, а потом взял трубу и вместе с Борисом Уваровым исполнил несколько норвежских народных мелодий: оказывается, оба успели тайком порепетировать часок-другой.

Молчаливых норвежцев во много раз больше, чем болтливых. Может быть, тут соотношение один к сотне. Неторопливых и спокойных, безусловно, больше, чем суетящихся невзрастеников. Отмечаемое многими сходство норвежцев с сибиряками — не только в манере держаться, но и в характере, в темпераменте.

Несколько лет назад писатель Сигурд Хель вместе с мастером фоторепортажа К. Гуллерсом выпустил на английском языке книгу о своей стране. Упомянув, в частности, о распространенности мнения, будто норвежцы представляют собой необыкновенно однород-

ную в этническом отношении массу, писатель находил этот вывод слишком упрощенным. Да, совершенно справедливо, что в большинстве норвежцы высоки и стройны. На севере страны средний рост призываемых в армию новобранцев наибольший в Европе, а возможно, и в мире. Но неподалеку живут лапландцы, которые считаются самыми низкорослыми из жителей Европы. Среди норвежцев встречаются светловолосые и брюнеты, высокие и низкорослые, открытые и скрытные, отважные и осторожные, общительные и замкнутые. Таков народ Норвегии да, наверное, и большинства стран.

Путеводитель, изданный почти сто лет назад, предупреждал: «В Норвегии путешественник должен застаться спокойствием, уравновешенностью и вежливостью. Национальный характер — независимый, и нигде в стране нельзя продвинуться далеко с помощью команды или окриков. Путешественник должен иметь запас терпения, потому что многие вещи изменяются гораздо медленнее, чем это кажется вероятным или желаемым».

С тех пор как был опубликован путеводитель, замечает Сигурд Хёль, многое переменялось. Даже в самые отдаленные уголки проникла суета современной жизни. Однако наиболее устойчивые черты народа остались, сохранились. Норвежец — индивидуалист, и он независим. Каждая семья живет своим маленьким мирком. Никто не переступит порога соседа без надобности.

Обычно считается, что народ, живущий на юге, более темпераментен, тогда как северяне уравновешены и замкнуты.

Но в Норвегии часто бывает, что фермер, одиноко живущий в горах, гораздо живее и общительнее своего товарища, обитающего в зеленой долине. Нередко путешественник, добравшись до Северной Норвегии, обнаруживает там более открытых, веселых, поэтичных собеседников, чем в других местах страны.

Наш Лейф Ананиассен был живым свидетельством авторитетности мнения такого знатока норвежского характера, каким, несомненно, является Сигурд Хёль. Живостью Лейф не уступал итальянцу. Рикард сказал, что Ананас — так прозвали Лейфа его товарищи за

рыжеватые волосы — всегда был общим любимцем на всех судах, где ему приходилось работать.

...Прошло немногим больше месяца после нашей поездки по Норвегии — и Лейф приехал с делегацией в Москву. На встрече в обществе «Советский Союз — Норвегия» он, лукаво поглядывая на Ордынского и Уварова, сказал:

— К сожалению, я не оратор. Но мне хотелось бы рассказать об одном случае. Мои друзья Василий и Борис попросили, чтобы я пошел с ними ловить рыбу. Я сначала колебался: по норвежским законам иностранцы не могут вести лов ближе двенадцати миль от берега. Но в норвежских законах ничего не говорится о ловле на крючок пернатых. Наверное, Борис хорошо знал об этом. Поэтому он, забрасывая удочку, сделал это так, что налетевшая чайка проглотила наживку вместе с крючком. Два часа мы пытались освободить птицу. Вы понимаете, что все получили огромное удовольствие от рыбной ловли, а закон не был нарушен...

Таков Лейф — весельчак.

А если вам попадет в руки книга «Норвежские были», о которой я уже упоминал, то вы можете увидеть, как Лейф Ананиассен выглядел в десятилетнем возрасте. Снимок сделан в 1943 году. Именно в этом году охранник нещадно избил Лейфа за то, что мальчуган тайком приносил вареную рыбу русским пленным, голодавшим в лагере под Берлевогом. Лейф много дней пролежал в постели. А выздоровев, понес русским хлеб.

ДУГА МЕРИДИАНА

Теплоход «Полярное сияние» линии Киркенес — Берген покинул Берлевог поздно вечером.

Он останавливался далеко на рейде. Нас доставил туда старый, обшарпанный баркас, где с бортов свисали, защищая суденышко от ударов, старые автомобильные покрышки. Вместе с нами ехало несколько чистеньких немцев в щегольских зеленых шляпах и с двустволками на ремне. Эти туристы намеревались пострелять птиц в скалах возле Нордкапа.

«Полярное сияние» оказалось переполненным. Пассажиры клевали носом в салонах. Другие слонялись по палубе, боясь проспать самое интересное: макушку Европы.

Ее мы достигли глубокой ночью. Нет человека, который не сообщил бы в своих путевых записях, что в действительности материк Европы кончается довольно невзрачным мысом Нордкином, тогда как прославленный Нордкап — всего лишь северная оконечность острова Магерё, расположенного возле материка.

Карел Чапек считал, что Европа выбрала Нордкап своей самой северной точкой просто из-за неравнодушия к эффектам. Уж если оконечность, то пусть и выглядит соответственно! Разве можно сравнить отвесную глыбу Нордкапа с невысоким Нордкином?

В конце концов не обижены оба мыса: географы признают Нордкин, красивые дипломы, подтверждающие, что такой-то бесстрашный путешественник действительно достиг самой северной точки Европы, получают туристы, посетившие Нордкап.

Хаммерфесту, который долго делил славу «самого северного» с мрачноватым красавцем мысом, повезло меньше. Теперь это уже бесповоротно и бесспорно не самый северный город в мире: человек сильно продвинулся в сторону полюса.

Я уже заранее решил, что начну в Хаммерфесте с паломничества к «Меридиану». Он был виден еще с теплохода. Вернее, не «он», а «она», полированная колонна, увенчанная позеленевшим бронзовым глобусом. Вторую точно такую же воздвигли в прошлом веке на Дунае, возле Измаила.

Между этими двумя точками лежит знаменитая русско-скандинавская дуга. Наш крупнейший астроном Василий Яковлевич Струве руководил ее измерением из конца в конец точно по меридиану. Дугу измерили, если можно так выразиться, вручную. Прошагали со стальными лентами всю Европу. В мире бушевали войны, перекраивались границы государств, сменялись на тронах самодержцы, а отряды русских, шведских, норвежских геодезистов методически преодолевали на земной поверхности градус за градусом.

Они вышли в путь вскоре после изгнания Наполеона из России. Весть о восстании декабристов заста-

ла их за работой. Они закончили измерения лишь в канун Крымской войны.

Золотые буквы на розоватом граните напоминают нам сегодня, что именно здесь, в Хаммерфесте, на широте $70^{\circ}40'11,3''$ находится северная оконечность гигантской дуги меридиана длиной в $25^{\circ}10'$. Имена геодезистов не названы. Сказано лишь, что работы производились «по повелению и под покровительством императоров Александра I, Николая I и короля Оскара I» и что «геометры трех наций трудились с 1816 по 1852 год».

Колонна поставлена на невысоком скалистом мысу, защищающем гавань. Ее окружают яркие красные домики. Тут же здание школы. Неподалеку нефтяной резервуар «Эссо». Все буднично и обычно.

«Меридиан» мог бы послужить поводом для размышлений о давности традиций русско-скандинавского научного сотрудничества. Но в те минуты, когда под ударами ветра с моря я стоял возле колонны, мне, бывшему изыскателю-геодезисту, представлялась лишь полынная степь, рыжие суслики, горстка запыленных людей, буссоль на треноге, поблескивание стальной измерительной ленты.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ НА КРАСНОМ ПОЛЕ

Хаммерфест не лишен декоративности. На главной улице — чучело белого медведя. мех по хребту зверя вытерт прикосновениями ладоней. Редкий турист удержится от соблазна сняться в интимной, но вполне безопасной близости с самим «владыкой Арктики».

В магазинных витринах — моржовые и тюленьи шкуры, маленькие тюленчики, сделанные из шкур настоящих маленьких тюленчиков, яркие лапландские шапки, ножи в ножнах из оленьих рогов, мокасины и прочая экзотика, очень дорогая. Цены всюду только в долларах и фунтах.

Местные, хаммерфестские покупатели ничем экзотическим не интересуются начисто. Они идут в магазин «Все для моря», где действительно есть все, что может понадобиться моряку, рыбаку, китобою, зверобою. Здесь цены только в норвежских кронах.

Над городом скалистые склоны. Иные пологие, где сочная трава кое-что отвоевала у камня. Другие крутейшие, там серебряные нити ручьев и крепкие, надежно подпертые изгороди — защита от камнепадов.

В море напротив города беспорядочно полузатоплены гигантские каменные глыбы островов. Видна только нижняя часть, а вершины прикрыты облаками. Серовато-синие, они лежат покойно, прочно, давно. Уже много дней в этом городе незаходящего летнего солнца не видели солнечного луча, и столбик термометра не спеша ползает между пятью и десятью градусами.

Хаммерфест застроен подковой на узкой полосе, огибающей залив. От нее часть кварталов отростком вытянулась вдоль боковой долины, по берегу небольшого озера. Свободного места больше нет, горы тесно зажали городские кварталы. Иные смельчаки, впрочем, долбят камень на крутизне, выравнивая площадку, чтобы прилепить домик.

В отличие от Вадсё, гитлеровцы жгли Хаммерфест в ветреный день. Есть снимок горящего города. Дым и буйное пламя низко стелются над горами. Сгорело все. Город отстроен на совершенно пустом месте. Теперь здесь такие же домики, как в Киркенесе, они рассыпаны столь же свободно, как в Берлевоге, и их несколько больше, чем в Ботсфиорде. В сущности, домики стандартны и угнетали бы своим однообразием. Но краски, краски! Волшебницы и обманщицы!

— У вас что, мало красок? — опять спрашивают нас те, кто побывал на нашем севере. — Ведь дерево темнеет и стареет без краски.

Мне казалось нелепым выкрасить половину дома в один цвет, половину — в другой. А тут красят. Одна половина синяя, другая — как яичный желток. Один владелец разбил под окнами своей половины цветничок, другой предпочитает траву. И ничего, совсем даже ничего!

Нас сопровождает Аксель Валь, коренастый, неторопливый, нос горбинкой. Мы знаем о нем только, что он Аксель Валь, и будет показывать нам город. Ему, видимо, около пятидесяти, он тщательно и со вкусом одет, подчеркнуто корректен, немногословен.

Начали с гавани. В ее центре по-хозяйски располо-

жились розовато-серые здания заводского типа. На главном — видимые издали буквы: «Финдус». Этот концерн, занятый скупкой и переработкой рыбы, имеет отделения во многих норвежских городах. Здесь, сказал нам Валь, на него работают около тысячи человек. А всех жителей в Хаммерфесте — семь тысяч. Понятно, что от «Финдуса» тут многое зависит.

— В «Финдусе» есть швейцарские капиталы, — заметил Валь. — Это не чисто национальное предприятие.

— А велика ли доля швейцарцев?

— Не могу вам сказать. Нужно навести справки. Постараюсь узнать к вечеру. Или завтра утром.

Норвежец редко ответит сразу. Он подумает. Не в том дело, что норвежец медлителен — он хочет ответить точно, достоверно, а никак не приблизительно. Если он не знает точно, когда построен мост, то скажет примерно так:

— Я не знаю определенно, но, возможно, это было пять лет назад. Надо уточнить.

Он спросит одного, другого, третьего прохожего. Да, мост открыли пять лет назад, в июне, хотя один господин думает, что это было в начале июля.

В Хаммерфесте все близко, все рядом, особенно в центре, где от небольшой площади расходятся улицы-коротышки, либо скатывающиеся к морю, либо упирающиеся в скалы. Прохожие не останавливаются у примелькавшихся витрин. Оживление только у лотерейного автофургона. На полках расставлены разные пустяки: тарелки, барабаны, баночки кофе, куклы, дорожные столовые приборы. Билеты — в пластмассовом ведерке, которое встряхивает владелец всех этих сокровищ. Фургон разъезжает по городам и местечкам, соблазняя детвору.

— Теперь мы пойдем на кладбище, — предложил Валь.

— Зачем же на кладбище?

— Если хотите, это наш единственный парк. Кроме того, вы увидите там похоронную часовню — все, что осталось после войны от старого Хаммерфеста.

Над темными надгробьями распускалась рябина. Подальше, у ручья, пышно цвела черемуха.

— В Хаммерфесте девять месяцев белая зима и три — зеленая зима, — усмехнулся Валь. — Вы слыша-

ли, наверное, что наш город первым в Европе осветил улицы электричеством? Это не от богатства, а по необходимости. Почти семьдесят зимних дней солнце забывает о Хаммерфесте, не показываясь над горизонтом. В Москве черемуха цветет в начале мая, не так ли? У нас, видите, в конце июля. А теперь мы посмотрим, что сделали члены клуба «Белый медведь».

Члены клуба «Белый медведь» сделали музей в рагуше, внешне напоминающей контору небольшого банка. «Усердие людей покоряет природу» — написано полатыни и по-норвежски на одной из стен холла, легко превращаемого в зал заседаний. Здесь собраны подарки городу: вымпелы, кубки, гербы городов. Герб самого Хаммерфеста — белый медведь на красном поле.

Музей пока совмещен с конторой. Канцелярские столы будут стоять до тех пор, пока не наберется достаточно экспонатов. Здесь ржавые ножи зверобоев, гарпуны, шкуры тюленей и белых медведей, растянутые по стенам и лежащие на полу. Это реликвии старого Хаммерфеста, который бил зверей, торговал китовым и рыбьим жиром. Голова моржа нацелила в нас бивни. Китовый позвонок лежал возле «вороньего гнезда» — дозорной бочки с медными поручнями, снятой с мачты зверобойного судна.

Среди старых фотографий — рейд Хаммерфеста, забитый судами.

— Это русские шхуны, — пояснил чиновник, на время превратившийся в экскурсовода. — Наш город очень хорошо торговал с русскими. Мы сожалеем, что до сих пор не удастся вновь по-настоящему наладить поморскую торговлю.

Опять о том же! Поморская торговля, поморская торговля... Но в чем были ее особенности? Что, собственно, она собой представляла? Заинтересовавшись всем этим, я позднее, вернувшись домой, обратился к некоторым свидетельствам очевидцев.

Наш соотечественник Александр Коптяев, путешествовавший по Норвегии в конце прошлого века, видел в гавани Хаммерфеста 14 судов под русским флагом. Они привозили сюда из Архангельска хлеб, крупы и бересту, употребляемую норвежцами для покрытия крыш, а возвращались с рыбой, причем сам трюм судна служил как бы огромной бочкой для засола.

Посетивший Хаммерфест в 1861 году путешественник Карл Фогт писал об этом городе, как о главном месте русской торговли. Он застал в гавани множество русских трехмачтовых кораблей, которые «привозят муку в кулях, сплетенных из бересты, дрова, оленьи шкуры и меняют их на рыбу, колониальные товары, мануфактурные изделия».

Прослеживая историю поморской торговли со времен гораздо более отдаленных, нетрудно установить, что характер ее отличался стабильностью и в общих чертах сохранился до первой мировой войны, когда она, естественно, резко пошла на убыль.

Были ли, однако, удовлетворены сложившимися торговыми отношениями обе стороны? Похоже, что далеко не всегда.

Известный беллетрист Василий Немирович-Данченко, побывав в 1873 году на севере России и Норвегии, нашел, что норвежцы пользуются в русских водах и на русском побережье самыми широкими правами, чего никак нельзя сказать о положении русских в Норвегии. Доктор Елисеев, автор четырехтомника «По белу свету», говоря о своем нежелании «беречь наболевшую рану», все же не считал себя вправе обойти молчанием странное положение, сложившееся в поморской торговле. Он опросил десятки людей и пришел к выводу, что при этой торговле по-настоящему не защищены «русские интересы».

Позднее торговля наладилась на более равноправных началах; однако все увеличивающийся ввоз норвежской рыбы отнюдь не способствовал развитию отечественного рыболовства на Мурмане.

В выпущенной накануне революции 1917 года «Справочной книге для русских импортеров и экспортеров» был приложен список фирм, «имеющих интерес главным образом к русскому сырью и полуфабрикатам, а также к произведениям русской кустарной промышленности».

Эта маленькая справка показывает, что идеализация «добрых старых времен» поморской торговли вполне естественна лишь с точки зрения норвежского предпринимателя. Настоящее же возрождение традиции возможно только с учетом коренных изменений, происшедших на Севере, где партнер норвежских

фирм — не отсталая страна, продающая сырье, полуфабрикаты и кустарные изделия, а великая индустриальная держава, признающая только равноправные отношения и взаимную выгоду в торговле.

КОГДА С ГОР СПУСКАЮТСЯ ОЛЕНИ

У озера на окраине Хаммерфеста стоит самый большой дом в городе. Он полуподковой огибает выступ горы. Если подняться по ее склону, то сверху дом кажется плотиной, накопившей озерную воду.

Смотришь снаружи — в доме шесть этажей. Войдешь — только три. Три этажа двухэтажных квартир. В каждой один вход и внутренняя лестница.

Семейство Кристиансен занимает квартиру в этом доме. Нам отведен ее второй этаж. Я живу в комнате сына. Ему семнадцать. На стене — вырезанная из плаката фигура ковбоя, пояс с двумя очень натурально сделанными пистолетами и лассо. Полочка тесно забита книжками в ярчайших обложках: приключения на «диком Западе», Агата Кристи, Флеминг. Но все это — вчерашние увлечения подростка. Теперь паренек в море, ушел на суденышке вместе с рыбаками: отец считает, что пора переходить к трудовой жизни.

Хаммерфест для Кристиансенов — южный город. Осмунд Кристиансен долго работал бухгалтером, если не ошибаюсь, на Шпицбергене. Он редко улыбается, говорит медленно, с большими паузами. Это можно было бы приписать влиянию снежной пустыни и долгих полярных ночей, но живость характера Герд Кристиансен, которая провела на севере почти столько же лет, сколько ее муж, опровергает такое предположение.

Четвертый член семьи Кристиансен — очаровательная Ева, гибкая, тонкая, грациозная. Она школьница. У нее проворные руки и постоянная готовность помочь матери в хлопотах по дому.

Каждый вечер мы собираемся в гостиной, откуда через широкие окна видно спокойное серое озеро и разноцветные домики. Солнце так ни разу и не показалось над Хаммерфестом, но призрачный мягкий свет летней ночи достаточно освещает все уголки комнаты.

Сегодня наш последний вечер, завтра мы уезжаем в Тромсё. Пришел Аксель Валь. Начинается неторопливый разговор о жизни северян.

— Отсюда до Осло примерно столько же, сколько от Осло до Гибралтара, — говорит Аксель. — Здесь нет железных дорог. Море — вот наша железная дорога. Чтобы выпить кружку пива и переброситься словечком с добрым знакомым, северянин готов пройти десятки километров. Люди живут разбросанно. Здесь, особенно в маленьких поселках, до всего далеко. Далеко до церкви, врача, школы. Я читал где-то: месяцы темной ночи гасят энергию и истощают юмор.

— Но люди не покидают этот край, — вставляет хозяин дома.

— Да, это так. Они патриоты. Они считают, что морошка — лучшая в мире ягода. Они думают, что раз человек готов идти весь день по тундре ради короткой встречи с другом, то это делает дружбу более крепкой. Кроме того, нам трудно найти дело на юге.

— Ева, вы хотели бы жить на юге? — спрашиваю я.

— О да! — горячо вырывается у Евы.

Отец укоризненно и печально смотрит на дочь сквозь очки.

— Это потому, что она видела Крым.

Кристиансены недавно ездили всей семьей в Ялгу. Они полны впечатлений. Многие им понравились. Я спросил как-то: «А что произвело на вас самое неприятное впечатление?» Подумав, Герд сказал: «Пробка. В ванне не было пробки».

Я давно уже убедился, что в память нашим друзьям с Запада иногда врезаются мелкие бытовые неприятности, к которым мы сами не столь чувствительны.

— Наши люди ездят к вам в гости, — задумчиво произносит Аксель Валь. — Очень разные люди. Самые восторженные — я буду откровенен — иногда возвращаются разочарованными. Ваша жизнь кажется им гораздо будничнее, чем рисовало их воображение. Но к вам едут также люди, которые читают только газеты правых. Они полны скептицизма. Они уверены, что за каждым их шагом в Москве будут следить, что им не дадут посмотреть ничего, кроме «Лебединого озера» и кремлевских соборов. Некоторые возвращаются и молчат: им не хочется открыто признать,

насколько они заблуждались. Другие приходят к нам в общество «Норвегия — Советский Союз». Нет, они еще не ваши друзья. Однако это честные люди. Они хотят во всем разобраться поглубже. И если такой человек останется с нами, мы знаем: на него можно положиться, он многое трезво взвесил и передумал, он не качнется от слепой восторженности к неоправданному разочарованию...

— Посмотрите, опять они! — восклицает вдруг Ева.

Она стоит у окна, выходящего в сторону гор. С гор спускаются олени. В полной тишине они идут к озеру. Впереди — самец с ветвистыми рогами.

— В сущности, это почти дикари, — замечает Кристиансен. — Лапландцы, которые кочуют возле Хаммерфеста, дают им полную свободу. У нас не любят, когда олени шляются по улицам. Они не всегда успевают дать дорогу машине.

— Олени прервали нашу беседу, — поднимается Аксель Валь. — Пора домой. Мы говорили спокойно, дружески и мирно. Я, наверное, не смогу завтра проводить вас. Но мне хочется пожелать, чтобы русские и норвежцы всегда встречались бы друг с другом так, как мы встретились под крышей этого дома.

— Он настоящий поэт, ваш Аксель, — говорю я, когда тот, уже спустившись вниз, машет нам рукой с берега озера.

— Аксель — портье гостиницы «Гранд-отель», и ему некогда думать о поэзии, — возражает Осмунд Кристиансен. — Он образованный человек, но едва ли ему удастся найти здесь другую работу. Аксель — коммунист, больше тридцати лет в партии. Однако, погодите, стихи он, кажется, действительно сочинял. В главной тюрьме гестапо в Берлине. Или, может, в гитлеровском концлагере под Гамбургом, я уж теперь не помню, он не любит рассказывать обо всем этом.

ДВЕРЬ, РАСПАХНУТАЯ В АРКТИКУ

Самым большим в нашем путешествии морским переходом мы замкнем в Тромсё дугу, описанную вокруг северного побережья Норвегии.

Тромсё примерно на одной широте с Киркенесом. Покинув Хаммерфест, теплоход медленно спускался к югу. Но в море никаких перемен. Серое небо низко нависало над ним. Иногда судно шло проливами, и тогда темные скалы заслоняли горизонт.

Лишь на подходе к Тромсё ветер внезапно разогнал тучи. Сразу пришло лето. Заискрились снега на дальних вершинах. Радостно было видеть, что зелень по склонам — это не мох, не трава, а кустарники, может быть, даже деревья. Мы уже отвыкли от них. И от больших городов — тоже.

Когда показался великолепный белый мост, перекинутый через пролив с материка на остров, занятый кварталами Тромсё, когда, кроме привычных домиков, обрисовались высокие здания, я вспомнил «парад звезд», и меня потянуло назад, в милый, тихий Берлевог.

Теплоход должен был прийти в Тромсё около полуночи, но сильно опоздал, и, когда мы выгрузились, город уже просыпался. Бедные наши друзья! Они, как и мы, не спали всю ночь. Поскольку и все предыдущие ночи нам редко удавалось поспать больше четырех-пяти часов, то можно представить, как вытянулись наши лица, когда нам объявили программу: через четыре часа — встреча с мэром, потом знакомство с городом, затем выступление в детском театре, после него... Одним словом, все уже расписано на три дня вперед.

Меня приняла под свое покровительство семья адвоката Бьерсоля. Она занимала небольшой двухэтажный дом на горе. Поспав часа три, я тихонько выскользнул за дверь, чувствуя себя провинциалом, теряющимся на шумных улицах. Надо было запоминать дорогу: это вам не Хаммерфест, где из одного конца города видно, что творится на другом.

Значит, так: повернуть у плаката, изображающего человека с огромной порцией мороженого, потом еще раз повернуть у знака, предупреждающего водителей о близости школы, пройти мимо двух желтых скамеек, дальше... А дальше уже начинались правильные прямоугольники кварталов центра.

Выставленные перед магазинами сувениров, как и в Хаммерфесте, чучела белых медведей страдали от

солнца и от бесцеремонности туристов. Рядом на клумбах цвели тюльпаны. По переулкам буйно зеленели «пальмы Тромсё», взглянув на которые хотелось воскликнуть: «Не может быть!», потому что эти трехметровые могучие растения совершенно напоминали вытянутый с помощью неведомого эликсира роста наш скромный борщевик. Как я потом узнал, это и был наш борщевик, семена которого моряки-тромсейцы случайно завезли из Игарки. Попав в относительно мягкий, влажный климат, сибиряк показал, на что он способен.

В центральных кварталах было заметно, что даже этот самый крупный из норвежских северных городов сохранял спокойное достоинство, не лез в глаза назойливой рекламой, не старался казаться «маленькой столицей».

Жена Теодора Драйзера вспоминала, как во время путешествия по Норвегии писатель, удивленный отсутствием привычного ему крикливого шума, иронически заметил, что этого одного достаточно для того, чтобы средний американец посчитал бы всю страну ни к черту не годной: «Как! Никто не поет: «Да, сэр, это моя крошка»? Боже мой, но ведь это совершенно пропащая страна!»

Если на юге Норвегии с тех пор произошли некоторые перемены, то север ее все еще остается «пропащим» и упрямо не американизирует свой быт и облик.

Правда, в кабинете мэра Тромсё г-на Робертсена не оказалось портретов предшественников: видимо, эта традиция сохраняется лишь в «глубинке» вроде Вардё. Кабинет г-на Робертсена был выдержан в строгом стиле современного делового человека. Если бы не крупномасштабные карты на стене, можно было подумать, что мы на приеме у директора банка или владельца фирмы.

Мэр начинает с карт:

— Известно ли вам, что Тромсё — второй по территории город на земном шаре?

— А первый? — принимает шутку Ордынский. — Нью-Йорк? Лондон, конечно, не в счет?

— Первый — наша соседка, шведская Кируна с ее далеко разбросанными поселками и рудниками. Вы улыбаетесь? Но после включения в нашу городскую

черту нескольких окрестных деревень территория Тромсё — почти две с половиной тысячи квадратных километров. А Большой Лондон всего тысяча восемьсот.

Конечно, Тромсё не очень богатый город, продолжает мэр, но поскольку 40 процентов налога с оборота идет на городские нужды, удастся кое-что строить.

— Ваш новый мост просто великолепен, — вставляю я.

Мэр принимает похвалу без энтузиазма. Оказалось, что мост построило на свои деньги одно частное акционерное общество при небольшой поддержке государства. Он действительно хорош, этот самый большой мост из железобетонных конструкций во всей Северной Европе, но за проезд по нему надо платить. Так будет продолжаться 10 лет. Общество, построившее мост, должно не только вернуть свое, но и получить прибыль.

Прощаясь, мэр рекомендует нам побывать в музее, а также познакомиться с режиссером Чьёлем Фьертвотом, снявшим фильм о Тромсё.

— Тогда вы как бы дважды побываете в нашем городе и увидите его глазами норвежца.

Чьель Фьертвот оказался молодым кинодокументалистом. В его фильме Тромсё именовался «Северным Парижем». К счастью, никаких попыток подкрепить претенциозное наименование режиссер не предпринял. «Меня зовут Арне, и я был в Тромсё» — так начинался дикторский текст фильма. Арне влюбляется в город, в летний снег на горах, в полуденное солнце, не дающее людям спать, в простодушных зверобоев, в неторопливую толпу на улицах.

Город был показан без назойливого хвастовства. Чьель Фьертвот не стал, например, расточать похвал новой школе. Он даже не упомянул, что она новая. Просто снял освещенный солнцем фасад и мальчугана, сломя голову несущегося к дверям. Мальчуган опоздал, уроки уже начались. Если бы толпа ребят выпала из дверей, дробя внимание зрителей, они не разглядели бы, что школа — «с иголочки». Одинокaя фигурка мальчика подчеркнула и размер нового здания.

Позднее я увидел знакомое имя режиссера под статьей о судьбах саами, живущих на севере Норвегии.

«Много поколений эти кочевники только оборонялись от общества, которое отнимало у них олени пастбища. Это способствовало развитию у саами чувства горечи, стремления к отрицанию и даже, если хотите, к уничтожению общества, которое их окружает». То, что писал Чьёль Фьертотт, сильно отличалось от утверждений туристских брошюр, восхищающихся самобытностью и патриархальностью быта маленького народа.

Музей тромсейцы построили в парке.

Можно было подумать, что утварь в витринах первой его комнаты собрана под Вологдой или Архангельском. Там были берестяные туеса и кошелки, деревянные толкуны для картошки, а каток и валец, какими прежде пользовались норвежцы Тромсё, отличались от наших разве что резьбой. По соседству оказались уже исконно русские вещи, найденные на древних становищах поморов в мерзлой земле Шпицбергена. Был тут и рогатый ухват, каким хозяйки таскали из печи горшки со щами и кашей, была разная рыболовная снасть, снаряжение зверобоев, обломки лодки.

Боевые топоры, мечи, наконечники стрел эпохи викингов мне приходилось видеть и в других норвежских музеях. Но один экспонат был единственным в своем роде: драная, выцветшая шляпа из черного фетра с обрывками парадных кистей.

Эту шляпу носил голландский полярный путешественник Виллем Баренц, погибший в 1597 году в Ледяной гавани у северной окраины Новой Земли.

Другие экспонаты также относились к экспедициям, которые никогда не будут забыты летописью полярных исследований. Многие из них не миновали Тромсё. Здесь снаряжались их корабли и пополнялись экипажи. Из тринадцати моряков «Фрама» двое, штурман Якобсен и гарпунщик Педерсен, были родом из Тромсё, третий, моряк Бентсен, заглянул на «Фрам» во время стоянки судна в тромсейской гавани, да так и остался на корабле, став любимцем команды. На старых, истертых лыжах, хранящихся в музее, житель Тромсё Хельмер Хансен шел с Руалом Амундсеном к Южному полюсу.

Гавань Тромсё с давних пор была воротами, распахнутыми в манящую и опасную Арктику.

ТРОМСЕЙСКИЕ ЛИРИКИ

«Клуб любителей лирики» пригласил нас «провести вечерок».

Приглашение передал Рангвальд Граф. Высокий, в замшевой куртке и маленькой тирольской шляпе, с тростью, перекинутой у локтя, он был похож на актера или художника. Но Рангвальд Граф — инженер.

Члены клуба обычно собираются в его доме. Это уже окраина города. Дорога туда идет мимо кладбища и называется Церковной.

Мы отправились к лирикам после выступления. Солнце пылало над горной грядой, и снег был зловеще кровавым. Любители лирики уже собрались. Кто сидел в кресле, кто на полу. Преобладали свитера. Иные сняли ботинки и остались в носках. Кроме хозяина дома, председателя и наших «звезд», в комнате собралась преимущественно молодежь.

Председатель не протискивался к столу и не искал колокольчика. Он встал у двери в соседнюю комнату. Это был человек лет 30—35 с неулыбчивым лицом и короткими усиками. Его внешность никак не вязалась с представлением о лирике. По облику он был «физиком».

Моим соседом оказался явный южанин: высокий, ладный, улыбчивый, глаза — маслины. Вот он-то — типичный лирик!

Председатель приподнял руку:

— Природа не оказала вам слишком теплого приема, ночью обещают снег, — обратился он к нам. — Но это, увы, само собой разумеется в нашей местности. Под этой крышей собрались представители нескольких наций. Здесь есть люди, родившиеся в Тромсё, и есть гости, приехавшие к нам издалека. Всех нас объединяет любовь к искусству, а также желание больше знать друг о друге.

Потом он прочитал стихи, сложенные экскурсоводом местного музея. В очень вольном пересказе они звучали так:

Жители дальних стран приезжают сюда, чтобы узнать суровую страну Северного полюса. Но когда приходит весна, снег исчезает и здесь. Тролли сбрасы-

вают свои зимние одежды. Цветы тянутся к солнцу. Увы, в этом году у нас очень мало солнца, и, подняв гардины, мы видим снег на горах. Но тепло наших сердец разрушило колдовство троллей. Сегодня солнце гонит ручьи с гор и птицы поют свои вечные песни.

Это уже запахло лирикой.

Мы рассказали о советских поэтах, кое-что даже прочитали по памяти. Тотчас посыпались вопросы:

— Кого вы считаете лидерами ваших молодых лириков?

— Учатся ли у вас иностранцы из западных стран?

— Всегда ли партия дает вам заказы?

— Можете ли вы выбрать тему сами?

— Чья собственность фильм? Господин Ордынский, где вы взяли деньги, чтобы снять ваш фильм?

— Каким вы представляете себе Советский Союз через двадцать лет?

— Может ли художник экспериментировать?

— Все ли ваши лирики обязательно должны быть оптимистами?

Потом начались танцы. Рангвальд Граф подсел ко мне и попросил напеть какую-нибудь сибирскую мелодию. Не знакомы ли мне песни северных народов Сибири?

Я сообразил, что в детстве учитель пения иногда выставлял меня за дверь: желания петь было у меня куда больше, чем умения и слуха.

— Но все же попробуйте, — настаивал Граф.

Невнятное мое мычание он тотчас перевел на язык нот, причем сделал это быстро, привычно, карандаш так и мелькал над листком нотной бумаги.

— Вы увлекаетесь музыкой?

— Мое дело — бетон и расчеты гражданских сооружений. Но в свободные вечера дирижирую местным оркестром и хором.

— А лирика?

— Поэзия и музыка так близки друг другу.

Потом я узнал, что Рангвальд Граф превосходно играет на валторне, виолончели и трубе. Он вовсе не дилетант, у него, кроме диплома инженера, свидетельство об окончании консерватории. Граф председательствует в клубе любителей музыки. Он страстный собиратель музыкального фольклора. Его заинтересовали

саамские «йюки», и за полгода он выучил язык саами. Несколько лет назад Граф выступил с докладом на европейском конгрессе, посвященном народной музыке. Когда студенты-кинолюбители сделали фильм о годах оккупации, инженер написал для него музыку. Он свой человек в местном театральном обществе, выступает как актер и художник-декоратор.

— Не так давно, — рассказывали мне о Графе, — город отмечал его пятидесятилетие. Один оратор выразился так: «Таланты стоят у него в очереди друг за другом. Может быть, было бы лучше, если бы он дал полную волю одному, развивал бы только его».

В сибирском городе, где прошло мое детство, жил профессор Вячеслав Петрович Косованов. Его специальностью была геология. Но он отдал годы составлению библиографии Приенисейского края. Он основал квартет любителей камерной музыки. Вячеслав Петрович был организатором и председателем местного Географического общества. Именно он сумел увлечь школьников города поисками полезных ископаемых.

Такие люди будоражат других, не дают им закидать. Может быть, они и распыляют свои таланты. Но как их энергия украшает жизнь! Сколько новых дарований побуждают они к проявлению, к деятельности! Сколько людей с их помощью находят себя!

ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ ПОЛЕТОМ

Руал Амундсен через несколько минут покинет Тромсё.

В левой руке у него небольшой свиток. Может быть, карта, может, сводка погоды. Погода была так себе. Но он решил лететь.

Амундсен смотрит на крутые зеленые склоны за синью пролива. Он видит их последний раз. Он не знает, что прощается с ними.

Не так давно знаменитый полярный исследователь сказал журналистам, что уходит на покой, сделав все, что было им задумано. Он первым из людей достиг Южного полюса. Его рука, водрузившая флаг на южном конце земной оси, сбросила затем выпел с дирижабля, плывущего в небе над Северным полюсом.

Он покорил Северо-Западный проход на купленной здесь, в Тромсё, крохотной одномачтовой яхте «Иоа». Его экспедиция на судне «Мод» была третьей в мире, преодолевшей Северо-Восточный проход. К Амундсену прижизненно пришла слава одного из величайших путешественников двадцатого столетия.

И вот он, старый человек, с лицом, изрезанным морщинами, стоит на пороге последнего своего часа. Голова не покрыта, капюшон полярного костюма откинут назад. Сейчас Амундсен шагает к берегу, где его ждет лодка. Неподалеку покачивается на волне гидросамолет «Латам».

Телеграф сообщит миру: сегодня, 17 июня 1928 года, известный полярный путешественник Руал Амундсен с экипажем французского летчика Гильбо вылетел на поиски людей с итальянского дирижабля «Италия», потерпевшего катастрофу во льдах.

Потом земля услышит позывные «Латама» и запрос сводки погоды. После этого связь оборвется. Навсегда. Лишь одному радисту покажется, что он поймал слабый сигнал бедствия.

Мы до сих пор не знаем, что произошло в воздухе. Осенью рыбаки заметили на волнах странный предмет. Они не сразу опознали в нем поплавков гидросамолета. А позднее море принесло пустой бак из-под бензина. На нем разобрали надпись: «Латам».

Мне посчастливилось однажды видеть Руала Амундсена. Это было за год до его гибели. В газетах появилось сообщение, что знаменитый путешественник скорым сибирским поездом возвращается из Японии на родину через Владивосток. У меня и двух моих приятелей засела мысль — добыть автограф! В те годы сбор автографов и состязания в ответах на вопросы викторины были школьными поветриями.

Скорый приходил поздно вечером и стоял по расписанию несколько минут. Мы дежурили на вокзале. На беду поезд опаздывал. Торжественной встречи норвежца не предполагалось, а к полуночи разбрелись и немногие любопытные. Осталось лишь двое журналистов, секретарь горсовета и еще несколько человек, которых мы не знали. Впрочем, были еще мальчишки, как видно, тоже любители автографов.

Отрывисто ударил станционный колокол. Это был

сигнал: скорый вышел с последней станции. Вот и яркие огни паровоза. В составе всего пять вагонов. Встречающие торопятся к третьему.

— Куда? — и милиционер преграждает нам путь к подножке «пульмана».

Встречающие уже в вагоне. Может, Амундсен выйдет вместе с ними подышать июльским ночным воздухом?

— Вон он! Вон он! — раздается мальчишеский вопль.

Это он, герой Арктики! Сквозь зеркальное окно вагона виден его орлиный профиль. Он что-то говорит, кивает головой. Хоть бы вышел на минутку! Но уже дважды ударил в колокол дежурный по станции. Из вагона торопливо спускаются журналисты. И в тамбуре появляется он. Но боже мой, в каком виде! Полосатая куртка как у циркача (о существовании пижам сибирские мальчишки в те годы и не слыхивали), и не гигант вовсе, разве что немного выше среднего роста. Лишь лицо такое, как на портретах: профиль старого мудрого вождя индейцев.

Это лицо и запечатлел скульптор Карл Паульсен на памятнике в Тромсё. А поближе к берегу в розовый гранит вделана плита, где поименован экипаж «Латама»: Гильбо, Дитрихсен, Валенте, де Кувервиль, Брази.

Амундсена искал наш ледокол «Малыгин», а также летчик Борис Чухновский, название самолета которого звучит несколько странно: «Красный медведь». С воздуха и моря были обследованы многие острова и восточный берег Шпицбергена. Правительство Норвегии в свое время передало глубокую благодарность «за отважную и большую работу, проделанную командным составом, экипажем и летчиками ледокола «Малыгин» в деле оказания помощи Руалу Амундсену и его товарищам».

КАПИТАНЫ ЛЕДОВОГО ПЛАВАНИЯ

С ним захотели встретиться деятели Арктического общества.

Собрались путешественники, старые полярные капитаны и пилоты, молчаливые и неторопливые.

Моя книга о Нансене пошла по рукам. Капитаны безмолвно передавали ее друг другу, кивали головой. Потом один из них сказал, что им, конечно, очень приятно узнать, насколько в Советском Союзе ценят и помнят Нансена. Однако он хотел бы заметить, что, как видно, художник, иллюстрировавший книгу, никогда не охотился на белых медведей.

Я с готовностью подтвердил это. Мне указали на некоторые неточности в рисунках.

Поднялся Юхан Хагеруп, председатель Полярного общества:

— Мы всегда рассматривали Нансена, как великого сына Норвегии. Мы рады, что его имя столь хорошо известно русскому народу, и особенно русской молодежи. В свое время Нансен был идеалом для молодежи многих стран. Он много значил не только для своей родины.

Тромсё — город, где жизнь ряда поколений связана с Северным Ледовитым океаном. Смелчаки уходили отсюда во льды, и не все они возвращались обратно. Наше общество, созданное здесь в 1947 году, стремится продолжать старые традиции. Мы изучаем прошлое, а также ищем пути дальнейших исследований в Арктике. В нашем обществе шестьсот членов, и все они знают Арктику не только понаслышке. У нас бывали советские полярники. Мы трудимся в одном океане, на одном рабочем месте, и у нас много общих задач. Я мог бы еще долго рассказывать о нашем обществе, но, наверное, другие тоже хотят сказать или спросить что-либо.

Однако никто не попросил слова. Наступило молчание. Его прервал Коре Педерсен, член правления общества:

— Я думаю, что именно русские могут оценить Нансена больше и полнее, чем другие. Что касается жителей Тромсё, то мы назвали именем Нансена площадь и поставили ему памятник. У нас есть навигационная школа — может, гости видели ее здание высоко над городом? Так вот, мне приходилось говорить со студентами. Для них Нансен — идеал. Мне хотелось бы знать, увековечено ли имя Нансена в Советской России?

Я с удовольствием рассказал о горе Нансена на

Таймыре, об острове Нансена, о проливе Фрама, о совхозе имени Нансена, о школе имени Нансена и, наконец, об улице Нансена в заполярном городе Норильске, о совсем новой, еще не полностью застроенной улице, по которой мне недавно довелось ходить. Слушатели удовлетворенно кивали головой.

— Года три назад в городе Шиене открыли памятник Яльмару Иогансену, с которым Нансен ходил к полюсу,— пробасил бородатый моряк.— А сын Иогансена жив. Но он не полярник, не путешественник. Он аптекарь.

— Если вам это интересно знать, — сказал с места другой, — то в Гренландии, которую первым пересек Нансен, теперь кое-что переменялось. В поселке Годхоб, где Нансен прожил зиму среди эскимосов, появились две мощные улицы. Там есть также такси. Это русские машины, их купили потому, что они не боятся морозов.

— Наши гости, наверное, не знают, — добавил председатель, — что мы издаем свой журнал «Полярная почта». Он, конечно, не так красив, как столичные издания, но журнал поможет узнать, чем занимается общество. И я хочу вручить гостям несколько экземпляров нашего журнала, а также вот этот сборник скандинавских саг, из которого ясно, как давно наших предков притягивали север и льды. А теперь мы будем пить кофе и продолжать беседу.

Но это предложение было осуществлено лишь наполовину: прихлебывая кофе, все молчали. Молчание не казалось, однако, тягостным.

— Фритьоф Нансен в разное время бывал в вашей стране, — наконец обратилась ко мне пожилая женщина, исполнявшая обязанности секретаря общества (после я узнал, что она полжизни провела на полярных островах). — К сожалению, у нас об этом известно гораздо меньше, чем о его путешествиях в Арктику. А ведь это представляет интерес, не так ли?

Я согласился и подумал про себя, что это верно не только для Норвегии, но и для нас.

Великий норвежец был в той или иной степени связан с нашей страной на протяжении трех с половиной десятилетий. История этих связей, научных, политических, дипломатических контактов выходит за рамки

биографии одной личности, пусть даже такой крупной, как Нансен.

Она типична в более широком смысле. Она свидетельствует о непреходящей общности, близости интересов двух народов. Ее полезно вспоминать снова и снова. И нам и норвежцам.

СТРАНИЦЫ ОДНОЙ ХРОНИКИ

Доверие, поддержка, благоприятствование — так определил бы я отношение общественности России к начинаниям норвежских ученых и исследователей.

Русские дипломатические архивы сохранили переписку с Нансеном перед началом ледового дрейфа «Фрама». Недавно обнаруженные документы подтвердили, что в Норвегию были высланы не только карты, но и подробные описания населенных пунктов побережья Сибири. Специальное правительственное свидетельство, выданное Нансену, предлагало всем местным властям и частным лицам при заходе «Фрама» в российские воды и высадке экипажа на берег «оказывать означенной экспедиции в случае надобности возможное во всем содействие и помощь».

Известно, что американский адмирал Грили публично назвал план дрейфа «Фрама» в полярных водах «бессмысленным проектом самоубийства». Русский адмирал Макаров, напротив, публично одобрил идею экспедиции. Он предложил также через год после отплытия «Фрама», если это понадобится, послать на Землю Франца-Иосифа вспомогательное судно.

Известный русский полярник Эдуард Толль завез на Новосибирские острова, откуда «Фрам» должен был повернуть на север, дополнительные запасы продовольствия. При этом Толль не раз рисковал жизнью. Норвежские газеты писали, что жертвы, принесенные ради Нансена, ярко показывают, с каким участием следит Россия за отважным предприятием сынов Норвегии.

Когда после завершения экспедиции Нансен весной 1898 года посетил Петербург, ему была устроена торжественная встреча. Его заслуги перед наукой были отмечены орденом Станислава 1-й степени и Константи-

новской медалью, высшей наградой Географического общества. Русские полярники советовались с норвежцем и намечали планы совместных исследований в Арктике.

Предпринятое Нансеном в 1913 году путешествие в Сибирь явилось новым проявлением его интереса к России. «Страна будущего» — так он суммировал свои сибирские и дальневосточные впечатления. По собственному признанию, Нансен «полюбил эту огромную страну, раскинувшуюся вширь и вдаль, как море, от Урала до Тихого океана...», страну, освоение которой он считал великой задачей, выполняемой русским народом.

С первых дней мировой войны Нансен осудил взаимное истребление народов Европы. Революцию в России он встретил как будто сдержанно. В то бесконечно трудное для нас время, когда мировая реакция пыталась задушить Советскую республику, Нансен неожиданно для всех приехал в Москву для переговоров об обмене пленными. Он увидел все своими глазами и вскоре осудил интервенцию против Советской России. Нужна и оправданна, говорил он, лишь одна интервенция: против голода и болезней.

А затем настала трагическая весна 1921 года: небывалая засуха, черная, опаленная солнцем земля, заколоченные избы, голод в Поволжье. Нансен отложил планы новых путешествий и стал верховным комиссаром Красного Креста для оказания помощи голодающим. Он снова отправился в Советскую Россию.

Когда Нансен вернулся из своей короткой поездки, от него ждали осуждения большевистского режима. Но корреспондент, первым встретивший его по возвращении из Москвы и задавший вопрос о «красной опасности», вынужден был сообщить читателям обескураживающую новость:

«Нансен выразил уверенность, что в настоящее время для России невозможно какое-либо другое правительство, кроме Советского, что Ленин является выдающейся личностью и что в России не делается никаких приготовлений к войне».

Вскоре Нансен с трибуны Лиги наций произнес знаменитую речь о голоде в Поволжье, полную гнева и мольбы:

— С этого места я обращаюсь к правительствам, народам, ко всему миру и зову на помощь! Спешите с помощью, пока не будет чересчур поздно!

Получив отказ, Нансен опять пересек советскую границу. На старом автомобиле он объехал деревни Самарской и Саратовской губерний. Он видел мечущихся в голодном тифу. Видел оголенные стропила изб: солому с крыш давно съели. Видел сирот в детских домах: опухшие животы, бессильные, тонкие руки, изгрызенные с голоду.

Нансен всегда говорил, что любовь к людям требует действия. Вернувшись из Поволжья, он отправился по европейским столицам, стуча в чугунные сердца, требуя, прося, настаивая. Он встретил сочувствие и поддержку многих тысяч простых людей и услышал равнодушные отказы власть имущих.

И пусть был еще скуден тот ручеек зерна, который на первых порах удалось направить в Поволжье «Организации Нансена», но норвежец верил, что ему удастся сделать больше, что он должен сделать больше и не отступит, пока не сделает все, что в его силах.

После того как Советская страна победила голод, Нансен еще не раз был нашим гостем. Последним его значительным путешествием была поездка на Кавказ и Волгу. За несколько месяцев до смерти он работал над книгой об этом путешествии и запрашивал советских коллег относительно трудов, посвященных великой русской реке.

...На окраине Осло, среди старых сосен — «Пульхегда», дом, построенный Нансеном вскоре после возвращения из экспедиции на «Фраме».

По ступенькам «Пульхегды» весной 1930 года на руках вынесли останки великого сына Норвегии. Гроб был выставлен на открытой колоннаде здания университета Осло. Десятки тысяч людей, сняв шапки, молча стояли в ближайших улицах. Во всей стране были опущены флаги. Глухо ударила пушка крепости Акерхус — той старой крепости, которая салютовала Нансену при возвращении из его знаменитых экспедиций. После выстрела на две минуты над страной воцарилась тишина.

За гробом шло пятьдесят тысяч человек. Гроб был покрыт норвежским национальным флагом, который

Нансен держал выше и носил дальше, чем кто-либо другой из его соотечественников.

Урна с прахом вернулась в «Пульхегду». Простая могильная плита появилась на лужайке перед домом.

В этом доме все оставлено в неприкосновенности — так, как было утром 13 мая 1930 года, когда Нансен, сидя в плетеном кресле на веранде, вдруг уронил голову на грудь и вздохнул последний раз в жизни. Все оставлено в неприкосновенности, только с одеяла широкой кровати, где Нансен провел дни болезни, убраны синие карты полярных стран и чертежи дирижабля, на котором почти семидесятилетний путешественник собирался лететь к полюсу во главе экспедиции международного общества «Аэроарктик».

План этой экспедиции был окончательно разработан на конференции в Ленинграде. Под руководством Нансена дирижабль должен был не только пролететь над полюсом и «полюсом относительной недоступности», но и высадить на льды в сердце Арктики группу ученых. Полет намечался на лето 1930 года...

В рабочем кабинете Нансена нет и следа музейного холодного порядка. Кажется, что хозяин отлучился куда-то на минуту, оставив на громадном столе книги, рукописи, атласы. Среди книг — «Россия и мир», в которой Нансен писал: «Не может быть никаких сомнений в том, что русскому народу предстоит великое будущее».

В этом кабинете среди дипломов множества академий и научных обществ — удостоверение, выданное Московским Советом своему почетному члену Фритьофу Нансену.

И здесь же кожаная папка. В ней — грамота, по предложению М. И. Калинина посланная гражданину Нансену IX Всероссийским съездом Советов с выражением глубочайшей признательности от имени миллионов трудящегося населения РСФСР за благородные усилия спасти гибнущих крестьян Поволжья. «Русский народ, — сказано в ней, — сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Фритьофа Нансена».

Короткая наша хроника укладывается меньше чем в четыре десятилетия. В эти десятилетия началась ломка старого мира и становление нового. В вихрях, мя-

тущихся над планетой, мелькнул и затерялся листок летописи, посвященный событиям отнюдь не главным, не решающим. Но стоит все же вспомнить их хотя бы для того, чтобы не преувеличивать значения сегодняшних временных размолвок, оценивать их в исторической перспективе.

* * *

Завтра — самолет, Киркенес, граница. Завтра будем дома.

Сегодня прощаемся с Тромсё.

Едем через мост. Там, за проливом, — станция канатной дороги. Кабина поднимает нас на сотни метров. Небольшая площадка над бездной. За спиной горная тундра, замшелые камни, олени, ищущие корм. Пахнувший талым снегом холодный ветер дует оттуда, из горного мира, заставляет поднимать воротники пиджаков и плащей.

А внизу, в бездне, длинный зеленый остров, лишь отчасти занятый городскими кварталами. Это вам не хаммерфестская тесная долина, тут хватит места еще для нескольких Тромсё.

Прозрачные дали не замутнены заводскими дымами. По синему стеклу пролива скользит к белому мосту белый корабль. Он идет в водах, раскрытых в северные просторы, в водах, откуда несколько столетий уходили навстречу неведомому отважные, ищущие люди.

С птичьего полета видно дорогу, по которой отправилась в поход вокруг севера Евразии «Вега» Норденшельда, ушел с надеждой и вернулся с триумфом «Фрам», над которой последний раз взлетел Руал Амундсен.

Чтобы увидеть эту дорогу, почувствовать дух этого города, сюда, в Тромсё, собирался приехать уже безнадежно больной Чехов, мечтавший о совершенно новой пьесе, сюжет которой, по воспоминаниям Станиславского, «был как будто бы не чеховский». Последнее действие этой так и не написанной пьесы должно было происходить на затертом льдами корабле экспедиции, идущей к Северному полюсу...

Завтра — самолет, Киркенес, граница...

Иногда покидаешь чужую страну с чувством облегчения. Иногда — в состоянии некоторой душевной смуты, когда хочется поскорее вернуться домой, чтобы спокойно разобраться в противоречивых впечатлениях. Норвегию на этот раз я покидал с сожалением.

Огорчительно, конечно, что сегодня Норвегия — в блоке с теми, кто против нас. Но это дело преходящее. Блоки возникают и распадаются, народы остаются. Остается взаимное притяжение между народами.

Норвежец? Воображение рисует нам высокого, крепкого, светловолосого человека. Он немногословен, сдержан. Горы, море и льды формировали его характер.

Нам не трудно понимать друг друга. Хочется верить, что пора нашего нового сближения — не в столь отдаленном будущем. И право, стоит поработать для этого будущего!

*Москва — Швеция — Норвегия,
1965—1969 гг.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

БОЛЬШОЙ СТОКГОЛЬМ

В том же доме	5
Страна, о которой спорят	11
«Нью-Йорк?»	16
Одна машина на... шведов	23
Ключ от квартиры	29
Вечерний долгий разговор	34
Отцы и дети	41
Школьный психолог, модс и сюнар	44
Проблемы больших и маленьких	47
Семья Свенссон платит налоги	53
Бастуют «академики»	59

«ДАЖЕ ВЫ, ЛЕВЫЕ...»

Маршрутом «Королевы Виктории»	69
Надо искать!	72
День в столице	78
Забывтое интервью	81
Круг замкнулся...	84
Размышления у памятника Брантингу	86
Между выборами	91
В Рабочей коммуне	96
Леннарт Юхансон, социал-демократ	99
Еще социал-демократ	103

РЕПОРТАЖ ИЗ «СПАЛЬНОГО ГОРОДА»

Типично ли?	109
Рогсвед с первого взгляда	114
...и три недели спустя	116
Свен Францен, оптимист	119
Бенгт и формовщик, склонные скорее к пессимизму	123
О женщинах пусть скажут женщины!	128
Вечер у Анны-Лизы	132
Система всеобъемлющая, но...	136
Дом-коммуна и г-н Энквист	138
Интервью со студентом	144
Молодежный центр «спального города»	147

ХОЖДЕНИЕ К НОРВЕГАМ

Перетаскиваемся через границу	155
Солдат на холме	158
Дети тоннеля	163
«Главное производство — конторское»	168
Сошли с курса...	173
Дом, в котором мы живем	175
Дела житейские	179
На берегу Варангер-фиорда	182
Анни, вчерашняя школьница	186
Георг Габриельсен принимает гостей	189
Как мы рыбачили	194
Иван Кривонос, норвежский предприниматель	199

У КРАЯ ЕВРОПЫ

Кое-что о норвежском характере	203
Рикард спрашивает...	206
Лейф-весельчак	208
Дуга меридиана	211
Белый медведь на красном поле	213
Когда с гор спускаются олени	218
Дверь, распахнутая в Арктику	220
Тромсёйские лирики	225
Перед последним полетом	227
Капитаны ледового плавания	229
Страницы одной хроники	232

Кублицкий Георгий Иванович

ВЕЧЕРА СО СКАНДИНАВАМИ. М., «Молодая гвардия», 1970. 240 стр., с илл.

91 (И)

Редактор Я. Киселев

Оформление В. Бродского

Фото автора

Худож. редактор Н. Коробейников

Техн. редактор Н. Михайловская

Сдано в набор 15/IX 1969 г. Подписано
к печати 19/V 1970 г. А02617. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 7,5 (усл.
12,6) + 8 вкл. Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 65 000 экз.
Цена 58 коп. Т. П. 1969 г., № 163. Заказ 1636.

Набрано в типографии ТСХА, отпечатано
в типографии издательства ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Москва, А-30,
Сущевская, 21.